

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования

«Столичная финансово-гуманитарная академия»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ. Выпуск 28

НОУ ВПО «СФГА»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 28

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Материалы международной научно-практической
конференции «Модернизация экономики
и общества в России в XXI веке»

16 февраля 2012 года

Москва 2012

Министерство образования и науки Российской Федерации
НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия»
Отделение философии образования и теоретической педагогики
Российской академии образования

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 28

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ОБЩЕСТВЕ**

Материалы международной научно-практической конференции
«Модернизация экономики и общества
в России в XXI веке»

16 февраля 2012 года
Москва, НОУ ВПО «СФГА»

Москва
2012

Печатается по решению Редакционно-издательского Совета
НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия»

Редакционная коллегия:

Грачев В.В., доктор педагогических наук, профессор
Дроздов В.В., доктор экономических наук, профессор
Дашин Е.В., кандидат экономических наук, доцент
Шевчук А.Н., кандидат юридических наук, профессор

Ученые записки. Выпуск 28. Актуальные проблемы права в современном российском обществе / Материалы международной научно-практической конференции «Модернизация экономики и общества в России в XXI веке» (16 февраля 2012 года, Москва, НОУ ВПО «СФГА») / Под научной редакцией В.В.Грачева – М.: НОУ ВПО «СФГА», 2012 – 188 с.

ISBN 978-5-903360-69-7

Материалы Международной научно-практической конференции, проведенной 16 февраля 2012 г. в Москве на базе Столичной финансово-гуманитарной академии, посвящены актуальным проблемам современного состояния и перспективам развития модернизации экономики и общества в России в XXI веке. Ведущие ученые – экономисты, менеджеры, юристы, философы, педагоги, психологи, преподаватели высшей школы – в рамках данной конференции обсудили социально-экономические, культурологические, правовые и психологические аспекты изменяющегося российского общества, провели анализ рисков модернизации современной российской экономики, определили перспективы модернизации экономики и социокультурных проблем общества, в том числе перспективы и последствия модернизации современного отечественного высшего профессионального образования

ISBN 978-5-903360-69-7

© НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия», 2012
© ООО «Вариант», 2012

АНТИПОВ Д.Н. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА ЛИБО ГРУППЫ ЛИЦ ПО ПРИЗНАКУ ОТНОШЕНИЯ К РЕЛИГИИ И НЕКОТОРЫХ СХОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	5
БАРАТАШВИЛИ Л.Н. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В РОССИИ	10
ВЕСЕЛОВ В.В. ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРОВ	15
ГОЛОВКО С.С. ТЕРРОРИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	18
ГОМОНОВ А.Д. НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ	23
ГОМОНОВ Н.Д. МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	26
ГРИЦЕНКО Н.В., МАРКИН В.Г. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ	31
ДЯДЬКИН О.Н. ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	36
ЖАБАГИНОВ Р.А. КАК В РОССИИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНАЯ ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНКУРЕНЦИИ	42
ЖЕРУГОВ Р.Т. ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН	50
ЖУКОВИНА В.С. ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОВМЕСТНОГО ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТОВ ПО ВОПРОСАМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА	59
ЗВОНОВ А.В. ПРИМЕНЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА	73
КОЛОДКИН Л.М. О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РФ)	77
МАМЕТНИЯЗОВА Л.Н. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	86

НАЗАРКИН М.В. ВЫСОКОРИСКОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА.....	90
ОВЕЧКИН А.П. ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И ВИДЫ ДОГОВОРОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ТОРГОВОЙ СФЕРЕ.....	97
ПОПОВ К.И. Крайняя необходимость при неуплате налогов	105
РАСТОРОПОВ С.В. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО ФУНДАМЕНТА СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	108
РАСТОРОПОВА О.В. ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ ПО УК РФ 1996 г.: АКТУАЛЬНОСТЬ И НОВИЗНА ПРОБЛЕМЫ	117
РАХИМОВ Р.Х. ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ В ОТРАСЛЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА	122
РАШЕВА Н. Ю. РАЗВИТИЕ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.....	134
РОЩУПКИНА Н. Н. ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	138
СМИРНОВА В.В. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА.....	144
ТЫЧИНИН Р.В. СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ТРАСТА).....	149
ФОФАНОВА Н.П. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ	156
ХОХЛОВА Е. С. ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	160
ЦВЕТКОВА Е. В. НУЖЕН ЛИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕДАГОГ ИЛИ ПСИХОЛОГ?.....	163
ЧУЧЕЛОВ Е.Н. НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ.....	171
ШЕВЧУК А.Н. ОКАЗАНИЕ АДВОКАТОМ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ.....	181

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВОЗБУЖДЕНИЯ НЕНАВИСТИ ЛИБО ВРАЖДЫ, А РАВНО УНИЖЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕКА ЛИБО ГРУППЫ ЛИЦ ПО ПРИЗНАКУ ОТНОШЕНИЯ К РЕЛИГИИ И НЕКОТОРЫХ СХОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Антипов Д.Н.

Соискатель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО (У) МИД России (г. Москва)

Предлагаем рассмотреть вопрос, связанный с разграничением возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения достоинства человека либо группы лиц по признаку отношения к религии и сходных преступлений, объективную сторону которых образуют общественно-опасные коммуникативные акты.

Помимо возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК) в российском уголовном законодательстве существует ещё несколько преступлений, объективную сторону которых в той или иной мере составляют коммуникативные акты экстремистского или «квазиэкстремистского» содержания. Для нашего исследования интерес представляют следующие составы:

1. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК).
2. Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами (часть 3 ст. 212 УК).
3. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК).

Перечисленные составы преступлений с объективной стороны являются не просто коммуникативными актами, а публичными коммуникативными актами, в рамках которых происходит

распространение информации, содержащей ясное словесное побуждение реципиентов к совершению общественно-опасных действий. Объективная сторона публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности кроме того, включает в себя также случаи побуждения адресатов информации к совершению посягательств по мотивам религиозной (или иной социальной) ненависти и вражды.

При разграничении трех рассматриваемых составов преступлений необходимо учитывать следующее:

Диспозиция ст. 280 УК является бланкетной и отсылает нас к определению экстремистской деятельности, приводимому в федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (см. Приложение 1). Согласно этому определению, публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность являются формами экстремистской деятельности. ФЗ № 35-ФЗ от 06.03.06 «О противодействии терроризму»¹ уточняет и детализирует понятие террористической деятельности.² Таким образом, одна из форм преступления, предусмотренного ст. 205² УК (а именно публичные призывы к осуществлению террористической деятельности³),

¹ Российская газета. — 10.03.2006. — № 48, Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 11. — Ст. 1146.

² Согласно данному закону «террористическая деятельность – деятельность, включающая в себя: а) организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; б) подстрекательство к террористическому акту; в) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой структуре; г) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; д) информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; е) пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности».

³ Другая форма данного преступления, – публичное оправдание терроризма, – является самостоятельной криминализованной формой экстремистской деятельности и квалификационных проблем в свете темы нашего исследования не порождает.

является частным случаем преступления, предусмотренного ст. 280 УК. Норма ст. 205² УК является специальной по отношению к норме ст. 280 УК, при этом уточняющим признаком, служащим для отграничения публичных призывов к осуществлению террористической деятельности от публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности служит конкретное содержание распространяемой в рамках этих коммуникативных актов информации. Конкуренции между нормами ст. ст. 280 и 205² УК по указанным причинам не возникает: при квалификации, например, религиозно-мотивированных призывов к осуществлению террористических актов или другой террористической деятельности применению подлежит не общая норма ст. 280, а именно ст. 205² УК в качестве специальной нормы.¹

Массовые беспорядки (имеются в виду преступления, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 212 УК), насилие над гражданами (в случаях, когда оно подпадает под признаки преступлений против жизни и здоровья), совершаемые по мотиву религиозной ненависти или вражды, а равно и по другим мотивам, предусмотренным в пункте «е» части 1 ст. 63 УК, также являются формами экстремистской деятельности согласно дефиниции ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».2 Следовательно, публичные призывы к совершению данных деяний подпадают не только под признаки преступления, предусмотренного частью 3 ст. 212 УК, но ещё и под признаки публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Правоприменительная практика пока что не предлагает однозначного разрешения данной квалификационной дилеммы (да и не то, чтобы часто с ней сталкивается). По нашему мне-

¹ Подробнее о правилах разрешения конкуренции общей и специальной норм см. Кудрявцев В. Н. Избранные труды по социальным наукам. Том первый. — С. 426 – 431.

² Из данного вида преступлений слагается, в частности, такая форма религиозно-экстремистской преступности, как погромы.

нию в тех условиях, когда (а) призывы к массовым беспорядкам и насилию над гражданами совершаются публично, и (б) в качестве основы для пропагандируемых массовых беспорядков и насилия над гражданами озвучиваются экстремистские мотивы, то подобные деяния следует квалифицировать по ст. 280 УК (как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности). Представляется очевидным, что при названных условиях такие посягательства будут неизбежно направлены на объект, защищаемый нормой ст. 280 УК (т. е. на должную организацию межрелигиозных и межнациональных отношений в России, являющуюся консенсусным политическим идеалом элиты и элементом конституционного строя нашей страны), что и обуславливает такую квалификацию. Нормы части 3 ст. 212 и ст. 280 УК не являются общей и специальной нормами по отношению друг к другу: они выполняют разные функции, да и смоделированные в них деяния совпадают лишь частично. И все же в вышеописанном случае нельзя говорить о конкуренции этих двух норм. Здесь речь скорее идет о публичных призывах к массовым беспорядкам по экстремистским мотивам и насилию над гражданами по тем же мотивам как о способе совершения преступления, предусмотренного ст. 280 УК (возможные пути квалификации преступлений, совершаемых посредством других преступлений-способов описывает, в частности, Н. Ф. Кузнецова¹). Итак, уточняющим признаком, служащим для отграничения публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности от совершаемых публично призывов к массовым беспорядкам или к насилию над гражданами, является наличие или отсутствие экстремистской направленности у действий, составляющих побудительную цель подобных призывов.

В качестве предварительного вывода полагаем целесообразным указать на необходимость пенализации как экстремист-

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. — С. 287 – 296.

ских деяний отдельных видов призывов к массовым беспорядком.

При разграничении совершаемых по признаку отношения к религии публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности и возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства следует учитывать ещё один момент. Оба этих состава из-за особенностей конструкции объективной стороны являются формальными (некоторые авторы называют их усеченными¹). Вместе с тем вероятные последствия обоих посягательств косвенно обозначены в текстах соответствующих правовых норм и должны охватываться умыслом виновных.

Таким образом, конкретное содержание и направленность умысла как основного элемента субъективной стороны каждого из данных преступлений, а также имеющаяся у виновного цель могут стать четкими критериями разграничения преступлений, предусмотренных ст. ст. 280 и 282 УК. Наиболее актуально разграничение этих составов в ситуации, когда один и тот же коммуникативный акт может быть истолкован либо как лозунг, унижающий достоинство группы лиц по признаку отношения к религии, либо как призыв к конкретным действиям.²

¹ Мы не согласны с пониманием формального состава как состава, где объективную сторону образуют «деяния без последствий». Любое общественно-опасное деяние посягает на конкретный социально-значимый объект, и это посягательство с неизбежностью отражается на данном объекте в форме тех или иных негативных результатов. Следовательно, важным является не то, есть ли последствия, а то, играют ли они квалификационное значение. В таком свете исчезают различия между формальными и усеченными составами.

² В частности, в приговоре Свечинского райсуда Кировской области от 1 марта 2002 г. (по делу А. А. Добровольского) отмечается следующее: «По заключению экспертизы лозунги «Смерть жидам!», прозвучавшие на празднике Купалы в ночь с 23 на 24 июня 2000 года в д. Васенево Шабалинского района, направлены на возбуждение национальной вражды и унижение национального достоинства по отношению к евреям...».

Кроме того, такое разграничение также актуально и для ситуации, когда квалификации подлежит заявление, провоцирующие адресатов к дискриминационным, враждебным или экстремистским действиям по отношению к какой-либо иной религиозной группе, или к аналогичным действиям против светского общества, совершаемым по религиозным мотивам.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ОБРАТНОЙ СИЛЫ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В РОССИИ

Бараташвили Л.Н

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета (г. Владимир)

В настоящее время в нашем государстве идет процесс реформирования законодательства. В частности, в уголовном законодательстве видна тенденция к гуманизации. Принимаются новые законы, обсуждаются законопроекты, смягчающие наказание, отменяющие нижний предел санкций и даже изменяющие критерии деления преступлений на категории. В связи с этим возникает множество проблем при применении данных норм на практике, поскольку действующий уголовный закон четко регламентирует запрет обратной силы норм, усиливающих наказание или иным образом ухудшающих положение лица. Однако уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу, в том числе на лиц, отбывающих наказание или отбывших наказание, но имеющих судимость.

Данная проблема является актуальной на сегодняшний день, но прежде чем рассматривать сущность данного института необходимо изучить историю его развития.

Первое законодательное упоминание о действии законов во времени в России встречается лишь в Судебнике 1550 года. В западной же системе права уже в IX-X веках закон воспринимался как единая система, которая развивается во времени. Вследствие этого, практически до XVI века русское законодательство затрагивало лишь вопросы пространственного ограничения применения определенных законодательных положений.

Кроме того, необходимо учитывать, что на Руси очень долгое время имело огромное значение и силу обычное право, которое, вообще не допускало вопроса о времени возникновения того или иного правила поведения.

В Судебнике же 1550 года впервые встречаются положения о действии закона во времени: закон не имеет обратного действия: "которые дела прежде Судебника вершины..., быти тем делом всем..., как прежде сего вершены..." (ст.97). Общий закон действует на пространстве всего государства (ст.99) в противоположность прежним местным законам¹.

В XVIII веке обратная сила уголовного закона служила преимущественно инструментом защиты интересов правящего слоя общества. Постепенно, в связи с формированием представлений о ценности человека и его естественных правах обратная сила уголовного закона стала приобретать свойство обеспечения интересов личности. К концу XIX века сформиро-

¹ См.: Российское законодательство X-XX века. Т. 2. С. 120.

валось достаточно полное представление об обратной силе уголовного закона¹.

Ученые, занимавшиеся проблемами уголовного права России конца XIX века сформулировали правила обратной силы уголовного закона, схожие с ныне действующими. Профессор Градовский писал, что «гражданин вправе видеть меру дозволенного и недозволенного в действующем законодательстве страны; ни одно действие, совершенное им, не может быть сделано преступным *ex post facto*, т.е. после его совершения. То же должно сказать относительно законов, устанавливающих более суровое, сравнительно с прежним временем, наказание. Обратная сила таких законов была бы ловушкой, расставленной законодателем»².

Что касается обратного действия более мягких законов, Градовский отмечал, что это «не есть даже исключение из этого правила, так как мы имеем здесь дело с другим принципом; подобный уголовный закон не устанавливает невыгодных последствий для частных лиц; напротив, он ограничивает карательную власть государства и тем расширяет область частной свободы. Применение этого закона к деяниям прежнего времени не нарушает основного правила»³.

Рассматривая уголовное законодательство начала XX века нельзя не упомянуть Уголовное уложение 1903 г., в котором относительно обратной силы закона (ст. 14) предусматривалось, что «вновь изданный закон уголовный применяется судом, постановляющим приговор, и к тем, учиненным до дня вступления

1 Барканов А.Н. Обратная сила уголовного закона. Автореф. диссертации. – Саратов. – 2000.

2 Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть) Часть I. По изданию 1902 года. – Репринтное издание. – М. – 1994. – С.231.

3 Таганцев Н.С. Указ.соч. –С.231.

данного закона в силу, деяниям, которые были воспрещены, под страхом наказания за них, во время учинения оных. Наказание, определяемое по вновь изданному закону, смягчается на основаниях, статьей 53 установленных, если законом, действующим во время учинения преступного деяния, наказание за него было установлено менее строгое, чем по закону новому».

Далее исторические изменения, произошедшие в России в период с 1917 года, крепко связали уголовно-правовые взгляды на природу обратной силы с государственно-политическими интересами.

В теории права советского периода довольно широко признавалось, что принцип "закон обратной силы не имеет" не является абсолютным и в большей части обращен не к законодателю, а к лицам непосредственно реализующих положения закона. Однако в начальный период развития советского законодательства указанное положение никак не оговаривалось, а обратимость закона, в ряде случаев, без особых указаний вытекала из его смысла.

Начиная с 1919 года, вопросы, регулируемые уголовным правом, вследствие дальнейшего развития государственности советской России, стали рассматриваться на уровне принятия и издания отдельных законодательных актов. Так, в 1919 году были приняты Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, в которых также не упоминается о действии закона во времени. Однако на заседании коллегии Народного комиссариата юстиции от 16 декабря 1919 года, в протоколе № 217 было записано: "По вопросу о применении уголовного закона: 1) разъяснить, что советское уголовное право не признает принципа, по которому более суровое наказание нового закона не

имеет обратного действия по отношению к преступлениям, совершенным до издания нового закона..."¹.

Из содержания ст. 67 УК РСФСР 1922 г., а затем ст. 13 Положения о преступлениях государственных тоже усматривается возможность обратного действия этих норм. Так, УК РСФСР 1926 г. Устанавливал ответственность за активные действия или активную борьбу против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств во время гражданской войны².

В отличие от ранее действовавшего законодательства, Основы 1958 года определили условия обратной силы закона и специально упомянули о том, что более суровый закон не имеет обратного действия. Это положение вытекало и из формулировок ранее действовавших уголовно-процессуальных законов, но прямо не выражалось.

Подобное законодательное положение об обратной силе уголовного закона просуществовало вплоть до 1991 года, после чего, в связи с изменениями, внесенными в УК РСФСР, приобрело следующую форму: «закон, устраняющий преступность и наказуемость деяния или смягчающий наказание, имеет обратную силу...»³.

С принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации, провозгласившей высшей ценностью личность, ее права и свободы, правовое регулирование института обратной силы уголовного закона изменилось коренным образом. Основной

¹ Тилле А.А., Швеков Г.В. Действие уголовного закона во времени в первые годы советской власти (1917-1922 гг.) // Правоведение. 1969. № 5. С. 120.

² Дурманов Н.Д. Советский уголовный закон. – М. – 1967. С.46.

³ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1867.

закон определил недопустимость применения обратной силой уголовного закона, устанавливающего преступность деяния или усиливающего уголовную ответственность.

Уголовный кодекс РФ, принятый в 1996 году, воплотил в себе принципы Конституции РФ, что кардинально повлияло на природу обратной силы уголовного закона.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ПРАВ АВТОРОВ

Веселов В.В.

Аспирант кафедры юриспруденции НОУ ВПО «СФГА» (г. Москва)

В соответствии ст. 44 Конституции РФ: в Российской Федерации «интеллектуальная собственность охраняется законом». Вместе с этим в соответствии со ст. 46 Конституции РФ: «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

В современном, развитом обществе соблюдение и следование правилам в сфере интеллектуальной собственности является одним из главных показателей развития общества. При принятии части 4 ГК РФ был урегулирован ряд вопросов между интересами авторов (правообладателей) и обществом в различных областях, таких, как образование, научные исследования, доступ к информации.

Вместе с тем повсеместное использование результатов творческой и интеллектуальной деятельности связано и сопровождается негативными последствиями, а именно незаконное использование результатов труда авторов (правообладателей).

В связи с этим одной из важных задач в деятельности судов общей юрисдикции относится защита интеллектуальной

собственности, составной частью которой являются авторское право и смежные права¹.

Под защитой прав понимается совокупность мер, целью которых является восстановление и признание этих прав в случае их нарушения. Защите подлежат как нарушенные личные неимущественные, так и исключительные права.

При этом следует иметь в виду, что когда речь идет о защите авторских прав, то речь идет о защите прав не только авторов, но и их правопреемников. Это обусловлено тем, что исключительные (имущественные) и личные (неимущественные), права авторов могут нарушаться как при жизни авторов, так и после их смерти. Кроме того, сами исключительные права авторов могут переходить другим лицам еще при жизни автора.

Основным способом защиты нарушенных авторских прав является применение норм гражданского кодекса, нашедших свое отражение в ст. 12 ГК РФ. Однако, применение гражданского законодательства возможно только с учетом особенностей главы 69 ГК РФ. Это обусловлено тем, что в данной главе закреплены основные способы для обеспечения эффективной защиты прав на интеллектуальную собственность. В частности, речь идет о применении ст. 1250 ГК "Защита интеллектуальных прав", ст. 1251 ГК "Защита личных неимущественных прав", ст. 1252 ГК "Защита исключительных прав".

Признание права автора на результат интеллектуальной деятельности является одним из способов защиты, в соответствии ст. 1252 ГК РФ не требуется соблюдения каких-либо формальностей или регистрации произведения. Однако в судебной практике встречается, что авторы сами регистрируют свое авторство в предусмотренном нотариальном порядке.

¹ Пленум Верховного суда Российской Федерации, Постановление от 19.06.2006 г. № 15, О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах.

Нарушение личных неимущественных прав авторов не всегда затрагивает их имущественные права, и наоборот, соблюдение личных неимущественных прав может не препятствовать нарушению имущественных прав.

Защита личных неимущественных прав автора произведения в соответствии ст. 1251 ГК РФ осуществляется независимо от вины нарушителя. В случае нарушения личных неимущественных прав автор также может потребовать компенсации морального вреда, а также законом предусмотрены другие способы защиты права авторов, например, восстановление прав авторов путем признания права, восстановления положения, существовавшего до нарушения права, путем пресечения действий, нарушающих или создающих угрозу его нарушения.

Важно отметить, что на требования о защите личных неимущественных прав не распространяется исковая давность.

Согласно ст. 1267 ГК РФ авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно как самими авторами, так и лицами, физические и юридическими, на которые будет возложена ответственность по защите личных неимущественных прав автора после его смерти. Правопреемник осуществляет свои полномочия пожизненно.

Что касается защиты в отношении нарушенных исключительных прав на использование произведения и распоряжения, требовать защиты нарушенного права могут не только авторы, но и другие правообладатели.

Особым образом регулируются защита прав российских авторов при использовании, созданных ими произведений за рубежом. Всем известно, что авторское право имеет территориальный принцип охраны. А это значит, что произведение российского автора, созданное и обнародованное на территории России, будет находиться по защите на территории другой страны только в том случае, если эта страна является участницей соответствующего международного соглашения. Охрана

предоставляется в соответствии с нормами национального законодательства.

Помимо правовых норм для защиты авторских прав соответствии ст. 1299 ГК РФ могут быть применены технические средства.

В настоящее время в России вопросами авторско-правовой защиты в определенной мере занимается Роспатент. Для борьбы с "пиратами" созданы такие организации, как Московское бюро Международной федерации фонографической промышленности (МФФП) и Российская ассоциация борьбы с "пиратством" аудиовизуальной продукции (РАПО), Российское общество по мультимедиа и цифровым сетям (РОМС). Борьба с нарушениями авторских и смежных прав приобретает особую актуальность в связи со вступлением России в ВТО. Однако на данный момент в стране отсутствует какой-либо государственный орган, который комплексно занимался бы вопросами защиты авторских прав.

ТЕРРОРИЗМ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Головко С. С.

*студентка 5 курса факультета Психологии, педагогики и права
НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия»,
(г. Москва)*

В России Интернет появился в 1990 году, когда сотрудник одного из Ленинградских совместных советско-финских предприятий Дмитрий Володин через своего финского партнера получил свой логин в университете Хельсинки. Через месяц после первого подключения в том же университете был зарегистрирован домен su (soviet union), ставший на 4 года официальным символом СССР в Интернет. В 1994 году домен su был изменен

на ru (russia) и в конце того же года в России появляются первые хакеры. Владимир Анатольевич Левин - первый и самый известный российский хакер. Обычный питерский инженер, закончивший факультет биотехнологий, взломал систему защиты американского «Сити-банка». Он недооценил западных программистов, которые смогли вычислить нашего хакера всего за несколько месяцев. Владимир Левин отсидел 5 лет в американской тюрьме, однако для российского законодательства Владимир Левин был невиновен, так как в то время в России не существовало закона о компьютерных преступлениях¹.

В России первыми шагами для решения этой проблемы стало принятие Закона РФ «О правовой охране программ для ЭВМ и баз данных» от 23.09.1992; Федерального закона «Об информации, информатизации и защите информации» от 20.02.1995; включение в новый Уголовный кодекс специальной главы 28 «Преступления в сфере компьютерной информации». Наиболее проблемным вопросом в этой сфере является распространение идеологии терроризма через Интернет, широко используемый террористами (одной из причин, которой является слабое регулирование вопроса на государственном уровне).

На международном уровне, международными документами, предусматривается противодействие использованию информационных технологий в преступных целях, таким документом является Окинавская Хартия Глобального информационного общества. Она подписана главами «восьмерки» от 22 июля 2000г. Окинавская Хартия Глобального информационного общества призывает международное сообщество к согласованности дей-

¹ См.: Кравченко А.В. Интернет и компьютерный терроризм. [электронный ресурс] / Кравченко А.В. - Электрон. текст. дан. - Режим доступа: www.crime-research.ru/a2001.html

ствий по созданию безопасного и свободного от преступности киберпространства. ФСБ активно противодействует росту числа сайтов террористической направленности – только за последние два года выявлено порядка 1300 фактов использования открытых телекоммуникационных сетей в экстремистских и террористических целях. Так же Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г., Конвенция Совета Европы о киберпреступности от 23 ноября 2001 г., Декларация принципов построения информационного общества, принятая на Всемирной встрече на высшем уровне в Женеве в декабре 2003 г. и др.

Национальный антитеррористический комитет - орган, обеспечивающий координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию терроризму, а также осуществляющий подготовку соответствующих предложений Президенту Российской Федерации. Образован Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму». Этим же Указом утверждено Положение о Национальном антитеррористическом комитете. Терроризм как явление уже превратилось в повседневную реальность для многих государств. Развитие информационных технологий, низкая стоимость, а так же простота доступа, иные такие удобные качества для бизнеса, создаёт новые возможности для террористов. Интернет предлагает террористам средства доступа к огромной аудитории за сравнительно низкую цену. Рассмотрим различные способы кибертерроризма, например, такие как:

1. Психологический терроризм. С помощью Интернета можно посеять панику, ввести в заблуждение.

2. Сбор денег для поддержки террористических движений.
3. Вымогательство денег у финансовых институтов с тем, чтобы те могли избежать актов терроризма и не потерять свою репутацию.
4. Создание сайтов с подробной информацией о террористических движениях, их целях и задачах.
5. Использование Интернета для обращения к массовой аудитории для сообщения о будущих и уже спланированных действиях на страницах сайтов или рассылка подобных сообщений по электронной почте.
6. С помощью Интернета ведется сбор подробной информации о предполагаемых целях.
7. Возможности электронной почты или электронных досок объявлений используются для отправки зашифрованных сообщений.
8. Размещение в Интернете сайтов террористической направленности, содержащих информацию о взрывчатых веществах и взрывных устройствах, ядах¹.

Интернет может использоваться не только для просьб о пожертвованиях от сочувствующих, но также и для вербовки и мобилизации сторонников, играющих более активную роль в поддержке террористических действий. В дополнение к таким средствам поиска новобранцев, как технологии веб-сайта (звук, видео и т.п.), террористические организации собирают информацию о пользователях, просматривающих их сайты. С пользователями, которые кажутся наиболее заинтересованными в деятельности организации или хорошо подходящими для выполнения ее работы, входят в контакт. Вербовщики могут также ис-

¹ Тропина Т.Л. Киберпреступность и кибертерроризм // Компьютерная преступность и кибертерроризм. Исследования, аналитика. Вып. 1. – Запорожье, 2004. – С. 76 – 82..

пользовать больше он-лайн технологий – перемещаться по чатам и форумам в поиске наиболее восприимчивых членов аудитории, особенно молодых людей. Электронные конференции пользовательские сети (дискуссии по определенным проблемам) могут также служить средством для обращения к потенциальным новичкам.

Для борьбы с кибертерроризмом необходимо провести ряд мер, направленных на правовое регулирование защиты информации в сети Интернет, так же создавать специальные отделы по организации информационной безопасности и защите информации, сотрудникам такого отдела предстоит решить следующие задачи защиты информации еще на предпроектном этапе подготовки системы защиты: а) разработать методику и дать оценку защищенности информационных потоков организации; б) исследовать программно-аппаратное обеспечение, и оценить степень защищенности информационных потоков и используемых технических средств.

Важным шагом к формированию транснационального информационного общества и в противодействии использованию компьютерных систем в преступных целях явилось принятие в 2005 году Федерального закона «О ратификации конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных».

Действующее законодательство, в основном, позволяет проводить предусмотренные Конвенцией следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, однако, не исключено, что соответствующих изменений потребует и Федеральный закон «О оперативно-розыскной деятельности» и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации с целью учета специфики производства соответствующих действий в компьютерных сетях. Этот вопрос нуждается в дополнительной проработке. Следует отметить, что до сих пор в международ-

ных актах и в национальном законодательстве отсутствуют четко сформулированные понятия киберпреступности, кибербезопасности и кибертерроризма¹.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ СДЕЛКИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Гомонов А. Д.

студент филиала НОУ ВПО «СФГА» (г. Мурманск)

Сделки служат средством автономной юридической регламентации субъектами гражданского права своих отношений в соответствии с собственными интересами, а, следовательно, основным двигателем гражданского правооборота. Этим объясняется важнейшая, определяющая роль, которую данное средство призвано играть в обществе, провозглашающем в качестве принципов своего существования свободу экономической деятельности и поддержку конкуренции, всемерную гарантированность и защищенность права частной собственности, права наследования и права интеллектуальной собственности (ст. 8, ч. 1, 2, 4 ст. 35, ч. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации).

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения числа сделок, действительность которых оспаривается их участниками или иными лицами после их совершения, что наглядно подтверждается устойчивой тенденцией современной судебной практики - стремительным ростом в последнее десятилетие количества рассматриваемых российскими судами споров, о чем говорят, в частности, статистические данные и

¹ Полякова Т.А., Семизорова Е.В. // Проблемы совершенствования правового регулирования противодействия использованию информационных технологий в преступных целях. Доклад на VII Международной конференции «Право и Интернет». 2005.

обзоры, регулярно публикуемые в «Вестнике Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»), а также возникновение в практике судов в связи с такими делами большого числа вопросов как материально-правового, так и процессуального характера. Центральной проблемой, осложняющей рассмотрение судами названных споров, выступает несовершенство действующего законодательства.

Сделка представляет собой единство четырех элементов: субъектов - лиц, участвующих в сделке, субъективной стороны - единства воли и волеизъявления, формы и содержания. Порок любого или нескольких элементов сделки приводит к ее недействительности. Недействительность сделки означает, что за этим действием не признается значение юридического факта, в связи, с чем недействительная сделка не может породить юридические последствия, которые стороны имели в виду при заключении сделки.

Состав недействительной сделки представляет собой объективные (объект и объективная сторона) и субъективные (субъект и субъективная сторона) признаки, которые в своей совокупности позволяют судить о том, по какому основанию рассматриваемая сделка должна признаваться недействительной.

Объектом недействительной сделки являются общественные отношения гражданского оборота, которые нарушаются данной сделкой. С учетом того, что именно сделка является тем юридическим фактом, который чаще лежит в основании возникновения гражданских правоотношений, следует заметить, что круг общественных отношений, являющихся объектом, достаточно широк. Более того, конкретная сделка сразу может нарушать ряд групп гражданских правоотношений, например вещные и обязательственные права участников гражданского оборота.

Непосредственный объект недействительной сделки составляют права конкретного ее субъекта либо третьего лица, имеющего интерес к ней.

Объективная сторона недействительной сделки представляет собой деяние, осуществляемое всегда в форме действия, которое наносит вред, как имущественным интересам отдельных участников, так и в целом стабильности гражданского оборота. Кроме того, объективная сторона недействительной сделки должна характеризоваться наличием причинно-следственной связи между деянием субъекта недействительной сделки и вредом, который наступает в результате ее совершения.

Под субъектом недействительной сделки следует понимать участника гражданского правоотношения. Для правильной квалификации необходимо установить: к какой категории участников гражданского оборота он относится; степень дееспособности физического лица; вид и объем правоспособности юридического лица; совершена ли сделка с участием представителя юридического лица либо по решению его органов.

Субъективная сторона недействительной сделки характеризуется виной ее участников (участника), а также целью совершения данной сделки. Цель совершения недействительной сделки оказывает решающее влияние на квалификацию целого ряда действий, совершенных в виде сделок, с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ), а также мнимых и притворных сделок (ст. 170 ГК РФ).

Вина участника недействительной сделки выступает в форме умысла и неосторожности. Дальнейшая детализация форм вины не оказывает влияния на квалификацию недействительности сделки.

Умысел участника недействительной сделки связан с тем, что он осознает нарушение установленных правил совершения сделок, предвидит неизбежность или возможность наступления общественно вредных последствий, желает их наступления либо сознательно их допускает. Применительно к недействительным сделкам вина влияет на размер юридической ответственности, о чем свидетельствует ч. 2 ст. 169 ГК РФ.

Однако, ГК РФ предусматривает обширный перечень оснований, по которым сделка может быть признана недействительной. Кроме того, содержание статей главы 9 ГК РФ, допускает различное толкование недействительных сделок, что ставит многочисленные вопросы перед учеными и практиками. Среди юристов бытует мнение, что в настоящее время при желании можно опорочить в суде практически любую сделку.

Таким образом, необходимо внести соответствующие изменения в гражданское законодательство, регулирующие институт недействительных сделок, а именно: усовершенствовать нормы, касающиеся отдельных оснований недействительности сделок и дать им единое толкование.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. [Текст]: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.]: офиц. текст: по состоянию на 30 декабря 2008 г. // Рос. газ. – 2009. – 21 января. – С. 7-8
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 [Текст]: федер. закон от 11 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: [принят ГД ФС РФ 21 окт. 1994 г.] // Собр. законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

МЕТОДИКА ИЗМЕРЕНИЯ ЛАТЕНТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Гомонов Н. Д.

директор филиала НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия» (г. Мурманск)

Важнейшей проблемой изучения латентной преступности является разработка методов ее измерения. Именно установление фактических размеров латентной преступности является одной из основных задач криминологии в изучении и понимании преступности.

В криминологических исследованиях широко применяются специальные методы – статистические, опросные, экспертные, матема-

тические, моделирования, метод криминологического прогнозирования и т.п. Каждый из них имеет свое функциональное назначение для исследования определенного вида объектов или их частей [1, с. 45]. Данные методы в различных вариациях находят применение и при измерении скрытых явлений, в том числе и латентной преступности.

Диалектика становления методологического направления научных исследований в криминологической науке требует изучать всякое явление в исторической связи. Т. А. Боголюбова считает, что это требование должно реализоваться в так называемых историко-генетических методах анализа.

О. Портерфилд, М. Эриксон, Л. Эмпи в США применили метод исследовательских «самоотчетов»: опрос подростков о том, совершались ли ими когда-либо те или иные деликты. Позднее данные методы были применены в других странах. Впоследствии методики опросов были усовершенствованы, уточнены их объекты и предмет, получили различную интерпретацию результаты опросов.

Российские криминологи в процессе изучения латентной преступности применили метод системно-структурного анализа. В частности, данное явление рассматривалось посредством рассмотрения структуры зарегистрированной преступности, имеющей свои закономерности, установленные в процессе криминологических исследований (А. А. Конев, И. Л. Шрага), сравнительного анализа изменений, происходящих в обществе и структуре зарегистрированной преступности.

Сегодня исследование скрытых явлений преступности вышло на качественно иной уровень. Во-первых, расширились объекты изучения – более подробному и комплексному исследованию подвергалась латентная преступность и ее виды, предметом изучения стала латентность отдельных видов преступлений. Во-вторых, были разработаны методы изучения существующей реальности – математические, экономические, а также усовершенствованы ранее

применяемые. На этой основе были модернизированы и созданы новые косвенные методы установления латентной преступности.

Таким образом, к методам прямого исследования можно отнести:

1. Метод опроса (анкетирования) населения и лиц, совершивших преступления.
2. Метод экспертных оценок.
3. Документальный метод.
4. Метод включенного наблюдения.
5. Экспериментальный метод.

К методам косвенного исследования латентной преступности следует относить:

1. Метод сравнительного анализа.
2. Метод моделирования.
3. Метод аналогии.
4. Метод структурного анализа [2, с. 100].

Данные, полученные в результате применения какого-либо метода, следует подвергать проверке посредством использования другого метода. Это позволит установить максимально достоверное число латентных преступлений, определить уровень латентной преступности.

Методы установления латентной преступности в зависимости от уровня рассматриваемого объекта следует подразделить на:

1. Методы выявления.
2. Методы измерения.

Следует заметить, что общие подходы к оценке скрытых явлений при их измерении и выявлении могут совпадать. Так, при проведении указанных разновидностей познания скрытых явлений возможно применение как прямых, так и косвенных методов. Однако смешение указанных методов в силу их различ-

ного функционального назначения представляется недопустимым.

Определенными особенностями обладают методы, применяемые при установлении масштабов объективно и субъективно-латентной преступности. Поскольку специфика метода обусловлена, прежде всего, характеристиками объекта, представляется необходимым с учетом информации о видах латентной преступности проанализировать методы их измерения.

При измерении деяний, не попавших в систему в силу несовершенства законодательства, регулирующего порядок учета преступлений наиболее эффективен метод анализа документов – постановлений о возбуждении уголовных дел, материалов уголовных дел и т.п.

Установление посягательств, не зарегистрированных в системе в силу отсутствия надлежащей информации о поступлении на момент вынесения решения о возбуждении уголовного дела возможно в процессе применения методов выявления. Чаще всего таковыми является плановый анализ документов, проводимый в рамках внутриведомственного и межведомственного контроля. Таким образом, чаще всего при установлении уровня объективно-латентной преступности применению подлежат методы выявления, осуществляемые социально уполномоченными органами.

Скрываемую преступность составляют деяния, не попавшие в систему государственного статистического учета в силу субъективных причин, обусловленных ведомственными интересами органа, осуществляющего регистрацию преступления.

Механизм возникновения латентности таких преступлений довольно разнообразен. Преступные деяния находят отражение в системе государственного статистического учета с момента их регистрации и возбуждения уголовного дела. Основ-

ными методами выявления и измерения этого вида скрываемой преступности являются: опрос населения; анализ документов; сопоставление данных виктимологического опроса населения, экстраполированных на все население региона, достигшее четырнадцати лет, и числа зарегистрированных заявлений о преступлениях за исследуемый период [3, с. 170].

К скрытой или естественно-латентной преступности относят деяния, о факте совершения которых неизвестно органам, осуществляющим регистрацию преступлений. Как правило, в состав этого вида латентной преступности входят преступления, о которых известно неопределенно большому кругу лиц.

Таким образом, необходимо отметить, что важнейшим направлением криминологических исследований является разработка научно-обоснованной методики измерения латентной преступности, определения состояния латентности отдельных видов преступлений. Это будет способствовать дальнейшему совершенствованию деятельности правоохранительных органов на основе познания подлинных масштабов преступности, а также развитию криминологической науки, которые должны опираться на фундамент из достоверных статистических данных. Указанные исследования позволят сократить разрыв между потребностями науки и практики в полной и достоверной уголовно-статистической информации.

Список литературы:

1. Акутаев, Р. М. К вопросу о методах измерения латентной преступности / Р. М. Акутаев // Государство и право. 1998. № 7.
2. Кондратюк, Л. В. Криминологическое измерение / Л. В. Кондратюк. М., 2008.
3. Тонков, Е. Е. Латентная преступность как причина и следствие криминализации общества / Е. Е. Тонков // Проблемы правоведения. 2003.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Гриценко Н.В.

к.ф.н, доцент кафедры психологии и общих гуманитарных дисциплин Филиала НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия» (г. Волгодонск)

Маркин В.Г.

к.ф.н, доцент кафедры психологии и общих гуманитарных дисциплин Филиала НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия» (г. Волгодонск)

В современном отечественном правоведении отсутствует философия правосознания. Некоторые проблемы правосознания рассматриваются в философии права, в рамках которой идея правосознания часто подменяется идеей права.

Дело в том, что идея правосознания — более широкий духовный феномен, чем идея права. Безусловно, без права идея правосознания теряет свой исходный, подлинный смысл, но тем не менее, не сливаясь с правом, правосознание занимает первичное (детерминирующее) место в их взаимодействии. Правосознание и право имманентно и органично связаны друг с другом.

В контексте такого подхода к соотношению права и правосознания требуется не только философия права, но и философия правосознания. Более того, философия права должна рассматриваться в рамках философии правосознания, что будет, на наш взгляд, более последовательно.

Правосознание, его идеи и чувства в целом определяют право. Объективное право (в особенности практика его реализации) влияет на правосознание, меняя определенным образом его содержательную сторону (правовые определения, установки, идеи, убеждения, настроения, чувства и т. д.), но не может в имманентно-сущностном плане фундаментально изменить пра-

вовое сознание. Здесь возможна частичная, но не полная и глубинная перестройка.

В данном случае детерминируемое воздействует на детерминанта, но не отрицает его. По сути, внутреннее изменение правосознания возможно только самим правосознанием. Это происходит в случае имманентой «работы» субъективного правосознания: либо в процессе влияния (и как его результат) на правосознание «со стороны», либо как итог сочетания всего этого в единстве. Позитивное же право само по себе, без усилий правосознания, не меняется. Соответствующая идея правосознания способна кардинально обновить, усовершенствовать и даже фундаментально изменить право.

Философия правосознания определяет общемировоззренческую, концептуально-теоретическую основу любой философии права. Последняя не может существовать вне правовой идеи (правосознания). Важно прежде всего разрабатывать философию правосознания, которая должна стать философско-юридической дисциплиной. В любом случае философия права и собственно теория права вынуждены прямо или косвенно исследовать отдельные проблемы правосознания, но вне контекста единой и целостной философии правосознания. Вряд ли такой подход приведет к положительным результатам.

Неизбежный и закономерный отход от марксистско-ленинской идеологии привел теорию государства и права к определенному эклектизму во взглядах на государственно-правовые явления общества, в известной степени — к мировоззренческой и идеологической аморфности, расплывчатости, к неоправданной во многих случаях «многозначности» под прикрытием идей плюрализма.

В результате отсутствия общей исходной методологической и мировоззренческой позиции в теории государства и права порой присутствуют диаметрально противоположные идеи и установки — естественно-правовые и позитивистские. Особен-

но ярко это проявляется в трактовке понятия права. С одной стороны, признаются теория естественного права, неотчуждаемые права человека, необходимость правового законодательства и многое другое, а с другой — право определяется по-прежнему в духе юридического нормативизма.

Таким образом, фактически вся теория права построена на основании позитивистской методологии. Добавление к этому естественно-правовых представлений в духе либерального юрицизма не меняет сути дела. Нельзя одновременно рассматривать право с естественно-правовых и позитивистских точек зрения.

Отмеченное в полной мере относится и к теории государства, где классовый подход к пониманию природы государства «соседствует» с концепцией правового государства, принципами разделения ветвей власти, примата права над политикой и т. п. В итоге теория правового государства («плод» естественно-правового сознания) выступает больше *идеологическим приложением*, чем одним из ключевых звеньев в «теоретической цепи» юриспруденции.

На наш взгляд, уже пора отойти от подобного смешения разноречивых, не согласуемых правовых идей и принципов в пользу концептуально иной философии правосознания и права, в рамках которой право не сводится к норме, не существует лишь в форме абстрактного (естественного) закона, не «растворяется» в правовом отношении, в юридически значимых действиях правоприменителя, в «народном духе», в человеческой психике и т. д.

Право — это тот социальный феномен, который «закрит», если на него «смотреть» только юридическим взглядом. В этом состоит методологический недостаток многих интерпретаций права. Как верно отмечает В. Н. Синюков, наше правоведение само себе создало методологические ограничения, ограничив свой предмет проблемами естественного права.'

В основу подлинного, жизненного, реального права должна быть положена духовно-культурологическая идея правосознания. В данном контексте право есть, прежде всего, элемент культурологического строя социума, нормативно-институциональный выразитель и носитель адекватных определенному типу правосознания, типу культуры данного общества представлений, идей, идеалов, моделей возможного и желаемого поведения, эталонов обязанности и ответственности, социальных стереотипов мышления и действия субъектов; право есть часть (компонент) духовной сферы общества, сегмент универсальной и национальной духовной матрицы, где выражены общие и конкретные представления о справедливости в праве и др. Во всех этих проявлениях право является таковым благодаря правосознанию. Здесь важен культурологический контекст действия правосознания и права. Нельзя не согласиться с В. Н. Синюковым, который пишет: «Феномен права нуждается в изучении не только в качестве абстрактной логической системы, удовлетворяющей неким всеобщим критериям добра, справедливости, гуманизма, но и в аспекте конкретных культур, в которых право приобретает полноту своих жизненных характеристик».

Главное в праве — это необходимость проявления в нем справедливых начал в той мере, в какой это возможно осуществить с помощью юридических средств. Справедливость должна быть духовной инвариантой правовой системы общества. Без этого право теряет свой исходный социальный смысл, перестает быть достойным регулятором общественных отношений.

Именно поэтому идея права не сводима к естественно-правовому закону, правам человека, к совокупности юридических норм, институтов, отраслей. В общем плане идея права находится в плоскости формальной справедливости и равенства. Но это общий подход. Как справедливо отмечает Д. А. Ке-

римов, «право выступает перед исследователем как сложная система».

Право как конкретный феномен социальной действительности можно представить в следующих ипостасях:

- как проявление правовой идеи (мысли) и правового чувства;
- как специфический социально-исторический и культурный фактор устойчивости и развития общественных отношений наряду с другими социальными нормами;
- как выразитель формальной справедливости и равенства в обществе;
- как социальный институт, оказывающий необходимое правовое воздействие (и как часть последнего — правовое регулирование) на общественную жизнь;
- как четкий нормативный определитель, с одной стороны, свободного, возможного, дозволенного, желаемого поведения субъекта, а с другой — обязательного, необходимого, должного, принудительного;
- как мера позитивной ответственности (долга) личности; как вид социальной ответственности за антинормативное поведение;
- как институционально-объективированная позитивная правовая свобода личности, общества, государства;
- как один из видов информационного компонента социокультурного пространства.

Этим, конечно же, не исчерпываются природа и содержание права.

Именно духовно-культурная развитость или, напротив, неразвитость идеи правосознания в конечном счете определит соответствующее содержание и характер позитивного права. Право является феноменом, зависящим от культурного контекста.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Дядькин О. Н.

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин юридического института Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых к.ю.н., доцент., (г. Владимир)

Административная ответственность является следствием совершенного административного правонарушения. Являясь разновидностью публичной юридической ответственности, она, как правило, представляет собой претерпевание лицом, совершившим административно-правовой деликт, правоограничений физического, имущественного или морального характера.

В соответствии со ст. 3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹ установленной мерой административной ответственности является административное наказание, которое применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений. На наш взгляд, правонарушителю не безразлично, а есть ли возможность избежать ответственности за правонарушение при наличии к тому законных оснований.

Одним из таких оснований является освобождение лица от административной ответственности. «Освободить» может означать следующее: сделать свободным кого-нибудь; избавить, сняв, сбросив что-нибудь; избавить от чего-нибудь, предоставить кому-нибудь возможность не делать чего-нибудь, не подвергаться чему-нибудь и др.²

1 СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1. Далее КоАП РФ.

2 Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Буколика, 2008. С. 622.

Впервые оно предусматривалось ст. 22 КоАП РСФСР, которая закрепляла возможность освобождения от административной ответственности при малозначительном правонарушении, но при этом не раскрывалось основание и порядок реализации данной нормы.

В той же редакции воспринял данное положение КоАП РФ, закрепив ст. 2.9 «При малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган. должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием». Указанное суждение видится абстрактным, которое вызывает определенные проблемы при применении нормы об освобождении от административной ответственности.

Правильно отмечают авторы, что устное замечание не является административным наказанием и может применяться лишь за малозначительные правонарушения. К таковым они относят деяния, которые не представляют большого общественного вреда и не наносят сколько-нибудь значительного ущерба публичным и частным интересам¹.

Высшая судебная инстанция в п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее ВС РФ) от 24.03.2005 № 5² закрепила, что малозначительным административным правонарушением является действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки состава административного правонарушения, но с учетом характера совершенного правонаруше-

1 Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Издание второе, переработанное и дополненное / Ред. коллегия: Веремеенко И.И., Салищева Н.Г., Сидоренко Е.Н., Якимов А.Ю. М.: ООО «ТК Велби», 2002. С. 33.

2 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

ния и роли правонарушителя, размера вреда и тяжести наступивших последствий не представляющее существенного нарушения охраняемых общественных отношений.

В п. 14 постановления Пленума ВС РФ от 23.11.2010 № 27 «О практике рассмотрения дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного, прибрежного и других видов рыболовства» устанавливается, что при обсуждении вопроса о малозначительности административного правонарушения необходимо учитывать предмет административного правонарушения, примененные правонарушителем орудия, способы рыболовства, а также место совершения административного правонарушения»¹.

Для разрешения проблем в практике применения административно-правовых норм в сфере безопасности дорожного движения в другом постановлении Верховный Суд РФ решил конкретизировать число деяний, которые нельзя относить к малозначительным. Так, п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 24.10.2006 № 18 закрепляет, что правонарушения, предусмотренные статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ, не могут быть отнесены к малозначительным, а виновные в их совершении лица – освобождены от административной ответственности².

Вместе с тем следует отметить, что проблемы освобождения от административной ответственности не нашли должного отражения в научных исследованиях. В большей степени разработан и исследован институт освобождения от уголовной от-

1 Бюллетень ВС РФ. 2011. № 1.

2 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // БВС РФ. 2006. № 12.

ветственности, включая учение о малозначительности общественно опасного деяния.

Раскрывая сущность малозначительности деяния, криминалисты говорят об объективных и субъективных критериях. Первый из них свидетельствует о незначительной степени выраженности признаков деяний и последствий, второй – о желании лица совершить именно эти малозначительные деяния. Однако, по их мнению, преимущественное значение имеет объективный критерий, т.к. малозначительные деяния не могли причинить вредных последствий и не создавали угрозы их причинения¹.

В этой связи, по нашему мнению, имеется противоречие между ст. 2.9 и статьями 6.8, 6.9 КоАП РФ (между нормами Общей и Особенной части). Так, статья 6.8, предусматривающая административную ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозку растений, содержащих указанные вещества или средства, обязует субъекта административной юрисдикции освободить лицо, совершившее данное правонарушение. При этом называется условие освобождения – добровольная сдача приобретенных средств, веществ, их аналогов или соответствующих растений.

Ст. 6.9 устанавливает административную ответственность за потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача. В примечании данной нормы указывается, что лицо, добровольно обратившееся в лечебно-профилактическое учреждение для лечения в связи с потреблением перечисленных средств, веществ без назначения врача, освобождается от административной ответственности; а лицо, в установленном порядке признанное больным наркома-

1 Уголовное право России: Учебник для вузов: в 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. А.Н. Игнатова и д.ю.н., проф. Ю.А. Красикова. Т. 1: Общая часть. М.: Норма, 2005. С. 83.

нией, может быть с его согласия направлено на медицинское и социальное восстановление в лечебно-профилактическое учреждение и тогда освобождается от административной ответственности. Помимо перечисленных случаев лицо при выполнении условий освобождается от административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 14.32 КоАП РФ «Заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности».

По нашему мнению, специальные нормы освобождения от административной ответственности и ст. 2.9 КоАП РФ находятся между собой в противоречии, что создает проблемы правоприменителю.

Во-первых, общая норма предоставляет субъекту административной юрисдикции право на освобождение от административной ответственности, но не возлагает на него такой обязанности.

Во-вторых, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и соответствующих растений, а также потребление наркотиков и психотропных веществ без назначения врача не могут относиться к малозначительным деяниям. На наш взгляд, данные деяния наносят значительный вред общественным отношениям, охраняемым административными наказаниями. Объектом охраны выступает здоровье населения и общественная нравственность, данные деликты затрагивают интересы не только самого правонарушителя, но и других людей (детей, родителей, супругов и др.) и общества в целом. Неслучайно законодатель установил жесткую альтернативную административно-правовую санкцию – административный штраф в размере до пяти тысяч рублей или административный арест до 15 суток. Кроме того, в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства в качестве дополнитель-

ного наказания предусмотрено административное выдворение за пределы РФ.

Данные высказывания не противоречат п с) ст. 4 Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ¹, который предусматривает в качестве альтернативы осуждению или наказанию применять такие меры, как перевоспитание, восстановление трудоспособности или социальная реинтеграция, а также, если правонарушитель является наркоманом, его лечение и последующее наблюдение за ним.

В-третьих, при освобождении от административной ответственности по основанию малозначительности должен учитываться прежде всего характер совершенного правонарушения, а не особенности лица, его совершившего, либо его последующее поведение². По этому поводу п. 21 постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2005 № 5 личность и имущественно положение привлекаемого к ответственности лица, добровольное устранение последствий правонарушения, возмещение причиненного ущерба, не являются обстоятельствами, которые характеризуют малозначительность правонарушения. Такие обстоятельства в силу частей 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ учитываются при назначении административного наказания.

Данной позиции придерживается и А.В. Шнитенков, который исследовал проблемы разграничения преступления и малозначительного деяния. В частности он полагает, что характеристика личности не имеет значения при разграничении кражи и мелкого хищения. Она могла быть учтена лишь применительно к

1 Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. Вып. XLVII. М., 1994. С. 133-157.

2 Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / Под общ. ред. проф. Э.Н. Ренова. М.: Норма, 2005. С. 37.

назначению наказания или освобождению от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием¹.

Вместе с тем мы не согласны с мнением данного автора о том, что малозначительное деяние может влечь другой вид ответственности². Первоначально деяние признается малозначительным, исходя из признаков применительно к преступлению или административному правонарушению. Если то или иное деяние признается малозначительным, то лицо, его совершившее, может быть освобождено от юридической ответственности без каких-либо правовых последствий.

Для устранения данного противоречия мы предлагаем дополнить ст. 2.9 КоАП РФ, предусмотрев в ней пункт следующего содержания: «Лицо, совершившее административное правонарушение, может быть освобождено от административной ответственности в случаях, специально предусмотренных настоящим кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях».

КАК В РОССИИ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ УГОЛОВНАЯ ПРАВОВАЯ ОХРАНА КОНКУРЕНЦИИ

Жабагинов Р.А.

соискатель Московского университета МВД России, (г. Москва)

Советская наука, основываясь на трудах В.И. Ленина, определяет феодализм как, во-первых, как - «наличие феодальной собственности, выступающей как монополия господствующего класса /феодалов/ на основное средство производства - землю, т.е. как собственность феодальной иерархии в целом

1 Шнитенков А.В. Определение малозначительности деяния в судебной практике // Уголовный процесс. 2007. № 6. С. 59.

2 Шнитенков А.В. Указ. соч. С. 59.

или как верховная собственность государства; при этом собственность на землю была неразрывно связана с господством над непосредственными производителями - крестьянами». Во-вторых, как «наличие у крестьянина самостоятельного хозяйства, ведущегося на формально «уступленном» ему господином наделе. Отсюда право феодала на безвозмездное присвоение прибавочного продукта крестьянского труда, т.е. право на земельную ренту, выступающую в виде барщины, натурального или денежного оброка»[1].

Посудите сами, ведь в царской России до 1861 года по-сути существовало рабское право; право собственности на человека – как на основное средство производства, после отмены которого формационно наступило время феодализма, при зарождающихся в отдельных областях экономики капиталистических отношений.

Данное положение было выкорчеванно, в виду свершившейся революции. В обоих указанных периодах существовала монополия на государственную власть (власть царя сменилась властью коммунистической партии), что следовательно породило монополию на основные средства производства. В настоящее время данная проблема приобрела особенную остроту в связи с глобальными процессами происходящими в международной экономике, так вхождение России в ВТО – есть реализация западной идеи большой деревни (global village), а для это необходима конкурентно способная экономика. В противном случае историческое отставание в развитии России приведет в указанных условиях монополизированную экономику России, в положение нерадивого хозяйственника в большой деревне. В идеальном варианте конкуренция без административного контроля способна вводить в систему рыночных отношений важные рычаги экономики (ценообразование, повышение качества товаров и качества обслуживания и т.п.). Она не только влияет на рост и снижение цен, выявляет и вытесняет с рынка ненуж-

ные товары, но и контролирует хозяйствующих субъектов, влияя на их отбор[2].

Защитить рынок от ограничения или устранения конкуренции и призвана статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации. Указанная статья по своей конструкции является бланкетной, соответственно для ее понимания следует руководствоваться Федеральным законом от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции»[3] (ФЗ «О защите конкуренции»). Мировая практика традиционно относит антимонопольное законодательство к наиболее трудным отраслям права, к тому же данная отрасль права нова для России.

Объективная сторона преступления характеризуется совершением монополистических действий путем установления монопольно высоких или монопольно низких цен и ограничением конкуренции путем раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен. Соответственно, установление монопольно высоких или монопольно низких цен можно считать способом монополистических действий, а пути ограничения конкуренции - способами ограничения конкуренции. Все перечисленные в диспозиции ч. 1 ст. 178 способы (как монополистические действия, так и ограничение конкуренции) в принципе есть альтернативные признаки одного и того же явления - монополистической деятельности, которая одновременно является проявлением ограничения конкуренции, и, наоборот, ограничение конкуренции является ничем иным, как именно монополистической деятельностью. По законодателю же, монополистическая деятельность "разведена" с ограничением конкуренции в качестве именно альтернативных признаков субъективной стороны рассматриваемого преступления, и мы вынуждены придерживаться хотя в принципе и неверной, но тем не менее законодательной позиции [4].

«недопущение, ограничение или устранение конкуренции» – есть цель объективной стороны настоящего состава.

«путем установления или поддержания монопольно высоких или монопольно низких цен, раздела рынка, ограничения доступа на рынок, устранения с него других субъектов экономической деятельности, установления или поддержания единых цен» - т.е. это есть механизм совершения преступления, что и представляет для нас исключительную важность.

При этом следует отметить, что отсутствие в основном законе содержания данных понятий, таких как: недопущение, ограничение или устранение конкуренции; раздел рынка, ограничение доступа на рынок, устранение с него других субъектов экономической деятельности, установление или поддержание единых цен, и есть причина трудностей вызываемых при применении, что по природе своей есть оценочный взгляд правоприменителя рассматривающего вопрос о возбуждении уголовного дела за преступление предусмотренное статьей 178 УК РФ.

Конкуренция - соперничество; борьба за достижение больших выгод, преимуществ [5].

Недопущение - запрещение, препятствование, непозволение, отказ в доступе куда-л. или к чему-л.[6]. Применительно к конкуренции это означает, что лицо виновное(ные) запрещает(ют) вхождению новым участникам предпринимательской деятельности вхождению на сложившийся рынок, будь то поставка товаров, выполнение работ, либо оказание услуг, способами описанными в объективной стороне рассматриваемого преступления.

Ограничение - правило, ограничивающее какие-н. действия, права. Т.е. установление положения, согласно которому устанавливаются воспрепятствования вхождению на рынок[7].

Устранение - процесс действия по знач. глаг.: устранять, устранить, устраняться, устраниться. Устранять - удалять, изы-

мать, исключать, изживать, ликвидировать; устар. отводить, отодвигать в сторону, перен. отстранять от дел, занятий[8]. Т.е. удаление участника какого либо рынка.

Однако, не каждое деяние недопускающее, ограничивающее, либо устраняющее конкуренцию есть преступление, поскольку зачастую нарушение законодательства о рекламе, злоупотребление доминирующим положением и т.д. вызывают указанные следствия.

А.Н. Кайль полагает, что раздел рынка, а также в ограничение доступа на него предполагает состоит в том, что виновные распределяют рынки сбыта товаров (работ, услуг) по территориальному принципу. При этом не играет роли, делится ли на отдельные сектора территория всей РФ или ее субъекта (субъектов) либо территория крупного населенного пункта. Рынок может быть разделен виновными и по объему продаж или закупок. В этом случае они умышленно, в ущерб другим предпринимателям и участникам рыночных отношений, договариваются о квотах, лимитах, нормах и т.п. продажи отдельных товаров. Преступники могут договориться об ассортименте товаров, реализуемых на том или ином рынке, ограничить доступ на рынок, разделив его по кругу продавцов, покупателей, потребителей, заказчиков[9].

Ограничение доступа на рынок может выражаться в создании дополнительных препятствий для входа на рынок, как то: введение лицензий на виды деятельности, которые не лицензируются, введение преференций для местных поставщиков (подобное имело место в законе города Москвы), в советское время широкое распространение получила практика воспрепятствование выводу за границы областей, произведенной сельскохозяйственной продукции, завышение тарифов для сторонних предпринимателей. К примеру предприниматель занимающийся продажей мебели при попытке доступа на рынок скажем в соседнюю область для сбыта товара, встречается там с по-

вышенным по сравнению с другими поставщиками платой за хранение и аренду торгового помещения.

Устранение с рынка других субъектов экономической деятельности предполагает, что либо органы власти, либо конкурирующие хозяйствующие субъекты, либо первые в сговоре со вторыми своими действиями лишают потерпевшего возможности вести предпринимательскую деятельность. Это может быть достигнуто путем принуждения сбывать производимую пострадавшим продукцию только одному покупателю и соответственно по ценам ниже чем те на которые мог рассчитывать потерпевший, отказ лица обязанного заключить публичный договор на предоставление (пролонгацию) под аренду (либо другое вещное право) торговых площадей и т.д., демпинговые цены (но это спорно).

Устранение с рынка других субъектов экономической деятельности может быть достигнуто теми же действиями, что и ограничение их доступа на рынок, а также путем распространения ложных или искаженных сведений о конкуренте, уничтожения или повреждения товаров, перемещение их на другой товарный рынок, а также принуждение хозяйствующих субъектов, уже работающих на данном рынке, полностью или частично прекратить экономическую деятельность на соответствующем рынке[10].

Установление или поддержание единых цен – имеет место в случае достижения договоренности между конкурентами будь то на рынке поставки товара, выполнения работ, оказания услуг, о ведении единой ценовой политики (уровень цен, скидки и т.п.). Данное положение означает, что цена товара складывается не по законам конкурентного рынка, а по принципу целесообразности необходимой для извлечения сверх прибыли. В рассматриваемом случае ущерб причиняется конкретному потребителю, которые получает товар по повышенной цене, т.е. цене отличной от той на которую он мог бы рассчитывать при

конкурентных отношениях. В случае когда потребителем является государство, то на лицо причинение вреда государственному бюджету, сформированному за счет налогоплательщиков.

Состав по своей конструкции является материальным, уголовная ответственность наступает при причинении крупного ущерба.

Согласно статье 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы.

В соответствии с п. 10 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 6/8 доказательствами необходимости будущих расходов и их предполагаемого размера могут служить сметы, калькуляции затрат на устранение недостатков товаров, работ, услуг; договоры определяющие размер ответственности за нарушение обязательств, и т.п. При этом следует учитывать, что возмещению подлежат не любые, а лишь необходимые (разумные) расходы, которые понесет потерпевшее лицо в нормальные (разумные) сроки после нарушения его прав. Согласно п. 1 статьи 15 ГК лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения убытков. Однако, если законом или договором предусмотрено возмещение и в меньшем размере, то возмещение убытков производится в соответствии с ука-

занным законом или договором. В частности, ст.ст. 400, 538, 547, 548, 777 ГК устанавливают основания ограничения размера ответственности по обязательствам, в том числе и ограничение права на полное возмещение убытков [11].

Относительно определения ущерба по статье 178 Уголовного кодекса Российской Федерации остается непонятным какое имущество подвергается утрате, либо повреждению при установлении или поддержании монопольно высоких или монопольно низких цен, разделе рынка, ограничении доступа на рынок, устранении с него других субъектов экономической деятельности, установлении или поддержании единых цен.

Таких понятий как ограничение доступа на рынок (хотя данная дефиниция и имеет признаки логического корреспондирования с п. 8 ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции - созданию препятствий доступу на товарный рынок или выходу из товарного рынка другим хозяйствующим субъектам»), устранение с него других субъектов экономической деятельности статья 11 ФЗ «О защите конкуренции» не содержит.

При этом следует отметить, что согласно ГК РФ, ограничение прав сторон возможно к примеру по предпринимательскому договору ст. 1033 – коммерческая цессия.

Приведенные положения ФЗ «О защите конкуренции» показывают, что далеко не все перечисленные деяния подпадают под действие диспозиции статьи 178 УК РФ, так же трудности применения рассматриваемого состава вызывают размытости формулировок диспозиции статьи и конструирования состава в качестве материального.

В последнее время участились заявления высоко поставленных должностных лиц Российской Федерации о проблемах уголовной правовой охраны конкуренции и необходимости ужесточения последней, все это учитывая вышеизложенное и обуславливает потребность совершенствования рассматриваемой уголовной правовой нормы.

Список литературы:

1. Тиле А.А. Советский социалистический феодализм 1917-1990. М., 2005
2. Жуков Е.В. Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции/Дис...кандидата юрид. наук.-Ростов н/д, 2003.-С.3.
3. ФЗ «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ//Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3434.
4. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование. М. Волтерс Клувер, 2005. С.209.
5. Толковый словарь Ожегова// <http://slovari.299.ru/>
6. Новый словарь русского языка//<http://www.uoportal.ru/>
7. Толковый словарь Ожегова//<http://slovari.299.ru/>
8. Новый словарь русского языка//<http://www.uoportal.ru/>
9. Кайль А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ "О защите конкуренции". М., 2007.
10. Жуков Е.В. Уголовная ответственность за монополистические действия и ограничение конкуренции / Дис... кан-та юрид. наук. Ростов н/д., 2003. С. 78.
11. Борисов А.Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой, части второй, части третьей (постатейный) с постатейными материалами. Издание 2-е переработанное и дополненное. М.:Книжный мир, 2002 – С.23.

ФОРМИРОВАНИЕ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ-ЮРИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Жеругов Р.Т.

Доцент кафедры юриспруденции НОУ ВПО «СФГА» (г. Москва)

Современное развитие общества, ориентированного на дальнейший прогресс права как всеобщей формы и равной меры свободы, определяет высокую гражданскую и политическую значимость профессии юриста. К ее носителям предъявляются особые требования, выражающиеся в сумме необходимых юри-

сту профессионально-нравственных качеств, среди которых важнейшее значение имеют:

- высокий уровень профессионального правосознания, основанного на чувстве права и законности;
- честность и гражданское мужество, обеспечивающие проведение правовой позиции в условиях конкуренции политических и иных интересов;
- принципиальность в борьбе с нарушениями правопорядка;
- убежденность в приоритете прав человека и гражданина, установка на реализацию которых предполагает усвоение юристом таких принципов профессионального поведения, как справедливость, гуманность, милосердие, интернациональность, мировоззренческая терпимость, требование установления истины по каждому юридическому делу.

Все это предполагает высокий уровень общекультурной и политико-правовой социализации личности, обуславливающей нормативность поведения юриста в любых условиях профессиональной деятельности.

Подробные представления о системе профессионально-этических качеств современного юриста дают работы, посвященные совершенствованию юридического образования [1], Программа развития юридического образования в Российской Федерации на 2006-2010 годы [2], квалификационная характеристика выпускника-юриста (специалиста по юриспруденции), включенная в Гособрстандарт ВПО [3], работы по юридической деонтологии [4], юридической педагогике [5] и профессиональной деятельности юриста [6].

Основы профессиональных качеств юристов закладываются в системе высшего юридического образования, которое преследует одновременно теоретико-мировоззренческие и практи-

ко-прикладные цели и формирует ценностно-правовое отношение к фактам окружающей действительности [7].

Организация и содержание учебного процесса в юридическом вузе должны обеспечить формирование личности и специалиста с высокими профессионально-нравственными качествами, становление у выпускников основ правового мышления, современного юридического мировоззрения и профессионального правосознания.

Состояние профессионального правосознания оказывает значительное влияние на «правовой климат» в обществе, уровень законности и правопорядка, систему законодательства, престиж юридических учреждений и в целом на социально-правовую среду. Деформации профессионального правосознания, в особенности под влиянием политической конъюнктуры, могут иметь для общества драматические последствия, чреватые подрывом стабильности основополагающих принципов и ценностей права, законности и правопорядка.

Профессиональное правосознание – это правосознание юристов. Оно отличается от правосознания других групп населения [8] по состоянию всех основных его компонентов: а) знанию права (интеллектуальные элементы); б) отношению к праву (эмоционально-оценочные элементы); в) правовым установкам (мотивационно-волевые элементы). Все эти компоненты в профессиональном правосознании имеют более интенсивное выражение, чем в обыденном правосознании.

Профессиональное правосознание отличается глубоким знанием и усвоением правовых принципов и юридических норм. При этом в зависимости от практической специализации юриста знание права приобретает предметную специализацию в различных отраслях законодательства: гражданского, уголовного, трудового, финансового и т.п. Наличие же фундаментальной общеправовой подготовки дает юристу возможность гибко переключаться на юридическую деятельность различного профиля.

Однако при всей значимости для юриста глубоких знаний права определяющим звеном в профессиональном правосознании является система субъективных отношений к праву, правовым явлениям, правовой практике. Если правовые знания не соединены с чувством права и законности, правовыми убеждениями, в соответствии с которыми «закон есть закон» и он должен неукоснительно исполняться, пока не отменен компетентными органами, то при решении юридических дел правовые мотивы могут быть вытеснены соображениями прагматической целесообразности, политической конъюнктуры, которыми «оправдываются» случаи обхода закона.

Только на основе «сплава» юридических знаний и позитивных отношений к праву могут формироваться регулятивные компоненты правосознания - правовые установки и ценностные ориентации правомерной профессиональной деятельности, обладающей социальной ценностью.

С точки зрения нормативной модели профессионального правосознания все три ведущие его компонента интегрируются в профессиональном долге юриста - нравственно-психологическом и волевом настрое безупречного служения закону, квалифицированному выполнению своих профессиональных обязанностей, к чему он должен быть подготовлен теоретически, практически и духовно [9].

Профессиональные функции юриста связаны, как правило, с осуществлением властных полномочий по отношению к отдельным гражданам, либо с предоставлением им профессионально-юридических услуг и необходимостью каждый раз принимать решения. В виду этого в действиях юриста заложен не только позитивный потенциал, но и опасность посягательства на честь, достоинство, свободу граждан, которые силой обстоятельств поставлены в зависимость от его воли [10]. Поэтому профессиональная несостоятельность юристов оплачивается обществом высокой ценой. Так, в специальном исследовании

деформаций профессионального правосознания работников милиции, проведенном П.П.Барановым и Н.В. Витруком [11] показано что общей чертой различных деформаций профессионального правосознания являются – атрофия нравственного чувства, антигуманизм, нравственная глухота к человеческому страданию.

Право - это особый оценочно-нормативный способ освоения социальной действительности, важнейший социокультурный механизм трансляции нормативного опыта общения и деятельности, социальной интеграции и социального контроля. Оно является эффективным средством обеспечения баланса противоречивых социальных интересов. Эти качества обуславливают высокий социализирующий, регулятивный и консенсуальный потенциал права. Реализация социокультурных потенциалов права в обществе зависит в значительной степени от состояния и характера системы юридического образования, которая закладывает основы профессионального правосознания студентов-юристов.

Особую роль в становлении основ профессионального правосознания играют общеправовые научные и учебные дисциплины: теория государства и права, история государства и права, история политических и правовых учений.

Наиболее тесно с мировоззрением юристов связана теория государства и права - фундаментальная наука правоведения, выполняющая одновременно роль теории позитивного права, социологии и философии права. Она разрабатывает общеправовые категории и понятия, имеющие базовое значение для всех юридических наук и соответствующих им учебных дисциплин. Усвоение системы понятий теории государства и права является необходимой предпосылкой для успешного овладения содержанием отраслевых юридических дисциплин и соответствующих им отраслей законодательства: конституционного, гражданского, административного, трудового и др.

Известно, что сердцевиной юридической деятельности любого профиля является применение права. Теория же права выступает как своеобразная методология и методика правотворческой и правоприменительной деятельности, исследуя такие вопросы как: правотворчество и юридическая техника, нормы права, система права и система законодательства, иерархия источников права, правоотношения, толкование правовых норм, механизм правового регулирования, правопорядок и законность, принципы права, реализация права.

Важное мировоззренческое значение имеет изучение в рамках теории проблематики сущности, типологии и форм государства и права, соотношения правовой государственности и гражданского общества, роли государства и права в политической системе общества, взаимосвязи государства и права с экономикой, культурой, моралью, идеологией, религией, закономерностей возникновения, функционирования и развития государства и права.

Как наука теория государства и права сложна и многогранна. Наряду с теоретико-познавательной, идеологической и воспитательной функциями она выполняет функцию прогнозирования развития государственно-правовых явлений, институтов и процессов и оказывает опосредованное влияние на политико-правовую практику. Задачи же одноименной учебной дисциплины более скромны. Будучи своеобразной «юридической проповедкой» теория государства и права как учебная дисциплина вооружает студентов на первоначальной стадии юридического обучения общеправовым понятийным аппаратом, формирует способность применять полученные знания для квалифицированного анализа отраслевой правовой проблематики.

На завершающей же фазе обучения в юридическом вузе (после изучения отраслевых юридических дисциплин) студенты возвращаются к изучению общетеоретического правоведения в рамках спецкурса «Проблемы теории государства и права».

Это создает возможность систематизировать полученные в вузе юридические знания и сформировать у студентов на основе общеправового понятийного фундамента системные представления о государственно-правовой жизни общества.

Принципиальное значение для формирования исторического срез профессионального правосознания, совмещающего временные проекции прошлого, настоящего и будущего правового развития общества приобретает параллельное изучение студентами истории государства и права (отечественного и зарубежного). Как справедливо отмечает В.Г. Графский, право для историка-юриста есть нечто большее, чем действующее право. История государства и права уделяет больше внимания, чем другие дисциплины, изучению общих и самобытных особенностей возникновения, функционирования и эволюции государства, правовых обычаев и законов отдельных народов и стран. Наряду с этим она анализирует лучшие образцы законодательного искусства и творчество выдающихся правоведов. «Все это способствует поддержанию памяти об основных вехах развития права, а также восприятию права как неотъемлемого элемента культуры социального общения, высокой результативности и пользы» [12].

История государства и права является важной составной частью фундаментальной подготовки студентов-юристов, выработки у них юридического мышления. Она также способствует лучшему усвоению всех других юридических дисциплин и формированию способностей к самостоятельному анализу современных политико-правовых процессов и обнаружению тенденций государственно-правового развития.

Важное мировоззренческое значение для студентов-юристов имеет также история политических и правовых учений - научная и учебная дисциплина одновременно исторического и теоретического профилей. «В ней сконцентрирован громадный политико-правовой опыт прошлых поколений, – пишет В.С.

Нерсисянц, - отражены основные направления, вехи и итоги предшествующих исследований проблем свободы, права, законодательства» [13]. Являясь одной из важных составных частей духовной культуры человечества, политико-правовые учения прошлого оказывают заметное влияние на политико-правовые воззрения и практику государственно-правового развития современности. В таком качестве выступают, в частности, идеи, конструкции и концепции правовой государственности, парламентаризма, разделения властей и др.

Таким образом, в общеправовых теоретико-исторических научных и учебных дисциплинах заключен большой духовный потенциал формирования у студентов многоаспектной государственно-правовой картины мира, современного профессионального правосознания. В связи со встречающимися в среде самих юристов проявлениями теоретического нигилизма, уместно привести слова авторитетного российского ученого-юриста Н.И. Матузова, который пишет: «Невежество в теории приводит к просчетам в практике, недостаток культуры и развитого правосознания - к моральным изъясам, сделкам с совестью» [14]. С сожалением можно предположить, что потенциальные возможности позитивного воздействия учебно-педагогического процесса на формирование у студентов-юристов чувства права и законности ослабляются кризисным состоянием социально-правовой среды современной России, для которой характерны многочисленные проявления агрессивного правового нигилизма на всех этажах власти и общества, пропаганда индивидуализма, эгоизма, бездуховности в средствах массовой информации.

В связи с отмеченным актуализируется задача организации в юридическом вузе системы правового воспитания, поиска методов и средств нейтрализации (ослабления) деформирующего влияния негативных факторов социально-правовой среды на правосознание студентов. Правовоспитательные меро-

приятия должны стать органической частью учебно-образовательного процесса в целях формирования у студентов-юристов чувства права и законности, позитивных отношений к правовым ценностям. Помимо прочего, здесь могут оказаться эффективными активные технологии обучения, моделирующие ситуации ценностно-нормативного выбора правовых решений (позиций), а также стимулирующие самостоятельное правовое мышление студентов.

Список литературы:

1. Топорнин Б.Н. Высшее юридическое образование в России: проблемы развития. – М., 1996; Юридическое образование в России в современных условиях: новые подходы и модели // Государство и право, 1993, № 2. – С.3-22; № 3, С. 3-31; Толстых В.Л. Юридическое образование в современной России //Юридическое образование и наука, 2005, № 4.– С.32-25; Мацкевич И.М. Развитие отечественного юридического образования в системе мировой интеграции // Юридическое образование и наука, 2009, № 1. – С.17-23.
2. Программа развития юридического образования в Российской Федерации на 2006-2010 годы // Юридическое образование и наука, 2006, № 2. – С. 3-9.
3. Юридическое образование и наука, 2000, №1.-С.2-3.
4. Богачева Л., Горшенев В. Юридическая деонтология, ее природа и принципы //Право и жизнь. – М., 1994, № 4. – С.168-186.
5. Левитан К.М. Юридическая педагогика: учебник. – М., 2011.
6. Жалинский А.Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста.-2-е изд. – М., 2007.
7. Государство и право, 1993, № 3. – С.14, 27.
8. Соколов Н.Я. Профессиональное сознание юристов. – М., 1988.; Соколов Н.Я. Профессиональная культура юристов и законность. – М., 2011.
9. Теория государства и права /Под ред. С.С.Алексеева. – М., 1985.-С.272.
10. Богачева Л., Горшенев В. Указ. соч.-С.168.
11. Баранов П., Витрук Н. Правосознание работников милиции: мифы, деформация, стереотипы//Право и жизнь. – М., 1992, № 1. – С.110-118, № 2. –С.122-136; №3. – С.159-172.

12. Графский В.Г. Традиции и обновление в праве: ценностное измерение перемен // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. – М., 1996. – С.74.
13. История политических и правовых учений /Под ред. В.С.Нерсесянца. – М., 1996. – С.VШ.
14. Государство и право, 1993, № 2.-С.6.

ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ СОВМЕСТНОГО ВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕЕ СУБЪЕКТОВ ПО ВОПРОСАМ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУДЕБНЫХ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Жуковина В. С.

кандидат юридических наук

Стабильное функционирование федеративного государства, обеспечение его интеграционной целостности возможны при условии согласованной деятельности властных структур. Наличие проблемы функционирования сбалансированных федеративных отношений обуславливает важность ее исследования, поскольку отсутствие механизмов эффективного взаимодействия центра с регионами порождает серьезные, иногда труднопреодолимые препятствия на пути развития правового и социального государства. Конституционно-правовые основы регулирования федеративных отношений в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов в сложносоставном государстве требуют ясного и детализированного законодательства, учитывающего особый характер формирования Российской Федерации. Необходимость постоянного исследования этих теоретических и практических проблем требует реального осмысления, становления полноценных федеративных отношений как одного из основных элементов россий-

ского федерализма. Отмечается недостаточность законодательного урегулирования в субъектах Российской Федерации некоторых вопросов по предметам совместного ведения, в частности сферы деятельности адвокатуры, нотариата. Особое внимание необходимо уделить вопросу совместного определения кадров правоохранительных органов, невозможность урегулирования которого вызвана отсутствием закрепления на федеральном уровне перечня органов, входящих в состав правоохранительных.

Характер федеративных отношений определяется посредством конституционно-правового регулирования предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов. Одним из основных показателей эффективности федеративных отношений в государстве является наличие работающего механизма реализации конституционных положений по разграничению предметов ведения между федерацией и ее субъектами. Основой и главным компонентом данного механизма называют законодательное регулирование, которое наиболее сложно осуществляется в сфере совместного ведения¹. В качестве весьма важного конституционно-правового аспекта регулирования, влияющего на эффективность и стабильность федеративных отношений, выделяют определение оптимального соотношения федерального и регионального законодательства по предметам совместного ведения².

Проблемой разграничения предметов совместного ведения является на сегодняшний день отсутствие общих законодательных критериев пределов федерального и регионального

1 См.: Чертков А.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Постатейный /А.Н. Чертков. -М.: Юстицинформ. С.12.

2 Умнова И.А. Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов как предмет конституционного регулирования // Журнал российского права. 1999. № 11. С. 29.

регулирования по предметам совместного ведения. Конституция Российской Федерации и ряд других важнейших законодательных актов установили определенную модель реализации принципа совместного ведения, согласно которой законодательными актами Российской Федерации определяются вопросы, регулирующиеся посредством принятия нормативных правовых актов на уровне субъекта Российской Федерации. При этом следует иметь в виду то обстоятельство, что законодательство субъектов Российской Федерации в сфере совместного ведения обладает таким признаком, как относительная самостоятельность. В основе законодательной деятельности субъектов Российской Федерации лежит не только совокупность процедурно-процессуальных правил, определяющих процесс принятия нормативных правовых актов, но и закрепление перечня предметов ведения и полномочий, основывающегося на принципе разграничения предметов ведения, предполагающем законодательную самостоятельность не только в отношении собственной компетенции, но и совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов.

К предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относятся кадры судебных и правоохранительных органов. Это положение предоставляет субъектам Российской Федерации право участвовать в согласовании назначения на определенные должности в данных органах. В соответствии с положением п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции, кадровые вопросы в отношении судей судов субъектов Российской Федерации разрешаются при обязательном участии органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Исходя из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 04.12.2003 года № 428-О1, от участия в формировании корпуса федеральных су-

1Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04.12.2003 года № 428-О «По запросу Государственного Собрания - Курултая республики Башкортостан о

дов Российские регионы практически отстранены. Согласие или несогласие субъекта Российской Федерации с назначением конкретного лица на должность не исключает как возможности представления Председателем Верховного Суда Российской Федерации данной кандидатуры Президенту Российской Федерации, так и право Президента Российской Федерации назначить на должность то лицо, чья кандидатура не была согласована с законодательным (представительным) органом. Процедура же представления кандидата для назначения на должность мирового судьи Федеральным законом «О мировых судьях в Российской Федерации»¹ не определена, таким образом, субъекты Российской Федерации уполномочены самостоятельно регулировать данный вопрос региональным законодательством. Например, п. 1 ст. 7 закона Оренбургской области «О мировых судьях в Оренбургской области»² устанавливает порядок наделения полномочиями мировых судей области путем назначения на должность решением Законодательного Собрания Оренбургской области, а также процедуру представления кандидата Законодательному Собранию области для назначения на должность путем направления Председателем Оренбургского областного суда представления, согласованного с главой администрации Оренбургской области.

проверке конституционности положений пункта 3 статьи 6 и пунктов 6 и 7 статьи 6.1 закона Российской Федерации «О Статусе Судей в Российской Федерации»// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации.2004. № 3.

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 17.12.1998 года № 188-ФЗ (ред. от 23.12.2010 года) «О мировых судьях в Российской Федерации» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 11.11.1998 года) //Российская газета от 22 декабря 1998 года. С.3.

² См.: Закон Оренбургской области от 02 сент.1999 года № 345/74-ОЗ (ред. от 20 мая 2011 года) «О мировых судьях в Оренбургской области» (принят решением Законодательного Собрания Оренбургской области от 18 авг.1999 года № 345) //Южный Урал. 1999. № 172. С. 3.

В Федеральном законе «О мировых судьях в Российской Федерации» отсутствует законодательное закрепление и раскрытие организационного обеспечения деятельности мировых судей, в том числе кадрового обеспечения аппарата судей, в то время как качество работы мирового судьи во многом зависит от подбора кадров и их профессионального уровня. В целях восполнения правового пробела законодатели субъектов Российской Федерации были вынуждены регламентировать данный вопрос в своих законах. Большинство субъектов Российской Федерации, не раскрывая понятия организационного обеспечения деятельности мировых судей, возложили функции по его осуществлению на уполномоченные органы региональной исполнительной власти (министерства, управления, комитеты и т.п.). В Оренбургской области, например, в соответствии с Законом «О мировых судьях в Оренбургской области» подбор и расстановку кадров аппарата мирового судьи, непосредственно обеспечивающих судебную деятельность, прием их на государственную службу осуществляет Комитет по обеспечению деятельности мировых судей Оренбургской области на конкурсной основе. Данный Комитет создается Указом главы администрации области и действует на основании утвержденного им положения. Комитет, согласно Указу Губернатора Оренбургской области¹, имеет статус юридического лица, самостоятельный баланс, обособленное имущество, финансирование которого осуществляется за счет средств областного бюджета. В число основных возложенных на Комитет задач входят кадровое, информационно-правовое, финансовое, материально-техническое обеспечение деятельности мировых судей Оренбургской области и обеспечение профессиональной подготовки

¹ Указ Губернатора Оренбургской области от 16 декабря 2005 года № 137-ук (с изм. от 23.09.2009 года) «Об утверждении положения, структуры и численности комитета по обеспечению деятельности мировых судей Оренбургской области» (с изменениями от 20 апреля 2006 года)// Оренбуржье. 2005. №198. С.5.

и переподготовки, повышения квалификации мировых судей и работников аппарата.

Коллизийным является вопрос отнесения Конституцией Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации кадров правоохранительных органов. Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации»¹ в статье 7 дано определение правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы. Однако данное положение настоящего Федерального закона должно применяться со дня вступления в силу федерального закона о правоохранительной службе. На федеральном уровне до настоящего времени закон о правоохранительных органах не принят, таким образом, перечень органов, относимых к правоохранительной службе, на федеральном уровне не определен. Следовательно, вопрос кадров правоохранительных органов, отнесенный Конституцией Российской Федерации к совместному ведению, остается открытым ввиду отсутствия перечня органов, относимых к правоохранительным. На уровне субъектов Российской Федерации принимаются региональные законы о правоохранительных органах, которые также не содержат конкретного перечня органов, входящих в состав правоохранительных. Например, в республике Башкортостан принят Закон «Об общественных органах правоохранительного характера в республике Башкортостан»², который содержит только понятие видов органов, входящих в единую систему профилактического воздействия на правона-

¹ Федеральный Закон Российской Федерации от 27.05.2003 года № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010 года) «О системе государственной службы Российской Федерации» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 25.04.2003 года)//Российская газета от 31 мая 2003. С.4.

² Закон Республики Башкортостан от 28.07.1997 года № 114-З (ред. от 14.07.2010 года) «Об общественных органах правоохранительного характера в республике Башкортостан» (Принят Законодательной Палатой Государственного Собрания РБ 03.07.1997)//Газета «Известия Башкортостана» от 14 августа 1997. С.5.

рушителей: социально-профилактические центры в микрорайонах, советы профилактики в организациях независимо от форм собственности, добровольные народные дружины; рабочие отряды содействия милиции.

Несмотря на отсутствие законодательного закрепления перечня органов, относимых к правоохранительным, таковыми названы в специализированном законодательстве таможенная служба¹, казачество², прокуратура. Полиция, являясь составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и осуществляя свою деятельность, взаимодействует с другими правоохранительными органами. Одновременно с этим Федеральным законом «О полиции»³ полиция в качестве правоохранительного органа прямо не указана.

Примером практического воплощения предмета совместного ведения, определенного п. «л» ч.1 ст.72 Конституции в сфере согласования кадров правоохранительных органов, можно назвать процедуру назначения на должность прокурора субъекта Российской Федерации. Исходя из смысла статей 41.4, 45 Федерального закона «О прокуратуре»⁴, прокуратура относится

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.1997 года № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2010 года) «О службе в таможенных органах Российской Федерации» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 18.06.1997 года)//Собрание законодательства Российской Федерации.1997. № 30. Ст. 3586.

² Федеральный закон Российской Федерации от 05.12.2005 года № 154-ФЗ (ред. от 31.05.2011 года) «О государственной службе Российского казачества» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 09.11.2005 года)//Парламентская газета. 2005. № 218. С.5.

³ Закон Российской Федерации от 07.02.2011 года №3-ФЗ (ред. от 01.07.2011 года) «О полиции» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 28.01.2011 года)// Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.

⁴ Федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 07.02.2011 года) «О прокуратуре Российской Федерации»//Российская газета от 25 ноября 1995 года. С.4.

к правоохранительным органам, соответственно, определение кадровых вопросов данного органа относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Согласно Федеральному закону «О прокуратуре», прокуроры субъектов Российской Федерации назначаются на должность Генеральным прокурором Российской Федерации по согласованию с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, однако сам порядок согласования федеральным законодательством не определен. Таким образом, процедура согласования кандидатуры на должность прокурора субъекта Российской Федерации подлежит урегулированию законами субъектов Российской Федерации. В Оренбургской области, например, согласование кандидатуры на должность прокурора Оренбургской области осуществляется, в соответствии с Уставом Оренбургской области¹, Губернатором области и Законодательным Собранием. Вопрос о согласовании назначения на должность прокурора Оренбургской области Законодательным Собранием в соответствии с Регламентом Законодательного Собрания², включается в проект повестки дня очередного заседания Законодательного Собрания; кандидатура на должность прокурора Оренбургской области считается согласованной, если за дачу согласия проголосовало большинство от числа избранных депутатов.

¹ Закон Оренбургской области от 20.11.2000 года № 724/213-ОЗ (ред. от 20.05.2011 года) «Устав (Основной закон) Оренбургской области» (принят Решением Законодательного Собрания Оренбургской области от 25.10.2000 года № 724) (Зарегистрировано в ГУ Минюста Российской Федерации по Приволжскому федеральному округу 10.08.2001 № RU560 00200000060) //Южный Урал. 2000. №243. С. 2 – 4.

² См.: Постановление Законодательного Собрания Оренбургской области от 22.12.2007 года № 1865 (ред. от 20.04.2011.) «О Регламенте Законодательного Собрания Оренбургской области» (вместе с «Регламентом Законодательного Собрания Оренбургской области»)// Южный Урал. 2008. № 29 (спецвыпуск № 52 с документами Законодательного Собрания Оренбургской области).

Институт адвокатуры, в том числе вопросы правового регулирования его деятельности находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов. Согласно Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон об адвокатуре)¹, субъектам Российской Федерации предоставлена возможность регулирования вопросов участия в создании юридических консультаций (п. 1, п. 3 ст. 24), в оказании юридической помощи бесплатно (п. 9 ст. 25, п. 1, п. 2 ст. 26), в формировании квалификационной комиссии при адвокатской палате субъекта Российской Федерации (подп. 3 п. 2 ст. 33); материально-технического и финансового обеспечения оказания юридической помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях (п. 9 ст. 25). Тем не менее далеко не во всех регионах Российской Федерации так или иначе нормативно урегулированы вопросы, отнесенные к компетенции субъекта Российской Федерации. Наименее урегулированными в сфере адвокатуры на уровне законодательства субъекта Российской Федерации являются вопросы оказания юридической помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях, а также создания юридических консультаций. Наиболее распространенными в субъектах Российской Федерации являются законы, регулирующие порядок избрания представителей в квалификационную комиссию от представительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Так, Законом «О представителях Законодательного Собрания Оренбургской области в квалификационной комиссии при адвокатской палате Орен-

¹ Федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 года № 63-ФЗ (ред. от 11.07.2011года) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 26.04.2002 года)// Собрание законодательства Российской Федерации.2002. № 23. Ст. 2102.

бургской области»¹ определен порядок избрания и требования, предъявляемые к представителям Законодательного Собрания Оренбургской области в квалификационной комиссии при адвокатской палате Оренбургской области. Остальные вопросы, регулирование которых возможно на уровне субъекта Российской Федерации, не закреплены в законодательных актах области. К тому же в Оренбургской области до настоящего времени вопросы деятельности адвокатуры региональным законодательством не охвачены.

Многие региональные законы дублируют положения федерального закона об адвокатуре. Дополнительно координируются вопросы создания юридических консультаций, в частности, дополнительно указывается, кто может обращаться с инициативой о создании юридической консультации. Например, согласно Закону «О регулировании отдельных отношений, связанных с адвокатской деятельностью и адвокатурой на территории Пермского края»², такое право предоставлено Правительству Пермского края. Кроме того, данный Закон дополнительно предусматривает обеспечение юридической помощи в труднодоступных и малонаселенных местностях, которое включает в себя возмещение связанных с юридической помощью расходов адвоката, оплату проезда, найма жилого помещения, суточных и иных расходов.

Помимо регулирования вопросов адвокатуры, Конституция причисляет нотариат к вопросам совместного ведения Россий-

¹ Закон Оренбургской области от 10.11.2002 года № 312/55-III-ОЗ (ред. от 11.07.2007 года) «О представителях Законодательного Собрания Оренбургской области в квалификационной комиссии при адвокатской палате Оренбургской области» (принят Постановлением Законодательного Собрания Оренбургской области от 23.10.2002 года № 312)//Южный Урал.2001. № 221. С. 2.

² Закон Пермского края от 12.10.2007 года № 118-ПК «О регулировании отдельных отношений, связанных с адвокатской деятельностью и адвокатурой на территории Пермского края» (принят Законодательным Собранием Пермского Края 24.03.2010 года)//Собрание законодательства Пермского края.2007. № 11.

ской Федерации и ее субъектов, а это означает, что действующее федеральное законодательство «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате»¹ может быть дополнено и расширено законами субъекта Российской Федерации. Региональные законы способствуют разрешению проблем во взаимоотношениях органов юстиции и нотариальной палаты с учетом местных особенностей региона. Значительное место в практике правотворчества законодательных органов субъектов Российской Федерации занимает порядок работы нотариальной конторы. Например, Закон Воронежской области «О нотариате»² устанавливает порядок организации работы, по которому значительное число вопросов организационного характера вырабатываются совместно управлением юстиции и нотариальной палатой. В числе таких вопросов значится требование, предъявляемое к помещениям нотариальной конторы, согласно которому оно должно обеспечивать нормальные условия работы и хранения документов, беспрепятственный доступ в него граждан в часы работы нотариуса. Кроме того, положениями статьи шестой этого же регионального закона определяется порядок открытия нотариальных контор, по которому на управление юстиции возлагается обязанность вести Государственный реестр нотариальных контор, действующих на территории области, с присвоением каждой соответствующего реестрового номера, который должен быть указан на вывеске и в официальных документах. Более того, образец вывески подлежит утверждению совместным решением управления юстиции и нотариальной палаты.

¹ «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 года № 4462-1) (ред. от 05.07.2010 года)//Российская газета от 13 марта 1993 года. С.4.

² Закон Воронежской области от 12.06.1997 года № 6-II-ОЗ (ред. от 12.03.2008 года) «О нотариате» //Коммуна. 1997. № 116. С. 4.

Тем не менее, некоторые вопросы организации работы предоставлены нотариусу для самостоятельного разрешения, среди которых предусмотренный законом Воронежской области «О нотариате» порядок предоставления отпусков. Так, по правилам регионального закона нотариус обладает правом на ежегодный отпуск, продолжительность которого определяется самим нотариусом согласно трудовому законодательству. Нотариус определяет период отпуска, уведомляя управление юстиции и нотариальную палату о начальной дате отпуска и его продолжительности не позднее, чем за 3 дня. Указанный закон не устанавливает как продолжительность отпуска, так и основания и возможность отказа нотариусу в отпуске органами юстиции или нотариальной палатой.

Итак, предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации охватывают вопросы кадров судебных и правоохранительных органов, а также адвокатуру и нотариат. Регионами обеспечивается реализация кадрового и материального обеспечения судей, однако в остальных направлениях данной сферы правотворчество субъектов Российской Федерации осуществляется безынициативно. Это объясняется наличием коллизии в федеральном законодательстве о правоохранительных органах. В сфере адвокатуры и нотариата субъекты Российской Федерации, как правило, осуществляют копирование федерального законодательства с внесением несущественных деталей. Исследование практики регулирования федеративных отношений на примере некоторых регионов позволило выявить пробелы законодательства, требующие его восполнения посредством законотворческой деятельности на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации. Отсутствие на федеральном уровне соответствующего законодательства в сфере организации деятельности правоохранительных органов препятствует единообразному регулированию федеративных отношений по предме-

там совместного ведения. Ввиду чего видится необходимым принятие законодательства, закрепляющего на федеральном уровне четкий перечень органов, входящих в состав правоохранительных, которое обеспечит единообразие в реализации совместного ведения регионами положения п. «л» ст. 72 Конституции в части совместного формирования кадров правоохранительных органов.

Список литературы:

1. По запросу Государственного Собрания - Курултая республики Башкортостан о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 6 и пунктов 6 и 7 статьи 6.1 закона Российской Федерации «О Статусе Судей в Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 04 декабря 2003 года № 428-О// Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.
2. Российская Федерация. Законы. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 31.05.2002 года № 63-ФЗ (ред. от 11.07.2011года): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 26.04.2002 года // Собрание законодательства Российской Федерации.2002. № 23. Ст. 2102.
3. Российская Федерация. Законы. О государственной службе Российского казачества: федеральный закон Российской Федерации от 05.12.2005 года № 154-ФЗ (ред. от 31.05.2011 года): (принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 09.11.2005 года //Парламентская газета. 2005. № 218. С.5.
4. Российская Федерация. Законы. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ (ред. от 23.12.2010 года): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 11 ноября 1998 года)//Российская газета. - 1998. - 22 дек.- С. 3.
5. Российская Федерация. Законы. О полиции: федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 года №3-ФЗ (ред. от 01.07.2011 года): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 28.01.2011 года// Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. N 7. Ст. 900.
6. Российская Федерация. Законы. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 17.01.1992 года № 2202-1 (ред. от 07.02.2011 года) //Российская газета от 25 ноября 1995 года. С.4.

7. Российская Федерация. Законы. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 27.05.2003 года № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010 года): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 25.04.2003 года.//Российская газета от 31 мая 2003. С.4.
8. Российская Федерация. Законы. О службе в таможенных органах Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.1997 года № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2010 года): принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 18.06.1997 года.//Собрание законодательства Российской Федерации.1997. № 30. Ст. 3586.
9. Российская Федерация. Законы. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (ред. от 05.07.2010 года): утв. Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 года № 4462-1// Российская газета от 13 марта 1993 года. С.4.
10. Устав (основной закон) Оренбургской области: закон Оренбургской области от 20 ноября 2000 года № 724/213-ОЗ (ред. от 20 мая 2011 года): принят Решением Законодательного Собрания Оренбургской области от 25.10.2000 года № 724, зарегистрировано в ГУ Минюста РФ по Приволжскому федеральному округу 10.08.2001 № RU560 00200000060//Бюллетень Законодательного Собрания Оренбургской области от 25 октября 2000 года (22 заседание).
11. Об общественных органах правоохранительного характера в республике Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 28 июля 1997 года № 114-3 (ред. от 14.07.2010 года): принят Законодательной Палатой Государственного Собрания Республики Башкортостан 03 июля 1997 //Газета «Известия Башкортостана». - 1997. - 14 авг.- С.5.
12. О мировых судьях в Оренбургской области: закон Оренбургской области от 02 сентября 1999 года № 345/74-ОЗ (ред. от 20 мая 2011 года): принят Решением Законодательного Собрания Оренбургской области от 18 августа 1999 года № 345// Южный Урал. - 1999. - № 172. - С. 3.
13. О нотариате: закон Воронежской области от 12.06.1997 года № 6-II-ОЗ (ред. от 12.03.2008 года) //Коммуна. 1997. № 116. С. 4.
14. О Регламенте Законодательного Собрания Оренбургской области (вместе с «Регламентом Законодательного Собрания Оренбургской области») (с изм. и доп., вступающими в силу после официального опубликования Постановления Законодательного Собрания Оренбургской области от 20 апреля 2011г. № 24) //Южный Урал. - 2008. - № 29 (спецвыпуск № 52 с документами Законодательного Собрания Оренбургской области).
15. О регулировании отдельных отношений, связанных с адвокатской деятельностью и адвокатурой на территории Пермского края: закон Пермского края от 12.10.2007 года № 118-ПК: принят Законодательным Собранием Пермского Края 24.03.2010 года // Собрание законодательства Пермского края.2007. № 11.
16. О представителях Законодательного Собрания Оренбургской области в квалификационной комиссии при адвокатской палате Оренбургской области: закон Оренбургской области от 10.11.2002 года № 312/55-III-ОЗ (ред. от 11.07.2007 года): принят Постановлением Законодательного Собрания Оренбургской области от 23.10.2002 года № 312 //Южный Урал.2001. № 221. С. 2.
17. Об утверждении положения, структуры и численности комитета по обеспечению деятельности мировых судей Оренбургской области: указ Губернатора Оренбургской области от 16 декабря 2005 года № 137-ук (с изменениями от 20 апреля 2006 года)// Оренбуржье. - 2005. -№198. - С. 5.
18. Умнова И.А. Совместное ведение Российской Федерации и ее субъектов как предмет конституционного регулирования/ И.А.Умнова // Журнал российского права. - 1999. - № 11. - С. 22 - 35.
19. Чертков А.Н. Комментарий к Федеральному закону «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» Постатейный /А. Н. Чертков. - М.: Юстицинформ. – 536 С.

ПРИМЕНЕНИЕ И ИСПОЛНЕНИЕ НАКАЗАНИЙ БЕЗ ИЗОЛЯЦИИ ОТ ОБЩЕСТВА В СВЕТЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДО 2020 ГОДА

Звонов А.В.

*преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Владимирского юридического института ФСИН России,
кандидат юридических наук, (г. Владимир)*

Интеграция России в мировое сообщество предопределяет реформирование уголовно-исполнительной системы по пути ее приведения в соответствие с международным законодательством, преследуя задачи обеспечения защиты общества и предотвращения преступлений. По состоянию на 1 января 2011 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы Рос-

сии содержалось 819,2 тыс. человек. Количество заключенных в расчете на 100 тыс. населения страны в России – одно из самых высоких в мире, по этому показателю наша страна уступает только Соединенным Штатам Америки¹. Данные показатели достаточно значительны, в связи с чем требуется их снижение путем совершенствования уголовно-исполнительной политики России, реформирования системы учреждений, исполняющих наказания, и совершенствования их организационно-структурного построения с учетом обеспечения международных стандартов обращения с осужденными в местах лишения свободы и лицами, содержащимися под стражей.

Оценка указанных обстоятельств обусловила принятие 14 октября 2010 г. Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года², которая предполагает рационализацию политики в области уголовного правосудия, что приведет к увеличению к 2020 году общей численности лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденных от общества. По предварительным подсчетам, увеличение спецконтингента, проходящего по учетам уголовно-исполнительных инспекций, составит около 200 тыс. человек.

Увеличение произойдет за счет:

- широкого применения ограничения свободы и других видов наказаний.
- увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества.
- расширения практики назначения данных наказаний судами, что станет следствием изменения законодатель-

¹ Выступление директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы Александра Александровича Реймера на коллегии 25 февраля 2011 года // [tp://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=9468](http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=9468).

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544.

ства и в целом уголовной и уголовно-исполнительной политики государства.

Реализация указанных направлений деятельности predeterminedила большую работу в данном направлении, были изменены уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства.

В 2010 году введен новый вид наказания – ограничение свободы, что позволило только за первый год реализации его положений применить к 7937 осужденным данный вид наказания¹.

Существенно были смягчены санкции статей действующего уголовного законодательства в первую очередь в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести.

В настоящее время в соответствии с ФЗ РФ № 420 от 7 декабря 2011 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² введен такой вид наказания как принудительные работы, исполнение которого предусматривается с 1 января 2013 года.

Также на увеличение численности контролируемых уголовно-исполнительной инспекцией лиц произойдет за счет предполагаемой передачи в уголовно-исполнительную систему полномочий по осуществлению контроля за условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы.

Однако широкое применение наказаний без изоляции от общества не станет панацеей развития системы наказаний, альтернативных лишению свободы, Концепцией поставлены задачи по повышению эффективности применения всех наказа-

¹ Отчет о работе уголовно-исполнительных инспекций за четвертый квартал 2009 г. от 14 янв. 2010 г. № 10/46/6-50.

² Рос. газ. от 9 дек. 2011 г. № 278

ний и их исполнения контролирующими органами, что предполагает проведение комплекса мероприятий, которые позволят качественно изменить деятельность уголовно-исполнительных инспекций, основав ее на принципиально новых началах.

Предусматривается проведение мероприятий по изменению и дополнению действующего законодательства, в частности, совершенствование законодательства в области исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, расширение перечня наказаний без изоляции от общества за счет введения новых видов наказаний, дополнение оснований применения существующих альтернативных наказаний - исправительных и обязательных работ, а также предусматривается разработка законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, предусматривающих возложение на инспекции полномочий по контролю за условно-досрочно освобожденными лицами, что было отмечено нами ранее.

Также предполагается проведение социальных и психологических мероприятий, организационно-штатных мероприятий, а также мероприятий по улучшению материально-технического обеспечения инспекций.

Следует отметить, в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. предусматривается создание службы пробации, что является одним из направлений развития социальных институтов и социальной политики. Основным направлением ее деятельности предполагается обеспечение социально-психологическое сопровождение лиц, освобождающихся из мест лишения свободы.

В целом, вопрос о деятельности службы пробации в настоящее время остается открытым, однако направления деятель-

ности службы пробации определены и работа по ее внедрению активно ведется.

Повышение эффективности применения наказаний призвано обеспечить защиту общества от преступника, снижение уровня криминализации общества, разобщение преступного сообщества, снижение численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Предстоящая работа по реформированию пенитенциарной системы не может проводиться в отрыве от сложившейся ситуации в уголовно-исполнительной системе, она не должна заслонить выполнение государственных задач, ежедневных функций, возложенных на каждого конкретного руководителя и сотрудника системы¹.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРЕПОДАВАНИЯ УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИН В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ МВД РФ)

Колодкин Л.М.

д.ю.н., профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, (г. Москва)

В последнее время в адрес подготовки специалистов в области юриспруденции звучит критика на всех уровнях государственной власти и средств массовой информации, представителей гражданского общества. Право как отрасль научных знаний и подготовка специалистов в сферах правоведения стали предметом остракизма. Снова звучат призывы сократить мас-

¹ Выступление директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы Александра Александровича Реймера на коллегии 25 февраля 2011 года. URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=9468.

штабы подготовки юристов, утверждения – выпускники юридических ВУЗов не отвечают требованиям современности, юристы не востребованы на рынке труда. И это происходит в условиях формирования правового государства, о чем заявлено в ст. 1 Конституции – Российской Федерации – «Россия есть демократическое федеративное правовое государство». Есть, а не будет.

Такая законодательная характеристика России означает, что во всех сферах деятельности государства превалируют нормы права, а не мотивы политической целесообразности или личного усмотрения того или иного даже самого харизматического лидера. Правовое государство обязано быть ограничено правом и тем самым быть легитимным в глазах общества, исходить из признания неотчуждаемости и соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Власть в правовом государстве осуществляется только теми структурами государственного управления, которые на это уполномочены действующем законодательством в пределах предметов ведения и полномочий. В правовом государстве гарантирована каждому справедливая судебная защита. Могут ли эти задачи успешно решаться, а мы хорошо знаем как они еще плохо решаются, при отсутствии или незадействовании в реализации государственного и муниципального управления высокообразованных правоведов? Безусловно нет. Дилетантизм в правовой сфере недопустим. Не случайно на решение этой проблемы был нацелен Указ Президента Российской Федерации от 25 мая 2009 года № - 599 «О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации»¹.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев неоднократно говорил о необходимости сокращения масштабов подго-

1 Собрание законодательства Российской Федерации 2009 №22 ст. 2698.

товки юристов¹. Но дело не только в количестве, но и в качестве.

Казалось бы на повышение качества подготовки юристов должна быть направлена реформа системы юридического образования? Так ли это на самом деле?

С начала текущего учебного года началась подготовка специалистов по юриспруденции по новым государственным образовательным программам, по двухуровневой системе – бакалавров и магистров.

Нормативной основой первого уровня юридического образования является теперь Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденный Приказом Министерства образования и науки РФ от 11 мая 2010 года № 464². Данный стандарт представляет собой совокупность обязательных требований, реализуемых вузами, имеющими государственную аккредитацию.

Второй уровень юридического образования регламентирован Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»), утвержденным Приказом Министерства образования и науки от 14 декабря 2010 года № 1763³.

Новые стандарты настолько отличаются от прежних, что их просто невозможно реализовать без существенных изменений в организации учебного процесса и новой ориентации на нали-

1 URL: [http://news.Kremlin.ru\(news\)3775](http://news.Kremlin.ru(news)3775); URL: <http://news.Kremlin.ru/news/10521>

2 Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти 2010 № 26.

3 URL: <http://www.mor.gov.ru>

чие у выпускников юридических вузов знаний, навыков и практических умений.

В новых стандартах определены виды профессиональной деятельности бакалавров и магистров.

Магистр по направлению подготовки должен быть подготовлен к решению следующих задач:

- Правотворческая деятельность;
- Правоприменительная деятельность;
- Правоохранительная деятельность;
- Экспертно – консультационная деятельность;
- Организационно – управленческая деятельность;
- Научно – исследовательская деятельность;
- Педагогическая деятельность.

Столь широкий круг видов профессиональной деятельности детализируется перечнем профессиональных задач, решением которых должен обладать выпускник юридического вуза.

Вызывают недоумение отсутствие в перечне этих задач оказание государственных услуг в сфере обеспечения безопасности, осуществления производств по делам об административных правонарушениях, проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках раздела «правоохранительная деятельность», навыков разрешения трудовых конфликтов и отравления правосудия, осуществления надзорно-контрольных функций, аудиторской и ревизионной деятельности.

Обращаю на себя внимание формулировки задач в чрезмерно абстрактной («осуществление организационно-управленческой деятельности»), или порой чрезмерно утилитарной форме («составление юридических документов»), бессистемность их перечисления. Все это затрудняет реализацию требований стандартов, объективную оценку достижения намечаемого.

В федеральном государственном образовательном стандарте «Магистр юриспруденции» установлены требования к результатам усвоения основных образовательных программ в виде компетенций – общекультурной (ОК) и профессиональной (ПК).

Под термином «компетентность» следует понимать совокупность личностных качеств индивида, позволяющих ему на основе высокого профессионализма, знания людей, правильно оценивать ситуации, в которых он функционирует, умение анализировать систему социальных, экономических, правовых отношений, взаимодействий социальных структур, предвидеть ближайшие и отдаленные последствия тех или иных действий и решений¹.

Представляется, что компетентность является результатом синтеза знаний, практики профессиональной деятельности и жизненного опыта. Трудно ожидать высокой компетентности (в пределах, предусмотренных ФГОС) от выпускника образовательного учреждения.

Не менее спорным является деление компетенции на общекультурные и профессиональные, отнесение одних или близких по содержанию феноменов к разным группам компетенций.

Например, нетерпимости к коррупционному поведению к общекультурным, а умения давать оценку коррупционному поведению – к профессиональной компетентности. Или отношения «комплексного использования умений и навыков в управлении коллективом» к общекультурной компетентности, а «готовность к выполнению должностных обязанностей» - к профессиональной. При такой произвольной классификации ком-

¹ Вебер М. Политика как призвание и профессия. М., 1990, с. 27

петентностей, их формулирования в предельно абстрактной форме трудно реализовать их в учебный процесс и оценить в итоговой аттестации.

Составляющие одной профессиональной деятельности юриста излагаются в качестве отдельной компетентности. Например, ПК-4 – способность выявлять, пресекать, расследовать правонарушения и преступления включает в себя частные компетентности под номерами ПК-5 – «осуществление предупреждения правонарушений», ПК-6 – «выявления и пресечения коррупционного поведения». Есть и другие не менее спорные положения «добросовестность исполнения профессиональных обязанностей», «культура мышления» и другие¹.

В целом круг компетенций по сравнению с бывшим образовательным государственным стандартом высшего профессионального образования по специальности 030501 «юриспруденция» (квалификация – юрист), утвержденного приказом Министерства образования Российской Федерации от 27 марта 2000 года, значительно расширен. Новыми направлениями профессии юриста названы нормотворческая, педагогическая, научно-исследовательская деятельность. При этом содержащиеся в ФОГС компетенции являются обязательными при разработке основных образовательных программ.

Однако сроки обучения и распределение аудиторных часов по видам занятий значительно сокращает контакты преподавателя с обучаемыми, ограничивают позитивное влияние человеческого общения в процессе передачи знаний.

¹ Стариков Ю.Н., Мартынов А.В. Модернизация административного права как учебной дисциплины в условиях реформирования системы высшего юридического образования. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право 02.11.2011 с 10-36.

Новый федеральный образовательный стандарт нуждается в уточнении и конкретизации.

Представляется, что этот процесс следует вести по следующим направлениям.

Первое – преодоление имеющего место у абитуриентов своеобразного правового нигилизма на базе дефицита правовых знаний и влияния ближайшего социального окружения, а также широко распространенной практики «двойных стандартов» в правовой сфере.

Правовой нигилизм т.е. негативное скептическое отношение к праву, вплоть до полного неверия в его потенциальные возможности регулировать общественные отношения на основе социальной справедливости¹. Правовой нигилизм в нашей стране имеет глубокие исторические корни, что является предметом специального разговора. Особенность эту в конце XIX века метко выразил малоизвестный русский сатирик Алмазов Б.Н. в следующих строках: «по причинам историческим мы совсем не снабжены ясным смыслом юридическим, - сим исчадьем сатаны, широки натуры русские, - нашей правды идеал не влезает в формы узкие юридических начал.

И в самом деле у нас не было отечественных Томаса Гоббса, Роберта Фильмора, Джона Лильборна, Джона Локка, формировавших национальную особенность британцев – уважение к праву.

В России не воспитывалось законопослушание немцев трудами Самюэля Пуффендорфа, Христина Томазия, Христиана Вольфа, Иоганна Вольфа, Рудольфа Иеринга.

В России никогда научная полемика основателя философской школы права Антона Ф.А. Тибо и сторонника исторической

¹ Туманов Г.А. О правовом нигилизме / СГП. № 10, 1989. с. 20-26.

школы права Фридриха Савиньи по частному вопросу о роли создания общего гражданского уложения в 1814 году не становилась предметом национальной дискуссии.

И в середине века А.И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России», кстати изданной на немецком и французском языках, напишет о корнях правового нигилизма в России: «Русский народ жил только общинной жизнью, свои права и обязанности он понимает лишь по отношению к общине. Вне ее он не признает обязанностей и видит только насилие. Подчиняясь ему, он подчиняется лишь силе; вопиющая несправедливость одной части закона вызывала в нем презрение к другой. Полное неравенство перед судом убило в нем в самом зародыше уважение к законности. Русский, к какому бы классу он ни принадлежал, нарушает закон всюду, где он может сделать это безнаказанно: точно так же поступает правительство»¹.

XX век был для России не только веком кровавых рек трех революций, двух мировых и одной гражданской войны, но и веком крушения правовых систем в 1917, в 30-х и 60-х годах, в 1991 и 1993 годах.

Порой Россия совершала «гигантские шаги» от общинного самосуда до «красного террора», сталинского ГУЛАГА и расстрельных подвалов ЧК. «Революционное правосознание» творило своё право бесправия. Один только эпизод из знаменитой книги И.А. Бунина «Окаянные дни». Автор цитирует публикацию газеты «Русское слово». Сход села Покровское Тамбовской губернии направил в газету приговор общества – «двух хищников Никиту Булкина и Адриана Куринова преследовать и тут же убить». Могло ли такое «законотворчество» не породить нигилизма?

¹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30т. М., 1956, т.7, с.251.

Правовое сознание будущих юристов должно быть свободно от неверия в возможности права. Для этого нужна селекция на этапе формирования студенчества по трем видам лояльности: к власти и государству, к профессии и действующему законодательству и лояльности к своей совести с позиций уважения к закону. Преодоление правового нигилизма у студенчества во многом зависит от позиции, личного примера и убежденности преподавательского состава.

Второй пробел федерального образовательного стандарта заключается в игнорировании значимости умения правоведа отступить от конкретного случая и оценить то или иное явление с позиций правовой абстрактности. Одновременно необходимо уметь применять лаконичные правовые нормы с высокой степенью абстрактности к необычайно разнообразным явлениям жизни при безусловном соблюдении предписаний общих правил поведения, установленных законом.

В этом заключается суть правового мышления, о необходимости которого идет речь в первой общекультурной компетенции (ОК-1) в формулировке «уважительного отношения к праву, закону». И, наконец, бакалавр и магистр юриспруденции наряду с государственным и иностранным языком должен в совершенстве владеть языком закона, языком правовой науки, языком правоприменения и языком пропаганды правовых знаний.

Для этого каждый преподаватель правовых дисциплин должен быть мастером этих модификаций русского языка и в процессе учебном учить обучаемых свободным владением этими профессиональными языками.

Достигнуть предлагаемого можно только при широком использовании в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий. Нельзя обучить ораторскому искусству без речевого тренинга.

Юриста, отвечающего современным требованиям, нельзя обучить без проведения «круглых столов», семинаров в диалоговом режиме, компьютерного моделирования казусов и правовых ситуаций, ролевых и деловых игр, тренингов и разбора конкретных ситуаций, решения казусов, проведения учебных судебных процессов, разбора результатов совместной деятельности оперативно-следственных групп, сторон обвинения и защиты и других активных форм проведения занятий.

Успех реформирования системы высшего юридического образования напрямую зависит от педагогического творчества.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Маметниязова Л. Н.

*Студент Столичной финансово-гуманитарной академии
(г. Москва)*

«Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» говорит о том, что информационное общество характеризуется высоким уровнем развития информационных и телекоммуникационных технологий и их интенсивным использованием гражданами, бизнесом и органами государственной власти.

Целью формирования и развития информационного общества в Российской Федерации является повышение качества жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности России, развитие экономической, социально-политической, культурной и духовной сфер жизни общества, совершенствование системы государственного управления на основе использования информационных и телекоммуникационных технологий.

Развитие информационного общества в Российской Федерации базируется на следующих принципах: партнерство госу-

дарства, бизнеса и гражданского общества; свобода и равенство доступа к информации и знаниям; поддержка отечественных производителей продукции и услуг в сфере информационных и телекоммуникационных технологий; содействие развитию международного сотрудничества в сфере информационных и телекоммуникационных технологий; обеспечение национальной безопасности в информационной сфере [2].

Однако стоит разобраться с тем, как все это выглядит на практике.

Информационное общество XXI века развивается настолько быстро и бурно, что современные реалии правового пространства не успевают в полном объеме вовремя отразить происходящие изменения.

Законодатель предусмотрел в уголовном кодексе РФ 1996 года главу 28 «Преступления в сфере компьютерной информации», которая содержит всего три состава преступлений: неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272), создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273), нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274).

При этом глава отражает действительность 90-х годов XX века в России, когда наличие персонального компьютера у частного лица было относительно редким явлением, а число постоянных пользователей интернета за пределами крупных городов, таких как Москва и Санкт-Петербург, и вовсе стремилось к нулю. В наши годы новые информационные технологии рождаются, развиваются и устаревают стремительно, появляются новые устройства, изобретение которых не было предсказано законодателем, такие как современные мобильные телефоны, смартфоны, «планшетники», электронные книги, которые по своим техническим характеристикам позволяют выходить в

интернет, взаимодействовать с другими компьютерными устройствами, а значит, потенциально, совершать преступные действия разного рода. При этом, выражаясь формальным, бюрократическим языком – они не являются компьютером, что затрудняет применение вышеуказанных статей уголовного кодекса Российской Федерации.

По нашему мнению, так как компьютер и остальные компьютерные устройства выступают средством совершения преступления, а не объектом преступного посягательства, то называть такие преступления «компьютерными» - некорректная формулировка. Более точным термином в данном случае будет «информационные преступления», где объектом преступного посягательства становится информация.

Современное общество, как мы уже говорили, это общество информационное, то есть то, где одним из главных производимых ресурсов становится информация, при этом информация может быть как на бумажном, так и на любом другом носителе. Значит, когда мы говорим об информационной преступности, нельзя говорить о посягательстве на информацию, расположенную только на компьютерных носителях, здесь надо говорить о посягательстве на информацию в целом. Однако, не следует забывать о том, что уголовный кодекс во многих главах подразумевает это. Проиллюстрировать это можно на примере таких статей, как ст. 155 «Разглашение тайны усыновления», ст. 183 «Незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну», ст. 283 «Разглашение государственной тайны» и многими другими составами. При этом анализ зарубежного законодательства показывает, что в уголовных законах других стран выделяют гораздо больше чем в России уголовно наказуемых деяний, предусматривающих ответственность за незаконный информационный оборот, например таких, как: вымогательство штампов; дача согласия на доступ к секретным документам;

делание выписок из документов; раскрытие информации по неосторожности; скрепление подписью; использование законно полученных записей частных переговоров или телепереговоров с намерением обмануть или причинить вред, массу других.

По мнению многих ученых, объектом информационного преступления следует признать общественные отношения в сфере законного оборота информации, однако не все, а те, которые обеспечивают информационную защиту личности, общества и государства.

Предметом информационных преступлений является информация, расположенная как на материальном носителе, так и вне его.

Признаком информационного преступления является то, что их объективная сторона в части деяния и способа совершения преступления может быть представлена различными видами деяний.

Имеется две разновидности информационных преступлений, отличающиеся друг от друга элементами состава преступления, содержащими информацию: информационные преступления, предметом которых является информация; информационные преступления, способом совершения которых является информационное воздействие.

Таким образом, следует признать, что необходимость выделения информационных преступлений не надумана, а продиктована возросшим значением информации и информационных процессов в современном обществе.

Список литературы:

1. Уголовный Кодекс РФ от 24.05.1996 (с изм. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996. N 25, ст. 2954.
2. «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 07.02.2008 N Пр-212) // Российская газета. N 34, 16.02.2008.
3. Иванов Н.Г., Букалерева Л.А., Остроушко А.В. Информационные преступления в сфере коррупции и рейдерства. М. 2010.

ВЫСОКОРИСКОВЫЕ ОБЪЕКТЫ И ИХ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА

Назаркин М.В.

кандидат юридических наук, доцент, (г. Москва)

Разнообразие общественных отношений в современном мире и их постоянное усложнение неизбежно расширяют поле деятельности законодателя, поскольку в сферу правового регулирования включаются все новые объекты. Эта тенденция прослеживается практически во всех отраслях отечественной правовой системы. В уголовном праве она проявляется в неуклонном расширении круга объектов уголовно-правовой защиты. В последние десятилетия особенно актуальной в этом отношении становится проблема защиты уголовно-правовыми средствами общественных отношений, связанных с безопасным функционированием высокорисковых объектов.

К числу последних относятся многочисленные объекты промышленности, транспорта, энергетики, жизнеобеспечения и т.п., характеризующиеся имманентно присущими им свойствами потенциальной опасности и высокой степени уязвимости. Данные объекты представляют собой своеобразные «критические точки» инфраструктуры современного общества, несанкционированное воздействие на которые приводит к тяжелым последствиям. В частности, именно это обстоятельство делает их привлекательной целью диверсионно-террористических актов [см.: 5; 9].

Специфика этих объектов как целей преступных посягательств выражается в том, что даже простая угроза совершения террористической акции вызывает шок у людей, нарушает нормальный ритм деятельности предприятий и учреждений. Яркий тому пример – события в Лондонском аэропорту Хитроу, одном из главных транспортных узлов планеты, в августе 2006 г., когда из-за угрозы совершения серии терактов на продолжи-

тельное время было нарушено воздушное сообщение между Европой и Америкой. По оценкам обозревателей, «вместе с этим хаосом пришли перемены, которые останутся надолго. Несмотря на то, что теракт был предотвращен, мир стал еще менее безопасным, а жизнь – менее комфортной. А принципы прав человека – менее твердыми. Запреты на контроль государства за частной жизнью граждан, напротив, ослабели» [7; с. 27]. Нет необходимости говорить о тех последствиях, которые имела авария на атомной электростанции в провинции Фукусима в Японии в марте 2011 года.

Круг подобных объектов постоянно расширяется, и это неизбежный процесс вызванный прогрессом человеческой цивилизации. Само по себе формирование и развитие техносреды с включением в нее высокорисковых объектов как неотъемлемой составляющей порождают особые отношения, связанные функционированием и обеспечением безопасности последних.

Разумеется, в охране рассматриваемых отношений важное место принадлежит уголовно-правовым нормам. Дело в том, что нарушение режима функционирования высокорисковых объектов в результате противоправных действий (актов незаконного вмешательства), либо природных катаклизмов затрагивает основные блоки системы многообразных общественных отношений, составляющих объекты уголовно-правовой охраны, или, что то же самое, поставленных под защиту норм отечественного уголовного законодательства. В качестве таких объектов в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [2] закреплены: а) права и свободы человека и гражданина; б) собственность; в) общественный порядок; г) общественная безопасность; д) окружающая среда; е) конституционный строй Российской Федерации.

Развитие современных технологий и появление в связи с этим новых угроз напрямую отражается в уголовном законе в

двух формах: включение новых составов преступлений в Особенную часть УК РФ и усложнение («технологизация») дефиниций статей уголовного закона.

Говоря о высокорисковых объектах в контексте уголовного права, следует обратить внимание на соотношение данного понятия с иным выражением, получившим юридическое закрепление и широко используемое в настоящее время – «источник повышенной опасности», закрепленное в ч. 1 ст. 1079 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. По смыслу данной статьи, источниками повышенной опасности являются различные предметы, вещества, виды энергии и деятельность, использование и осуществление которых связано с повышенной опасностью для окружающих.

Выражение «источник повышенной опасности» содержит в себе очевидную неопределенность ввиду относительности термина «повышенная». Возникают закономерные вопросы: в чем эта «повышенность» выражается и какова ее мера, можно ли придать ей конкретное выражение, очертить ее содержание каким-либо образом? По существу в рассматриваемую категорию включаются объекты, отличающиеся одним свойством – способностью нести опасность (потенциальную, либо реальную). Но при таком подходе круг источников повышенной опасности становится практически безграничным.

В связи с этим в теории уголовного права предпринимаются попытки конкретизировать это понятие. Так, И.И. Бикеев применительно к потребностям нормотворчества в сфере уголовного права и практике его применения аргументирует введение в научный оборот дефиниции «материальные объекты повышенной опасности» [4; с. 42], которые, по мнению автора, обладают двумя признаками:

1. объективная форма;
2. наличие свойства повышенной опасности причинения вреда внешним по отношению к ним материальным

объектам [4; с. 47-48]. При этом автор дает подробную их классификацию по различным основаниям.

Высокорисковые объекты как часть спектра материальных объектов повышенной опасности обладают дополнительным третьим свойством (признаком) – потенциальной уязвимостью при совершении актов несанкционированного (незаконного) вмешательства. Это позволяет определить их как имеющие материальную форму предметы, обладающие свойствами потенциальной опасности и уязвимости. (В связи с этим, например, наркотические вещества будут являться источником повышенной опасности, но не могут рассматриваться как высокорисковый объект, в то же время судно водного транспорта будет выступать одновременно в двух этих качествах). Таким образом, высокорисковые объекты – относительно самостоятельная группа материальных объектов повышенной опасности.

Анализ содержания статей Уголовного Кодекса Российской Федерации и динамики их изменений в последние годы убедительно свидетельствует о том, что законодатель предусматривает в них все больше норм, направленных на охрану правоотношений в сфере безопасного функционирования высокорисковых объектов. Речь, в частности, идет об установлении ответственности за действия, посягающие на различные по своему характеру правоотношения, при совершении которых высокорисковые объекты выступают в качестве предмета преступления. Подобные составы содержатся в статьях различных глав действующего УК РФ:

глава 24 – преступления против общественной безопасности; экологические преступления (ст. 205 – террористический акт; ст. 211 – угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; ст. 215 – нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики; ст. 215.2 – приведение в негодность объектов жизнеобеспечения; ст. 215.3 – приведение в негодность нефтепроводов,

нефтепродуктопроводов и газопроводов; ст. 220 – незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами; ст. 221 – хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ);

глава 26 – экологические преступления (ст. 247 – нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов; ст. 248 – нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами либо токсинами);

глава 27 – преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (практически все статьи данной главы устанавливают ответственность за посягательства на отношения, элементами которых выступают высокорисковые объекты – в данном случае объекты транспорта и транспортной инфраструктуры);

глава 28 – преступления в сфере компьютерной информации;

глава 29 – преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 281 – диверсия);

глава 33 – преступления против военной службы (ст. 349 – нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих; ст. 351 – нарушение правил полетов или подготовки к ним; ст. 359 – нарушение правил кораблевождения). В этом ряду можно назвать и иные статьи.

Очевидно, по объектам преступного посягательства указанные преступления весьма неоднородны, объединяет их включение в структуру их составов в качестве элемента объекта и объективной стороны разнообразных высокорисковых объектов. При этом последние могут выступать в качестве предмета, орудия либо средства преступления. Так, судно воздушного транспорта может быть использовано как орудие преступления при совершении террористического акта (ст. 205 УК), являться предметом преступления (ст. 211 УК РФ), либо выступать сред-

ством совершения преступления (например, при транспортировке наркотиков). В некоторых составах высокорисковые объекты являются конструктивными элементами. Таким образом, можно обоснованно говорить об особой группе статей УК РФ, прямо или косвенно направленных на защиту отношений в сфере обеспечения безопасности высокорисковых объектов.

Некоторые из упомянутых выше норм представляют собой законодательные новеллы, поскольку их принятие обусловлено появлением принципиально новых угроз охраняемым уголовным законом общественным отношениям. В частности, об этом свидетельствует такая новелла как особо квалифицированный состав, сформулированный в пункте а) ч. 3 ст. 205 (террористический акт). Данное преступление отнесено к категории особо тяжких преступлений и наказывается на срок от пятнадцати до двадцати лет или пожизненным лишением свободы.

Введение новых норм означает признание законодателем реальности такой тенденции в эволюции терроризма как его «технологизация», выражающаяся в использовании средств массового поражения. Эта угроза проявила себя в последние десятилетия, и именно это обстоятельство позволяет говорить о так называемом технологическом терроризме как очевидном явлении. Его разновидностями выступают ядерный, воздушный, биологический и др. виды терроризма [см.: 3; 5; 6; 8; 9].

Само понятие «технологический терроризм» в УК РФ не закреплено. Однако юридическое закрепление понятие оно нашло в Договоре о сотрудничестве государств – участников Содружества независимых государств в борьбе с терроризмом, подписанном в Минске 4 июня 1999 г. Несмотря на излишнюю казуальность, определение технологического терроризма в данном нормативном документе является единственным, получившим правовое оформление[8].

Таким образом, мы можем констатировать следующие тенденции в эволюции уголовного законодательства в контексте рассматриваемой проблемы:

1. Расширение спектра высокорисковых объектов приводит к существенной трансформации уголовного законодательства. Высокотехнологичные объекты все в большей мере «проявляют себя» в качестве элементов составов преступлений, предусмотренных особенной частью УК РФ. Выявление особенностей (свойств) данных объектов имеет большое значение с точки зрения квалификации преступлений.
2. Увеличение количества криминализируемых деяний, посягающих на отношения в сфере безопасности высокорисковых объектов, и неизбежное расширение вследствие этого объектов уголовно-правовой защиты ведет к усложнению уголовного закона, в частности, к чрезмерной казуальности дефиниций некоторых статей. Это проявляется также в увеличении количества бланкетных диспозиций в уголовно-правовых нормах.
3. Ужесточение санкций за совершение преступлений, посягающих на отношения в сфере безопасности высокорисковых объектов, принимая во внимание размеры вреда и его неизбежность в результате подобных противоправных деяний.
4. Очевидным представляется «наполнение» ряда уголовно-правовых норм техническим содержанием вследствие меняющихся под влиянием внедрения новых технологий общественных отношений.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (с последними изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система Консультант Плюс.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации (с последними изменениями и дополнениями) // Справочно-правовая система Консультант Плюс.
3. Аллисон Грэм Т. Ядерный терроризм: Самая страшная, но предотвратимая катастрофа. М., 2007.
4. Бикеев И.И. Материальные объекты повышенной опасности в российском уголовном праве: общие и специальные вопросы. Казань, 2007.
5. Высокотехнологичный терроризм. Материалы российско-американского семинара. (Москва, 4-6 июня 2001 г.). М., 2002.
6. Губарев О. Тайны воздушного терроризма. М., 2002.
7. Русский Newsweek, 14-20 августа 2006, № 31 (109).
8. Требин М.П. Терроризм в XXI веке. М., 2003.
9. Хоффман Брюс. Терроризм – взгляд изнутри, М., 2003.

ПОНЯТИЕ, ФУНКЦИИ И ВИДЫ ДОГОВОРОВ, ПРИМЕНЯЕМЫХ В ТОРГОВОЙ СФЕРЕ

Овечкин А.П.

Доктор философских наук, профессор, (г. Москва)

Одной из важнейших сфер современной российской экономики является сфера торговли. Она решает многочисленные экономические задачи по обеспечению связей между регионами, регулированию предложения и спроса, ценообразованию, развитию конкурентных отношений и т.д. Через торговлю реализуется такая важнейшая социальная функция как удовлетворение нужд и потребностей потребителей.

Переход от распределительной системы производимых товаров, присущий социалистической экономике, к договорно-сбытовым отношениям в условиях рыночной экономики, естественным образом изменил роль и значение самого договора в торговой сфере. Ему придан всеобщий характер. Вся современная система торговых отношений построена на договорной основе.

Учитывая тот факт, что сами по себе торговые отношения характеризуются большим разнообразием, то и их регулирование осуществляется достаточно большим видовым разнообразием договоров. Торговая деятельность не ограничивается исключительно рамками купли-продажи. Она является собой целый комплекс фактических и юридических действий, совершаемых субъектами торговых отношений в процессе движения товара до своего конечного потребителя.

В первую очередь следует определиться с тем, что подразумевается под договорами в торговой сфере. Это достаточно большая группа договоров, которые используются в продвижении товара от производителя до потребителя. Поэтому не следует путать понятия торговый договор и договоры, применяемые в сфере торговли. Последнее понятие значительно шире первого. Обычно под торговыми договорами понимаются договоры покупки товаров с целью их продажи. В эту группу включаются договоры купли-продажи, поставки, мены и др.¹ Но для того, чтобы товар, в конечном счете, дошел до потребителя, может потребоваться заключение немалого числа иных договоров: перевозки, хранения, комиссии, рекламы и др. Несмотря на то, что все эти договоры являются разнотиповыми и разновидными, все они участвуют в торговом обороте, и, поэтому, могут быть объединены в единую группу договоров, используемых в торговой сфере.

Договоры, используемые в торговой сфере, отнесены к гражданско-правовым договорам. Это означает, что, во-первых, данная группа договоров основывается на соглашении двух или нескольких лиц. Необходимость достижения соглашения между сторонами разграничивает понятия договора и сделки. Сделка-

¹ См.: Пугинский Б.И. Коммерческое право. – М.:Зерцало.- 2005

ми признаются действия граждан и юридических лиц. В отличие от соглашения, действие может совершаться и одним лицом и выражать его волю (завещание, доверенность). Кроме того, действия нескольких лиц могут и не привести к соглашению, тогда договор не будет заключен. Поэтому гражданско-правовыми договорами могут быть только двух и многосторонние сделки при условии, что стороны в результате своих действий достигли соглашения.

Во-вторых, для договоров в торговой сфере характерно и то, что они, как и любые другие гражданско-правовые договора, направлены на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (п.1 ст. 420).

Однако не любые гражданско-правовые договора могут быть включены в группу договоров, применяемых в торговой сфере. Среди гражданско-правовых договоров есть такие, которые никогда не применяются в торговой сфере. Это, например, договор дарения, договор перевозки пассажира, договор об оказании медицинских услуг и т.д. Есть гражданско-правовые договора, которые могут применяться в торговой сфере только при определенных условиях. Это, например, договор поручения. Он может использоваться не только в торговой сфере, но и регулировать отношения в других областях общественной жизни. То же самое можно сказать и о договоре перевозке груза. Если в качестве груза выступает товар, то он может быть отнесен к числу договоров, используемых в торговом обороте. Если же грузом являются личные вещи физического лица, то такой договор перевозки груза нельзя отнести к данной группе договоров. Можно выделить гражданско-правовые договора, которые, что называется, являются чисто торговыми, и всегда входят в группу договоров, применяемых в торговом обороте. Это договоры оптовой купли-продажи, по-

ставки, поставки для государственных нужд, контрактации, хранения на товарном складе и др..

В то же время, все договоры, в торговой сфере являются не просто гражданско-правовыми, но еще и предпринимательскими договорами. Поэтому для них присущи все признаки предпринимательских договоров. В этих договорах хотя бы один из субъектов, является лицом, осуществляющим предпринимательскую деятельность. Целью этих договоров является, в конечном счете, получение прибыли. Все они являются договорами с предпринимательскими рисками. Но опять же, не любые предпринимательские договора могут быть отнесены к договорам, применяемым в торговом обороте. К примеру, предпринимательскими могут быть договора строительного подряда или на выполнение научно-исследовательских работ, но их нельзя назвать договорами, применяемыми в торговой сфере.

Возникает вопрос: что же выделяет договора, применяемые в торговой сфере, среди других гражданско-правовых и предпринимательских договоров. Прежде всего, данная группа договоров, может быть выделена в функциональном плане. Договоры, применяемые в торговой сфере, выполняют следующие функции:

1. Выполнение участниками торговых отношений действий, направленных на продвижение товара от производителя до конечного потребителя. В торговой сделке все договора – поставки, перевозки, хранения на товарном складе и др.,. составляют целый взаимосвязанный договорной комплекс, участники которого, объединены единой целью - доставить товар конечному потребителю.
2. Обеспечение правовой регламентации действий участников торгового оборота. Посредством договорных

условий, определяющих права и обязанности сторон, устанавливаются как сами действия (бездействие) всех участников торговых отношений, так и порядок их осуществления. Тем самым, договоры в торговой сфере, юридически закрепляют и устанавливают правовой алгоритм, обеспечивающий взаимосвязанные действия лиц, участвующих в торговом обороте.

3. Обеспечение организованности и упорядоченности торговой деятельности. Через права и обязанности субъектов торговых отношений, фиксируемых в договорах, применяемых в торговой сфере, определяется вся система организации продвижения товара от производителя к конечному потребителю. Разумеется, все стороны, участвующие в товарообороте, заинтересованы в том, чтобы договорные условия обеспечивали для каждого из них наиболее оптимальный уровень организованности, ибо от этого может зависеть и размер прибыли. Поэтому договорами определяются наиболее оптимальные режимы доставки товара, устанавливаются сроки поставки, перевозки, оплаты и т.д.
4. Обеспечение согласованности и взаимосвязи всех участников договорных отношений. Продвижение товара на рынке часто требует объединения усилий различных организаций, поэтому и договорная схема, права и обязанности сторон, должны быть самым тщательным образом согласованы, обеспечивать взаимосвязь всех участников торгового оборота. Например, для того, чтобы поставить товар к установленному сроку может потребоваться согласовывать действия не только между контрагентами по договору поставки, но и с транспорт-

ными организациями, организациями, осуществляющими погрузку и выгрузку, сопровождение груза и т.д.

Таким образом, договоры, применяемые в торговой сфере, реализуют на товарном рынке свои специфические функции, связанные с продвижением товара.

Наряду с функциональными особенностями можно выделить и специальные отличительные признаки договоров, применяемых в торговой сфере.

Во-первых, это договоры связанные и применяемые исключительно в сфере торгового оборота. Поэтому предметом таких договоров выступают только те действия, которые так или иначе связаны с продвижением товара на рынке.

Во-вторых, выше уже отмечалось, что соглашение между сторонами гражданско-правового договора должно быть направлено на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В договорах, применяемых в торговой сфере, речь идет об установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в отношении конкретного объекта, а, именно, товара. Причем подразумевается не любой товар, а только тот, который обращается в торговом обороте.

В-третьих, субъектами договоров, применяемых в торговой сфере, выступают хотя бы с одной стороны предприниматели. Однако речь идет не о любых предпринимателях, а только о тех из них, чья предпринимательская деятельность связана с товарообменными операциями. Ими могут быть продавцы товара, торговые агенты, рекламодатели, рекламораспространители, маркетинговые организации, торговые брокеры и т.д.

В-четвертых, отличительной чертой договоров, используемых в товарном обороте, как предпринимательских договоров является их главная цель, а именно, получение прибыли.

Именно её получение становится основным побудительным мотивом для заключения такого рода сделок.

В-пятых, споры, возникающие между субъектами торговой деятельности, являются, как правило, экономическими, и поэтому в большинстве случаев разрешаются арбитражным судом в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ.

Таким образом, для договоров, применяемых в торговой сфере, характерно то, что они являются особой группой соглашений между предпринимателями или с их участием, по поводу продвижения оптового товара от производителя к конечному потребителю.

В научной литературе имеются различные подходы к классификации договоров, применяемых в торговом обороте. В данной работе выделим функциональную классификацию указанных договоров, которая определяет порядок продвижения товара на рынке. В рамках этой классификации выделяются следующие виды договоров, применяемых в торговой сфере: реализационные, посреднические, товародвижения, информационно-коммуникационные.

Основу торговой деятельности составляют реализационные договоры. Понятие реализации товаров раскрывается в ст. 39 НК РФ. Под ней понимается передача на возмездной основе права собственности на товары, в том числе обмен товарами. Поэтому реализационные договоры – это договоры, в которых предусматривается возмездная передача права собственности на оптовые товары от одних организаций и индивидуальных предпринимателей к другим. К их числу относят договоры поставки, поставки для государственных нужд, контрактации, мены. Реализационные договора, собственно говоря, и являются торговыми договорами, ибо суть торговой деятельности и со-

стоит в возмездной передаче права собственности на товар от одних лиц к другим.

Важная роль в торговой сфере отводится торговым посредническим договорам. Дело в том, что рынок устроен таким образом, что подавляющее большинство товаров передается не непосредственно от производителя к потребителю, а через различные посреднические организации, например, товарные биржи. Посредническими договорами являются договора по оказанию возмездных услуг организациями и индивидуальными предпринимателями третьим лицам по приобретению (продаже) товаров на рынке.

Значительное место в торговой сфере отводится договорам товародвижения. Под товародвижением понимается физическое перемещение товара из одного пункта в другой, а также его хранение. Без этого фактически невозможно доставить товар к потребителю. Такими договорами являются договоры по перевозке грузов и хранению товара на товарном складе. Причем нередко товар может перевозиться не одним, а несколькими видами транспорта.

Наконец, особую группу договоров, применяемых в торговой сфере, составляют информационно-коммуникационные договоры. Это договоры, с помощью которых обеспечиваются связи продавца с рынком. Причем эти связи носят не односторонний, а двухсторонний характер. С одной стороны, продавцу в условиях конкурентного рынка необходимо позиционировать свой товар, т.е. иметь информацию о конъюнктуре рынка, предложение и спросе на товар, его ценовых параметрах и т.д.. Для этих целей торговцы используют маркетинговые исследования рынка. Как правило, их проводят специализированные фирмы, с которыми заключается договор на проведение маркетинговых исследований. С другой стороны, для успешного и стабильного

существования на рынке, эффективного продвижения на нем товара, продавец должен давать информацию о самом себе, о реализуемых им товарах. Данным видом деятельности занимаются, прежде всего, рекламные агентства. Поэтому во многих случаях продавцу приходится заключать с ними рекламные договоры.

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИ НЕУПЛАТЕ НАЛОГОВ

Попов К.И.

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Московского государственного университета путей сообщения (г. Москва)

Крайняя необходимость является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния. В соответствии со ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1, ст. 39] не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, т.е. для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

Превышением же пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности и обстоятельствам, при которых опасность устранялась, когда указанным интересам был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную от-

ветственность только в случаях умышленного причинения вреда.

Иными словами, состояние крайней необходимости может возникнуть при столкновении, как минимум, двух обязанностей. Если неисполнение и той, и другой обязанности причиняет вред и если исполнение одной обязанности влечет неисполнение другой, то исполнена должна быть обязанность, несущая меньше вреда.

Ситуации крайней необходимости рассматриваются, как правило, в связи с форс-мажорными обстоятельствами в результате действия непреодолимой силы, катастрофами, пожарами, наводнениями и т.п.

Вместе с тем в настоящее время институт крайней необходимости вполне может быть применим и в финансово-экономической сфере. Представляется, как это не парадоксально на первый взгляд, что могут встречаться ситуации, когда лицо идет на заведомые нарушения законодательства о налогах и сборах, формально как бы совершает преступление, например, не платит налог, хотя имеет соответствующую возможность, и, тем не менее, его действия могут быть расценены как непроступные.

П.С. Яни приводит в этой связи следующий пример из правоприменительной практики. Так, руководитель градообразующего ОАО «Борский лесобработывающий комбинат» Роцин, представив в налоговые органы правильно исчисленную отчетную документацию, выплатил заработную плату своим рабочим, что повлекло неуплату налога. Однако прокурор уголовное дело в отношении Роцина возбуждать не стал, признав, что правонарушение совершено в условиях крайней необходимости.

В рассматриваемом случае прокурор посчитал, что хотя долги перед бюджетом являются первоочередными по сравнению с долгами по зарплате, тем не менее, неуплата налога причинила меньший вред, чем повлекла бы невыплата заработной платы из имеющихся у организации средств [2, с. 26].

Установить более или менее определенные критерии для всех случаев, когда неуплата налогов происходит в ситуации крайней необходимости, нельзя, поскольку многие категории института обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, имеют оценочный характер.

И все же можно руководствоваться следующими критериями: если речь идет о неуплате налога в связи с тем, что имеющиеся средства расходуются на приобретение предметов роскоши, дорогих автомашин и т.п., говорить о крайней необходимости, конечно, не приходится. Однако, учитывая социально-экономическую обстановку в том или ином регионе, а также некоторые иные обстоятельства, имеются определенные основания применять ст. 39 УК РФ в ситуациях, когда организация, обязанная уплатить налоги, не продает для этого имущество, чтобы сохранить рабочие места, отдать долги по зарплате и совершить другие подобные общественно полезные действия.

Однако институт крайней необходимости в ситуациях с банкротством, в частности, следует применять крайне осторожно, потому что, например, если в результате неуплаты налогов и (или) сборов сохраняется возможность продолжения производственной деятельности, частный интерес в этом случае преобладает над публичным и организация не становится банкротом. Возникает вопрос: можно ли рассматривать банкротство как вред, который было необходимо предотвратить? Конечно, нет, если банкротство не влечет тяжелых социальных последствий.

Банкротство организации по определению не может расцениваться как вред, поскольку его наступление предусмотрено российским законодательством для удовлетворения интересов кредиторов и (или) восстановления нормального финансового положения организации.

Статья 39 УК РФ предусматривает именно крайность принимаемых мер. От совершившего вредоносное деяние требуется, чтобы опасность не могла быть устранена иными средствами, то есть другого способа полностью уплатить налоги не было.

Правильное применение института крайней необходимости при квалификации налоговых преступлений позволит, с одной стороны, защитить права и законные интересы предпринимателей, с другой стороны, реализовать принцип справедливости при назначении наказания.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Яни П.С. Крайняя необходимость // Законодательство. 1999. № 12.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРИРОВАННОГО ФУНДАМЕНТА СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Расторопов С.В.

Доктор юридических наук, профессор, (г. Москва)

Раскрытие и расследование экономических преступлений в условиях коренного социально-экономического реформирования страны и преодоления последствий глобального финансового и экономического кризиса осложняется не только из-за не-

совершенства действующего законодательства. Многие ученые и специалисты, отмечая возрастающее значение судебно-экономической экспертизы, как одного из институтов процессуального права, высказываются о необходимости значительного укрепления ее научных основ и совершенствования правоприменительной практики. Это связано с различными причинами объективного и субъективного характера, многие из которых раскрываются ниже. Отметим лишь такие виды рыночной деятельности экономических субъектов, которые по своей сути связаны с вероятностными моделями их поведения, при анализе которых и правоприменители, и судебные эксперты сталкиваются с наибольшими сложностями.

Известна, например, точка зрения о недопустимости вероятностного заключения судебного эксперта. По мнению ее сторонников, эксперт должен отказаться от дачи заключения, если полученные данные не позволяют сделать категорический вывод. Основным их аргумент является в том, что суд может и обязан выносить приговор на основе достоверных фактов, без чего невозможно установление истины по делу. Часто такая аргументация позволяет им подвергнуть сомнению доказательства такого рода, которые по самой природе рыночных отношений экономических субъектов не могут носить характер императивных норм, но обладают неоспоримой достоверностью.

Нами разделяется иная позиция, согласно которой эксперт в определенных случаях имеет право представить заключение в вероятностной форме и оно может использоваться в процессе доказывания по делу. Она основана на том, что при решении вопроса о допустимости подобных заключений не следует смешивать такие понятия, как «истинность» и «достоверность» выводов эксперта, так как в этом случае абсолютная истина

противопоставляется не относительной истине, а вероятности. Следует учитывать и то, что следователь и суд проверяют и оценивают заключение эксперта в общем ансамбле доказательств и реализуют свое право признать или отвергнуть его как доказательство.

Судебно-экономическая экспертиза в ее «традиционном» понимании применительно к таким видам рыночной деятельности, для которых характерны неопределенности объективного и субъективного характера, имеет ряд принципиальных особенностей. Это ставит в повестку дня вопросы актуализации содержания не только ряда «традиционных» родов судебно-экономической экспертизы, но и всего данного класса. В этом обновленном классе могли бы найти также свое естественное место и возрождаемая на новых принципах планово-экономическая экспертиза, учитывающая объективные неопределенности бизнес-планирования, кредитно-финансовая и иные роды и виды экспертизы, связанные с анализом правовых последствий не вполне строго определенного поведения экономических субъектов в условиях реального российского рынка.

Прежде всего, это относится к судебно-оценочной экспертизе, которая по своему значению и основным признакам со временем может быть развита не только до уровня нового рода судебно-экономической экспертизы, но и нового класса судебной экспертизы. Предмет этой экспертизы определяется не только особенностями объекта и метода, но и ее задачами, в числе которых установление достоверности определенной оценщиком «рыночной стоимости» объектов. При этом приходится учитывать, что ст. 3 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ применительно к рыночной стоимости объектов оценки

законодатель ввел понятие «наиболее вероятная цена». Более того, за ее неправильное определение редакцией данного закона от 27 июля 2006 г. № 157-ФЗ установлена личная имущественная ответственность специалиста-оценщика и коллективная ответственность его саморегулируемой организации (СРО).

Снятие указанных неопределенностей в процессе раскрытия и расследования ряда экономических преступлений требует разработки и применения специальных научно обоснованных методов. Многие из них связаны и с проведением экспертных исследований в рамках традиционных и новых родов и видов судебно-экономической экспертизы. Естественно, что для решения столь сложных экспертных задач требуется дальнейшее развитие научного фундамента судебно-экономической экспертизы.

Большинство ученых считают, что судебная экспертиза как наука сформировалась в процессе интегрирования знаний, накопленных в сфере соответствующих естественных, технических и гуманитарных наук. Применительно к судебно-экономической экспертизе в первую очередь необходимо формализовать важнейшие принципы права и экономики, соответствующих юридических и экономических наук. Это становится возможным на основе применения законов математики, универсальных как для юридических, так и для экономических наук. Такой подход открывает возможности и для широкого применения в судебно-экономической экспертизе современных информационных технологий. Особенности структуры научного фундамента судебно-экономической экспертизы проиллюстрированы на рис. 2.

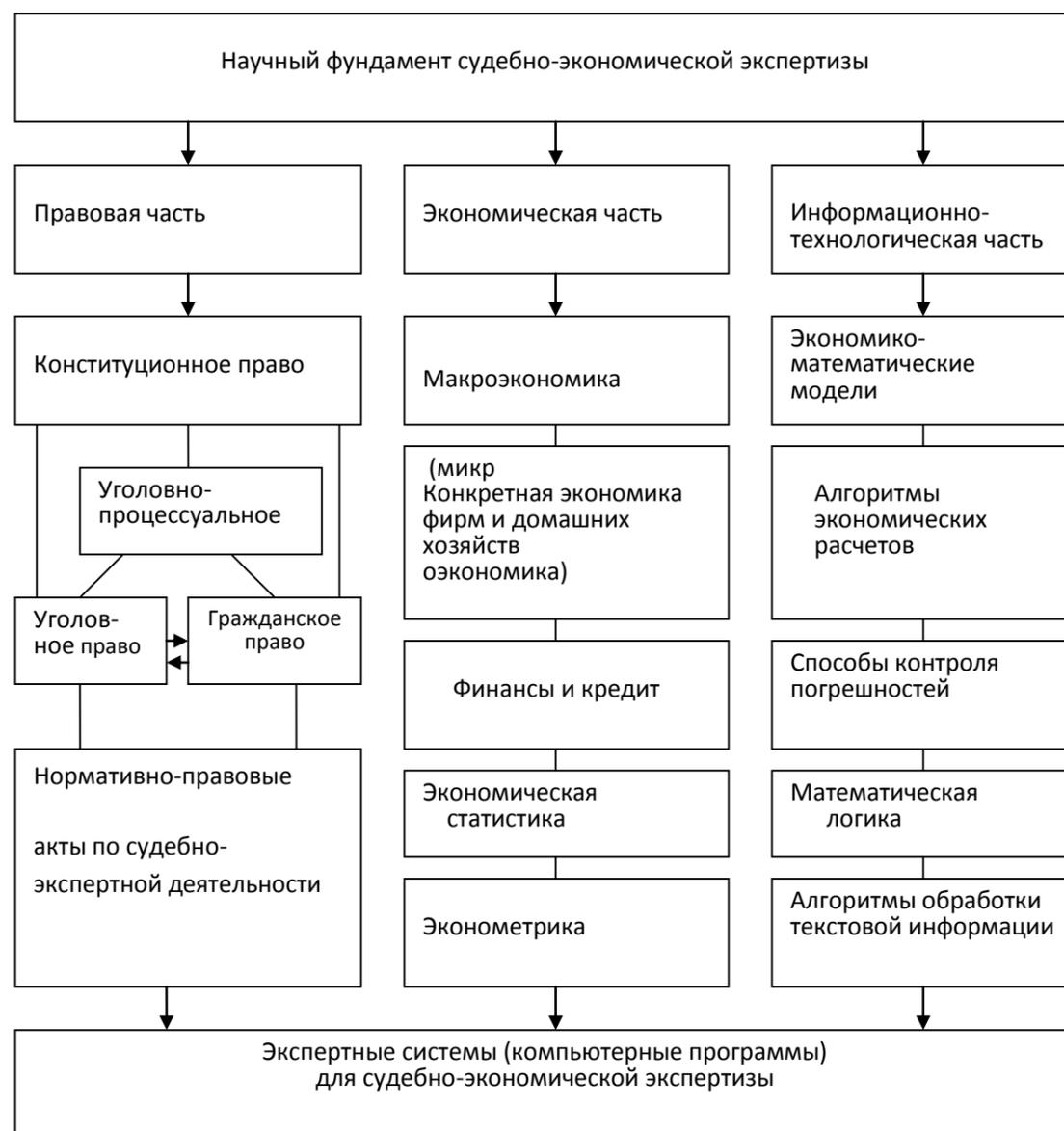

Рис. 2. Примерная структура научного фундамента судебно-экономической экспертизы

Практика судебно-экономической экспертизы связана с различного рода исследованиями комплекта документации, имеющейся в материалах уголовного дела, в которой отражены действия экономических субъектов, предусмотренные действующим законодательством, нарушения различного рода и их последствия. Многие исследования и разработки в этом классе судебных экспертиз опираются на выводы Р.С.Белкина о том,

что объектами судебной экспертизы могут быть не только материальные объекты, но и процессы, а также носители различного рода информации которые используются в ходе производства судебных экспертиз. При этом единого определения родового и конкретного объектов судебно-экономической экспертизы в уголовном, гражданском и арбитражном судопроизводстве пока еще нет.

Развивая положение об объектах новых родов судебно-экономической экспертизы, как сложном комплексе определенных материальных объектов и процессов, а также источников информации, имеющей необходимый правовой статус, можно выделить несколько видов таких процессов. Они в наибольшей степени влияют на результат экспертных исследований, а также позволяют найти и раскрыть основные источники неопределенностей объективного и субъективного характера.

Очевидно, что способы формализации описания надлежащей деятельности экономических субъектов для целей судебной экспертизы должны учитывать необходимость обеспечения правового статуса и процессуального значения выводов судебного эксперта. То есть, в основу способов формализации естественно положить систему юридических фактов, отражающих суть правоотношений экономических субъектов различного уровня.

В системе рыночных отношений к ним можно отнести такие юридические факты, которые характеризуют права и обязанности в таких парах, как «продавец-покупатель», «заказчик-исполнитель», «заемщик-кредитор», «арендодатель-арендатор» и т.п. Их общие характеристики можно описать на основе системы обязательств и прав требования, предусмотренных Гражданским кодексом РФ, а также иными законами и подзаконными актами гражданского и специального законодательства.

Для систематизации парных отношений экономических субъектов в рыночных условиях можно использовать различные способы и классифицирующие признаки. В первом варианте классификации можно предложить использование системы качественных и количественных характеристик процесса процессов подготовки и исполнения соответствующих разрешенных и запрещенных сделок, а также сделок, совершаемых под определенными условиями. Затем можно постепенно перейти к выделению логических связей элементарных процессов, образующих определенную систему их «коротких» и «длинных» цепочек.

При проведении анализа экономических последствий правоотношений субъектов различного уровня вполне естественно использовать правила построения соответствующих норм императивного и диспозитивного характера. Кроме дедуктивной логики, характерной для правоприменительной практики, для формализации процедур такого анализа возможно использование и более сложных алгоритмов обработки статусной информации, в том числе, на основе «нечеткой» логики. Сортировка ценообразующих факторов проводится с использованием традиционного построения правовых норм: диспозиция, гипотеза, санкция. Во многих случаях приходится учитывать бланкетный характер построения нормы и ее сложную логику.

Как уже отмечалось выше, хотя многие виды деятельности рыночных субъектов характеризуются рядом правовых и экономических неопределенностей различной природы, при выделении важнейших элементарных процессов и их типичных последовательностей и логических связей можно свести итоговые результаты экономических расчетов в некоторые контролируемые интервалы. В свою очередь, принятие специальных мер, включая современные математические операции с «размытыми» или «нечеткими» множествами ценообразующих факторов, позволяет максимально сузить эти интервалы.

При этом необходимо контролировать соответствующие процедуры таким образом, чтобы не допустить «искусственного» уменьшения интервалов неопределенностей. Надлежащее определение предельного размера интервалов позволит установить основные причины выявленных неопределенностей и отделить соответствующие группы объективных факторов от субъективных.

Что же касается объективных факторов, определяющих величину интервалов выявленных неопределенностей, то во многих случаях они свидетельствуют о пробелах и нестыковках действующего специального законодательства, ведомственной и местной нормативной базы. Их выявление и систематизация по результатам работы судебных экспертов позволит уточнить ряд соответствующих направлений законотворческой работы.

Объединение принципов юридических и экономических наук для организации исследований в рамках различных судебно-экономических экспертиз различных родов и видов позволило разработать систему оригинальных классификаторов, часть из которых описана в главе 8. Использование двумерных, трехмерных и многомерных матриц позволяет не смешивать свойства объектов экспертизы принципиально разного характера, а «выстраивать» соответствующие «тематические» группы параметров по различным измерениям матриц. При этом итоговые характеристики объектов экспертизы определяется по «узлам пересечения» их параметров различного типа в соответствующих матрицах.

В качестве простейшего примера можно привести двумерную матрицу, характеризующую возможность совершения рыночных сделок соответствующими субъектами в зависимости от вида прав на объекты недвижимого имущества. В строках такой матрицы могут быть представлены виды вещных и обязательственных прав на такие объекты, предусмотренные российским законодательством: права собственности, иные вещные права

и обязательственные права. В столбцах матрицы могут быть представлены виды сделок, предусмотренные Гражданским кодексом РФ. Пересечение соответствующих характеристик отражает возможность либо невозможность совершения определенных сделок для объектов недвижимого имущества с конкретным видом прав, а также необходимость выполнения некоторых условий, без которых совершение сделки невозможно.

Для еще большей конкретизации соответствующего анализа в системе вещных прав можно выделить право государственной собственности (федеральной и «субфедеральной»), муниципальной собственности, частной собственности, общей (долевой) и иных видов собственности. Среди иных вещных прав выделяются такие, как оперативное управление, хозяйственное ведение, постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение, сервитут (публичный и частный). То есть, общее количество различных видов и разновидностей вещных и иных вещных прав на объекты недвижимого имущества требует использования 12 строк матрицы-классификатора. Общее количество различного рода двусторонних и односторонних сделок с отчуждением или без отчуждения объекта недвижимого имущества, предусмотренных действующим законодательством, достигает 20 и требует использования соответствующего количества столбцов данной матрицы-классификатора.

Простой подсчет показывает, что общее число узлов на пересечении соответствующих строк и столбцов данной матрицы составляет 240. Однако, это существенно завышенная оценка, поскольку действующее законодательство предусматривает ряд ограничительных условий и прямых запретов. К примеру, исключены из рыночного оборота объекты, находящиеся на таких «иных вещных правах», как оперативное управление, хозяйственное ведение, постоянное (бессрочное) пользование, пожизненное наследуемое владение. Кроме того, для объектов,

находящихся в государственной или в муниципальной собственности запрещены такие односторонние сделки, как дарение, наследование, а также ряд двусторонних сделок. Ряд сделок для таких правовых титулов требует выполнения определенных условий.

Соответствующая разметка различных узлов данной матрицы позволяет выделить среди них несколько групп разрешенных, запрещенных и условных сделок для конкретных видов прав на объекты недвижимого имущества. Это позволяет на более конкретном уровне проводить качественный анализ экономических характеристик правоотношений субъектов различного уровня, связанных с совершением соответствующих сделок с объектами недвижимого имущества. По результатам такого анализа можно достаточно просто сформировать логически обусловленную цепочку формализованных действий экономических субъектов с четко выверенными юридическими фактами и составами. После этого количественный анализ экономических последствий соответствующих правоотношений уже не представляет особых сложностей. Более того, создаются возможности и для раскрытия ряда отмеченных выше неопределенностей на основе соответствующих интервальных оценок.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ ПО УК РФ 1996 г.: АКТУАЛЬНОСТЬ И НОВИЗНА ПРОБЛЕМЫ

Расторопова О.В.

адъюнкт Московского университета МВД России, (г. Москва)

В условиях становления и развития российской государственности и осуществления в стране экономических реформ, одним из главных вопросов социальной политики является проблема борьбы с преступностью, которая, как известно,

охватила все слои и сферы нашего общества. Надежда на то, что с достижением научно-технического прогресса, повышением образовательного уровня людей и улучшением жизненных условий будет постепенно сокращаться преступность, оказались утопичными.

В настоящее время, как справедливо отмечает профессор Российской академии наук Виктор Васильевич Лунеев, в наиболее развитых индустриальных демократических странах, а также России отмечается появление новых видов общественно опасного поведения, среди которых – преступность в сфере кредитования занимает далеко не последнее место.

Так, по данным ГИаЦ МВД России, только в 2009 - 2010 г. было выявлено более 130 тыс. преступлений экономической направленности, совершенных в финансово-кредитной сфере, что составило более четверти (25 процентов) от общего числа зарегистрированных в этот период преступлений экономической направленности.

Распространенность преступлений в сфере кредитования в последние три года стала возможна, как представляется, вследствие продолжающегося в России и мире тяжелого финансово-экономического кризиса, в котором «всеохватывающая криминализация страны усиливает действие его факторов».

Актуальность избранной проблематики в определенной степени обусловлена самим объектом преступного посягательства преступлений в

сфере кредитования.

Преступность в сфере кредитования особенно общественно опасна тем обстоятельством, что совершается субъектами экономической деятельности, расшатывает правовые устои такой деятельности, часто характеризуется организованностью, причинением крупного и особо крупного ущерба, разработкой сложных систем вуалирования криминального характера деятельности и ухода от уголовной ответственности.

К сожалению, практика применения норм об ответственности за преступления в сфере кредитования не позволяет констатировать эффективность уголовно-правовой охраны отношений в кредитно-финансовой системе государства.

При немалой распространенности преступлений, предусмотренных в ч. 1 и 2 ст. 176, а также ст. 176 УК РФ, как неоднократно подчеркивал профессор Борис Викторович Волженкин, практика эта весьма незначительна.

Одной из важных причин ограниченного применения уголовно-правовых норм о преступлениях, предусмотренных ст. 176 и 177 УК РФ, являются многочисленные расхождения в доктринальном толковании признаков составов преступлений в сфере кредитования.

Термины в диспозициях норм о преступлениях в сфере кредитования, явно заимствованные из регулятивных отраслей права (в частности, гражданского права, банковского права, финансового права, бюджетного права) нередко получают собственное уголовно-отраслевое толкование, что недопустимо.

Вот почему только с решением вопроса о соотношении уголовного и регулятивных отраслей права можно связывать адекватную преступлениям в сфере кредитования правоприменительную практику.

Для осуществления поставленной задачи потребуются обстоятельный системный анализ преступлений в сфере кредитования, их конструкций и признаков с учетом неоднократно (более пяти раз за период с 1997 по 2010 гг.) меняющегося уголовного законодательства и противоречивой практики его применения.

В этой связи одним из неперемных условий является установление криминологической специфики рассматриваемых преступлений с учетом современных реалий российской действительности и специфики текущего экономического развития страны.

Действующий уголовный кодекс России в значительной мере готовился на основе метода «умной головы»... с игнорированием социологии уголовного права, криминологических реалий, с другими его пробелами и пороками, что неоднократно отмечали отечественные ученые.

В этой связи выявление пробелов и недочетов, имеющих в УК РФ в части ответственности за преступления в сфере кредитования и выработка предложений по их совершенствованию представляются безотлагательными.

Характеризуя научную новизну заявленной темы исследования, необходимо в первую очередь отметить наше обстоятельное обращение к общей теории состава преступления по российскому уголовному праву и учению об общих и конкретных составах преступлений, в рамках которых нами было сформулировано общее понятие состава преступлений в сфере кредитования.

Преимущество подобного подхода к изучению рассматриваемых преступлений, по нашему мнению, состоит в том, что в результате у соискателя появляется возможность в систематизированном и упорядоченном виде рассмотреть объективные и субъективные признаки, характеризующие преступления в сфере кредитования по действующему уголовному законодательству.

В отличие от ранее проведенных исследований объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны рассматриваемых преступных посягательств, признаки, характеризующие элементы конкретного состава преступления в сфере кредитования сопоставляются автором с аналогичными признаками общего понятия состава кредитного преступления, что теоретически и методологически более обоснованно по сравнению с отдельными разрозненными оценками некоторых специалистов, возникшими в процессе комментирования диспозиций преступлений, предусмотренных ст. 176 и 177 УК РФ.

В числе элементов научной новизны проблемы необходимо отметить сравнительно-правовое исследование подгруппы преступлений в сфере кредитования по УК РФ и УК государств СНГ и Балтии, выполненное на микросравнительном уровне, где посредством формально юридического анализа сходных статей УК автором предпринята попытка поиска новых законодательных решений в части рассматриваемых преступлений.

В этой связи в плане совершенствования действующего уголовного законодательства России предлагаем учесть опыт в построении преступлений в сфере кредитования из 5 УК государств СНГ, а именно:

1. УК Азербайджанской Республики,
2. Республики Беларусь,
3. УК Грузии,
4. УК Республики Казахстан и 5) УК Республики Молдова.

Речь, в частности, идет о:

- решении проблемы отнесения состава злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности к категории «материальных»;
- законодательном выделении деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 176 УК РФ, в самостоятельное преступление;
- возможном включении в главу 22 УК РФ таких неизвестных УК РФ преступлений в сфере кредитования, как «Нецелевое использование кредита, предоставленного международной организацией или программой международного сотрудничества»,

«Умышленное увеличение размера кредита» и других противоправных деяний, отмеченных на страницах автореферата и диссертации.

Одним из главных элементов научной новизны проблемы преступлений в сфере кредитования является трехуровневый подход к определению понятия данных деяний, согласно которому преступления в сфере кредитования понимаются в узком, ши-

роком и самом широком смысле. В этой связи в соответствии с действующим УК РФ подгруппу преступлений в сфере кредитования в узком смысле составляют два вида деяний: 1) незаконное получение кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) и 2) злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177 УК РФ)

Поскольку рассматриваемые преступления не имеют нормативно-правового закрепления в действующем законодательстве, возникает дискуссия относительно понимания сущности данной подгруппы общественно опасных деяний, которая перерастает в разрешение целого ряда специальных вопросов.

В частности, в числе приоритетных, находится проблема отграничение преступлений в сфере кредитования от иных видов преступлений в сфере экономической деятельности, в особенности, от преступлений в сфере банковской деятельности и преступлений, связанных с банкротством

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ В ОТРАСЛЯХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЦИКЛА

Рахимов Р.Х.

Заслуженный юрист Таджикистана, к. ю. н.

Все группы существующих правовых норм, образующие самостоятельные отрасли права, регулируют определенную группу общественных отношений, отличающуюся от иных групп своей качественной характеристикой. Важным моментом является тот факт, что каждая из них в отдельности обладает соответствующей степенью внутренней организованности, согласованности, своей собственной системой. Их уровень должен до-

стигать такого уровня, чтобы позволять этой группе правовых норм выступать в качестве элемента системы права в целом¹.

В свою очередь, для того, чтобы сама система права обладала такой же степенью внутренней организованности, необходимо, чтобы ее элементы (отрасли права) обладали способностью взаимодействовать не только с отдельными группами правовых норм других отраслей, но и с отраслями в целом, обеспечив тем самым согласованность, гармоничность и комплексность всей системы права.

Вместе с тем, законодательная практика Республики Таджикистан показывает, что, по-видимому, вследствие динамичности общественных отношений, подлежащие правовому регулированию, законодатель испытывает определенную сложность в разграничении предметов правового регулирования отдельных отраслей права². А это в свою очередь, приводит к смыванию грани между ними. Естественно, это не в пользу системы права, элементы которой (т.е. отрасли права) вторгаются в сферу предметы правового регулирования друг друга. При этом создается еще более удручающая ситуация, когда правоприменитель игнорирует ту группу правовых норм, которые, по его мнению, являются «второстепенными» по отношению к тем, которыми он непосредственно «привязан» при осуществлении своей деятельности.

При наличии такого уровня профессионального правосознания, усугубляющаяся при этом отсутствием согласованности и системности между различными группами правовых норм, нетрудно заметить, что в конечном итоге страдают интересы лю-

1 Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскное право: иллюзия или реальность. Правоведение. 1994. № 4. С.46.

2 Керимов Д.А. Философские проблемы права. М. 1972. С.295.

дей, их права и свободы, нарушается принцип законности и справедливости.

В связи с этим мы решили остановиться на анализе существующей проблемы, исходящей от законодателя и влияющей на применение группы тех правовых норм, которые в комплексе направлены на реализацию уголовной политики государства, т.е., политику государства в сфере борьбы с преступностью. Как известно, уголовная политика представляет собой целенаправленную деятельность государства, определяющую основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного, оперативно-розыскного законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений¹.

Разумеется, что указанные составные части уголовной политики, находясь «в одной упряжке», являясь звеньями одной цепи, никак не должны и не могут находиться вне гармонии друг с другом. Поэтому при их формировании необходимо, учитывая комплексный характер уголовной политики, обеспечить взаимную согласованность.

Безусловно, в современных условиях организации борьбы с преступностью, в комплексе отраслей антикриминального цикла оперативно-розыскное законодательство занимает одно из ведущих мест. Вместе с тем, следует констатировать следующее: в настоящее время нельзя утверждать, что в этом направлении определены оптимальные границы правового регулирования. Так, отсутствует комплексный (системный) подход к интеграции отдельных отраслей законодательства, прежде

¹ Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденция и перспективы. Красноярск. 1991. С.7.

всего, уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного, что не отвечает современным требованиям.

Сейчас сложилось такое положение, при котором центр тяжести в работе оперативных подразделений по осуществлению оперативно-розыскных мероприятий ложится «на плечи» лишь оперативно-розыскного законодательства¹. Сосредоточение этой специфической сферы деятельности, направленной на борьбу с преступностью в одной отрасли законодательства, без учета материального и процессуального отраслей, не соответствует целям и задачам уголовной политики, одним из главных принципов которой является законность, предполагающая осуществление разработки и реализации мер борьбы с преступностью в полном соответствии в Конституцией и законами государства.

Так, если оперативно-розыскная деятельность является одним из стратегических линий уголовной политики государства в борьбе с преступностью, и, что такая стратегия предполагает одновременно комплексной разработки уголовного и уголовно-процессуального законодательства, то в первую очередь необходимо было унифицировать эти отрасли законодательства.

Как известно, уголовное законодательство и, в частности, его институты необходимой обороны, задержания лица, совершившего преступление, крайней необходимости, а также обоснованного риска, играют важную роль в борьбе с преступностью. Для сотрудников оперативных подразделений же проблема обстоятельств, исключающих преступность деяния имеет чрезвычайно актуальное значение. Для них она носит многоаспектный характер. Речь идет об использовании этих институтов непосредственно при отражении и пресечении преступных посягательств, задержания лиц, виновных в их совершении, оп-

¹ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. №10. Ст.146.

тимизации позиции сотрудников оперативных подразделений относительно практики борьбы с преступностью.

Однако практика деятельности оперативных подразделений по борьбе с преступностью выдвинула ряд ситуаций, которые выходят за рамки указанных институтов, хотя применяемые ими соответствующие оперативные мероприятия апробированы общественной практикой, социально полезны и допустимы, а также закреплены в нормах различных отраслей законодательства.

Вместе с тем анализ действующего уголовного законодательства, показывает, что оно не дает ответов на многие вопросы, возникающие в практической деятельности правоохранительных органов по борьбе именно с опасными видами преступлений. Это означает, что правовое поле действия таких органов ограничено и осуществляют они свою деятельность не всегда в рамках уголовного законодательства.

Заметим, что выявление, пресечение, раскрытие преступлений, выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих и совершивших, а также добывание информации о событиях или действиях, создающих угрозу национальной безопасности Республики Таджикистан относится к одним из основных задач деятельности оперативных служб органов внутренних дел и других спецслужб, для чего им разрешено в соответствии с Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ). Как показывает практика, проведение таких мероприятий зачастую имеет не только внешние признаки преступления, но и реально причиняет вред конкретным правоотношениям.

Но, не смотря на очевидность такого порядка, нетрудно заметить, что основания допустимости совершения действий, связанных с причинением вреда, а также порядок освобождения лица от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела либо отказа в его возбуждении при правомерном

осуществлении оперативно-розыскных мероприятий не содержатся ни в Уголовном¹, ни в Уголовно-процессуальном² кодексах (они содержатся в оперативно-розыском, таможенном и в других отраслях законодательства, в том числе, в Законе РТ «О борьбе с терроризмом»³, что означает выход ими за пределы предмета своего регулирования). Речь идет, прежде всего, о таких оперативных мероприятиях, как «контролируемая поставка», «оперативное внедрение», «оперативный эксперимент», «образование юридического лица», практика применения которых, и особенно в условиях активизации новых угроз глобальной безопасности, расширяется в силу их эффективности.

Признает ли уголовный закон такие действия правомерными? Ведь только уголовный закон, и только он, определяет преступность деяния и обстоятельства, исключающие преступность деяния. Ни одна другая отрасль законодательства не обладает такими «полномочиями» и не может расширить пределы действия институтов уголовного закона, так как любой закон может стать уголовным законом лишь после включения его в Уголовный кодекс РТ (ст.1 УК РТ). А реальность такова, что некоторые виды обстоятельств, исключающие преступность деяния определены законами «Об оперативно-розыскной деятельности», «О борьбе с терроризмом» и т.д., что является нарушением принципа законности (ст.4 УК РТ).

Например, в части 8 статьи 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» прямо указано, что оперативная проверочная закупка или контролируемая поставка предметов, веществ и продукции, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен (формально подобные деяния

1 Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе. 2004.

2 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе. Ирфон. 1989.

3 Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. №11. Ст.275.

образовывают состав преступления), проводятся на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. Однако ни в данном законе, ни в Уголовном кодексе нет соответствующих положений, устанавливающих, что подобные действия не признаются преступлением (либо не установлено основание, в соответствии с которым лицо, совершившее подобные деяния не подлежит уголовной ответственности).

Как видно из содержания части 8 статьи 8 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в целях разрешения задач оперативно-розыскной деятельности, сотрудникам оперативных подразделений разрешается под оперативным контролем осуществлять действия, связанные с приобретением либо перемещением товаров, средств, веществ и предметов, свободная реализация которых запрещена или гражданский оборот которых ограничен, а также предметов, добытых преступным путем или сохранивших на себе следы преступления, либо орудий или средств совершения преступления (например, наркотических средств, психотропных веществ, огнестрельного оружия, поддельных денег либо ценных бумаг, драгоценных металлов и камней, радиоактивных материалов и т.д.).

Вместе с тем, формально в соответствии с Уголовным кодексом приобретение, а также перевозка таких предметов и товаров признается уголовно наказуемым деянием.

Получается так, что законодатель, приняв Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливающий виды и порядок проведения ряда оперативно-розыскных мероприятий, которые часто граничат с преступлением, фактически не только переоценил значимость и возможности данного закона, но хуже того, не признал осуществление подобных видов ОРМ обстоя-

тельством, исключающим преступность деяния и не включил в Уголовный кодекс¹.

Или возьмем другой пример: статья 28 Закона РТ «О борьбе с терроризмом» устанавливает, что военнослужащие, сотрудники и специалисты субъектов, осуществляющих борьбу с терроризмом, а также лица, оказавшие по просьбе представителей правоохранительных или других государственных органов помощь в пресечении или предотвращении террористического акта, не несут ответственности за причинение морального, материального и физического вреда террористам (за действия, предпринятые против террористов). При этом настоящий Закон устанавливает, что основание непривлечения к ответственности либо освобождения от ответственности осуществляется «в соответствии с Уголовным кодексом Республики Таджикистан».

Однако в УК подобное основание не установлено и не указывается, что такие действия не являются преступлениями, а в УПК РТ не предусмотрен порядок освобождения от уголовной ответственности лиц, принимающих участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Необходимо отметить, что проведение оперативно-розыскных мероприятий не подпадают под действие норм о необходимой обороне, крайней необходимости и задержании лица, совершающего преступление, в том числе и обоснованного риска (ст.ст.40-42, 44 УК РТ), так как предназначение этих норм иное: они в основном (за редким исключением) регулируют поведение субъектов, вынужденно причинивших вред каким либо интересам (жизни, здоровью, собственности) в тех ситуациях, когда избежать непосредственно возникшую опасность в дан-

¹ Изучение норм Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и других законов показывает, что сотрудники оперативных подразделений при осуществлении ОРМ могут совершать действия, признаваемые УК РТ в качестве общественно опасных, влекущих уголовную ответственность.

ных обстоятельствах другими действиями невозможно. В таких случаях, правоприменитель (следователь, прокурор) принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела, либо о прекращении уголовного дела, если оно было возбуждено, только основываясь и ссылаясь на конкретные статьи Уголовного кодекса.

При проведении вышеуказанных оперативно-розыскных мероприятий же (оперативная проверочная закупка, контрольная поставка и т.д.) сотрудники оперативных подразделений могут в определенной степени сами «провоцировать» и, в том числе развивать дальнейший ход преступной деятельности, давая возможность иногда довести ее до конца, и даже способствовать этому. В таких ситуациях, следователь, прокурор при принятии решения о возбуждении либо прекращении уголовного дела обязан руководствоваться и ссылаться на соответствующую норму Уголовного кодекса. Однако в УК соответствующая норма отсутствует.

Получается, что мы находимся в правовом вакууме. Например, не понятно каковыми будут уголовно-правовые и уголовно-процессуальные основания отказа в возбуждении уголовного дела при контролируемой поставке, то есть при перемещении оружия или наркотических средств из одного города в другой или даже за границу, совершаемое лицом, сотрудничающим с правоохранительными органами на конфиденциальной основе и тем самым способствующим ликвидации устойчивого канала распространения наркотических средств или незаконного оборота оружия; или при оперативном эксперименте, то есть при склонении фальшивомонетчиков в сбыте поддельных денег, совершаемое с целью их выявления и т.д.

Подобные и другие случаи, имеющие место при осуществлении оперативной работы, а также действия лиц, содействующих правоохранительным органам на конфиденциальной основе, хотя и имеют признаки преступления, осуществляются с

целью проследить преступную цепочку, выявить всех участвующих в преступлении лиц и являются в сложившихся обстоятельствах надежной практической возможностью пресечь реальное тяжкое преступление.

При правовой оценке таких ситуаций, прежде всего, нужно исходить из наличия в Уголовном кодексе конкретной нормы, позволяющей признавать такие действия правомерными, т.е. социально полезными. Однако этого нет. Поэтому, коль скоро Уголовный кодекс определяет, в каких случаях причинение вреда является преступлением, то здесь и место для такой «оговорки» в виде специальной нормы, а не в других отраслях законодательства. Только в ней и в обобщенном виде должны быть закреплены признаки ситуаций, в которых выполнение целесообразных действий возможно только способами, связанными с причинением вреда, а также указаны условия, при которых причинение такого вреда признается правомерным. А развернутые нормы, определяющие основания и порядок их проведения должны содержаться в соответствующих законах.

Создавшаяся законодательная ситуация, свидетельствующая о рассогласованности системы законодательства уголовно-правового цикла, создает непреодолимые юридические препятствия в деле борьбы с преступностью.

Подобные негативные явления способствуют сдаче правоохранительными органами своих оперативных позиций, снижению уровня выявляемости, пресечения и расследования преступлений, вызванные страхом и боязнью перед необоснованным привлечением к уголовной ответственности. Поэтому, в целях «приобретения билета в два конца», который год, мы, в целях гармонизации уголовной политики государства, предлагаем усовершенствовать Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы в этом направлении, тем самым устранить опасный пробел в законодательстве. Следует отметить, что это обстоятельство не осталось незамеченным и не-

которыми нашими учеными-юристами, которые обосновывали необходимость комплексного правового регулирования оперативно-розыскной деятельности¹.

Поэтому, есть надежда на то, что в перспективе, законодатель в УК РТ расширит институт обстоятельств, исключающих преступность деяния в виде участия в санкционированном оперативно-розыском мероприятии, а в новом УПК РТ предусмотрит раздел о порядке проведения оперативно-розыскной деятельности.

В связи с этим, предлагается дополнить Уголовный кодекс РТ новым институтом следующего содержания:

«Статья 42¹. Осуществление оперативно-розыскных мероприятий

1. Не являются преступлением действия, совершенные при осуществлении санкционированных оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления, раскрытия и пресечения преступлений, если при этом не было допущено превышение необходимых для этого мер.
2. Превышением мер, необходимых для проведения оперативно-розыскных мероприятий признается их осуществление с нарушением оснований и условий их проведения, регламентированных нормативно-правовыми актами.
3. Право на осуществление оперативно-розыскных мероприятий имеют специально уполномоченные на то лица, а также граждане, оказывающие содействие в раскрытии преступлений в порядке, установленном оперативно-розыскным законодательством.

¹ См. подробно: Солиев К.Х. Правовое поле деятельности ОВД в борьбе с преступностью. Государство и право. № 2. Душанбе. 2000. С.49-55; Он же. Уголовно-правовые основы деятельности ОВД по борьбе с преступностью. Милитсияи Точик-75 сол. Труды Высшей школы. Душанбе. 2000. С.33-39.

Исходя из этих пробелов в нормотворчестве, мы предлагали и предлагаем ряд новых норм в проекте нового УПК РТ, таких, как порядок рассмотрения и получение санкции по материалам проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права гражданина и человека.

Также в целях обеспечения внутренней организованности отраслей права в части признания результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве повода и основания возбуждения уголовного дела, признанием их вещественным доказательством, предлагается дополнить статью 5 УПК РТ (Обстоятельства, исключающие производство по уголовным делам) отдельным пунктом следующего содержания: «участие в осуществление оперативно-розыскных мероприятий».

Внесение новых новелл в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство объясняется тем, что совершенствование правового регулирования оперативно-розыскной деятельности нельзя связывать исключительно с нормами Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». В силу присущей уголовной политике черты комплексности, этот закон просто не может вторгаться в сферу деятельности того или иного закона. В связи с этим, вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности следует также увязать с совершенствованием других, упомянутых законодательных актов, которое является не только правомерным, но и необходимым и оправданным.

Только таким образом можно создать надежные гарантии по юридической защите активного поведения лиц, каковыми являются оперативные сотрудники и граждане, оказывающими им содействие в борьбе с преступностью.

Список литературы:

1. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1998. №10. Ст.146.
2. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 1999. №11. Ст.275.
3. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М. 1972. С.295.

4. Коробеев А.И., Усс А.В., Голик Ю.В. Уголовно-правовая политика: тенденция и перспективы. Красноярск. 1991. С.7.
5. Об оперативно-розыскной деятельности в Республики Таджикистан: Закон РТ от 28.12.1993 г. // Газета Садои Мардум. 1994. 12 февраля. № 102.
6. Об оперативно розыскной деятельности: Закон Республики Таджикистан №651 от 22.05.1998 г. // Газета Садои Мардум. 1998. 25 июня.
7. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 1995 г. // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
8. Солиев К.Х. Правовое поле деятельности ОВД в борьбе с преступностью. Государство и право. № 2. Душанбе. 2000. С.49-55; Он же. Уголовно-правовые основы деятельности ОВД по борьбе с преступностью. Милитсияи Тоҷик-75 сол. Труды Высшей школы. Душанбе. 2000. С.33-39.
9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе. 2004.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе. Ирфон. 1989.
11. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскное право: иллюзия или реальность. Правоведение. 1994. № 4. С.46.

РАЗВИТИЕ ОСНОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРЕЗ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Рашева Н. Ю.

доцент кафедры экономики и права филиала НОУ ВПО «Столичной финансово-гуманитарной академии» (г. Мурманск)

Развитие юридического образования было и остается актуальным вопросом, поскольку от его состояния зависят подготовка высококвалифицированных юристов и качество осуществляемой ими профессиональной деятельности, «оказывающей существенное воздействие на самые разные стороны развития российского общества...» [7; С. 3-4].

Высшее образование сегодня играет ключевую роль в процессе социальных, экономических, политических изменений в обществе как в настоящий, так и в будущий периоды. Система высшего профессионального образования поставляет не толь-

ко кадры, но и обеспечивает формирование профессионального мировоззрения элиты последующих поколений. Юридическая профессия становится одной из самых востребуемых, а потому и практичных, например, В.В. Путин и Д.А. Медведев - юристы.

Однако, ведущаяся в стране работа по модернизации юридической сферы фактически ограничивается областью законодательства и переустройством юридической практики. При этом недостаточно учитывается, что эффективность предпринимаемых шагов как в правовой сфере, так и в масштабах всего общества самым непосредственным образом зависит от качества образования юридического корпуса страны, уровня его профессиональной подготовки [9].

Министр образования и науки РФ Андрей Фурсенко заявил, что к 2015 году планируется оставить около 15% вузов из тех, что существуют сейчас. При этом планируется к этому же году сократить преподавательский состав примерно на 100 000 человек [4; С. 6-7].

Как отмечают ученые, это идеальная ситуация для улучшения взаимодействия между преподавателями и студентами, что в итоге могло бы вылиться в повышение уровня образования. Но даже малейшую возможность улучшить соотношение числа студентов на одного преподавателя режут на корню [4; С. 6-7].

Важнейшей мировой тенденцией современного юридического образования является его интеграция и интернационализация, ведущая к сближению стран, созданию условий для формирования единого мирового образовательного пространства. Присоединение России к Болонской декларации (2003 г.), принятой большинством европейских стран, означает движение нашей страны в направлении сближения образовательных систем [8; С. 21-24].

Профессия юриста - это особая профессия; это особый род занятий имеющих специальную подготовку людей, как правило,

осуществляемый на возмездной основе в соответствии с принятыми профессиональными стандартами и образующий в совокупности отрасль правовых работ - особое звено в системе общественного разделения труда [3].

Профессиональная юридическая деятельность - официально признанный государством и регламентированный законом род деятельности, связанный с правовым регулированием общественных отношений, обеспечением соблюдения членами общества правовых предписаний, требующий необходимых знаний и навыков, приобретаемых путем юридического образования или практического опыта, накладывающий на юристов социальную ответственность за эффективное выполнение возложенных на них обязанностей в системе разделения труда [3; 6; С. 22-30].

В этом определении содержатся основные требования к лицам, занимающимся профессиональной юридической деятельностью. В тесной и неразрывной связи с ними находятся качества специалиста-юриста (бакалавра, специалиста, магистра). Требования отражают объективную сторону, а качества - субъективную. Однако их содержание одинаково: государство и общество заинтересованы, чтобы все специалисты имели весь набор качеств в рамках предъявляемых к ним требований [5; С. 4].

Область профессиональной деятельности юристов, например, бакалавров и магистров, включает [1; 2]: разработку и реализацию правовых норм; обеспечение законности и правопорядка; правовое обучение и воспитание. Роль юридического образования на современном этапе развития России определяется задачами ее перехода к демократическому и правовому государству, необходимостью преодоления опасности отставания страны от мировых тенденций экономического и общественного развития [8; С. 21-24].

Главная задача российской образовательной политики состоит в обеспечении современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности, соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства [8; С. 21-24].

Таким образом, формирование правового государства, борьба с преступностью зависит от уровня качества профессионального образования юридических кадров. Важнейшей целью учебного процесса в юридических вузах является подготовка юристов, способных квалифицированно разбираться в правовых проблемах государственного устройства, рыночной экономики, а также в вопросах банковского, финансового, международного, экологического, предпринимательского и других интенсивно развивающихся отраслей права.

Список литературы:

1. Приказ Минобрнауки РФ от 04.05.2010 г. № 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 26.
2. Приказ Минобрнауки РФ от 14.12.2010 г. № 1763 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «магистр»)» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2011. № 14.
3. Жалинский А.Э. Введение в специальность «Юриспруденция». Профессиональная деятельность юриста: Учебник. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
4. Каримов Д., Семенихин П., Кочев А. О юридическом образовании: очевидные вещи еще раз // Юридическая газета. 2011. № 3. С. 6-7.
5. Новоселов В.И. Профессиональные качества советского юриста // Правоведение. 1982. № 2. С. 3-10.
6. Соколов Н.Я. Юридическая профессия: понятие, сущность и содержание // Государство и право. 2004. № 9. С. 22-30.

7. Топорнин Б. Н. Высшее юридическое образование в России: проблемы развития. М., 1996.
8. Чхутиашвили Л.В. Роль инновационного юридического образования на современном этапе развития России // Юридическое образование и наука. 2011. № 1. С. 21-24.
9. Ястребов А. В. Каким должен быть юрист XXI века // В мире права. 2000. № 1 / <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1146417>

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Рощупкина Н. Н.

*студентка факультета Психологии, педагогики и права НОУ ВПО
«Столичная финансово-гуманитарная академия» (г. Москва)*

Ипотечное кредитование представляет собой целый механизм реализации отношений, возникающих по поводу организации, продажи и обслуживания ипотечных кредитов. Таким образом, ипотечный кредит – это кредит, обязательства, по возвращению которого обеспечены залогом недвижимого имущества. В настоящее время большой удельный вес занимает кредит на жилищное строительство¹. Более того, именно жилищный ипотечный кредит ассоциируется у российских граждан с ипотечным кредитом. Однако между этими двумя понятиями существует ряд отличий.

Во – первых, это использование кредита. Жилищный кредит предполагает использование кредита на потребительские цели. В отличие от других видов кредитования жилищный ипотечный кредит может быть предоставлен только для приобретения жилья.

¹ Мингазов Э.Г. Проблемы ипотечного кредитования Российской Федерации // Бизнес и банки 2005, №25. С.28-30.

Во – вторых, это источник погашения кредита. Погашение кредита на покупку жилья происходит за счёт личных доходов заёмщика или членов его семьи. Поэтому кредитора в данном случае прежде всего интересует личность заёмщика, его кредитоспособность и платёжеспособность, и лишь потом стоимость и качество закладываемого имущества.

В–третьих, при получении жилищного ипотечного кредита заёмщик, как правило, закладывает свою «будущую» собственность, так как он войдёт во владение квартирой только после её покупки (или после передачи продавцу первой части денежных средств).

Для ипотеки жилья применимы также такие принципы классической ипотеки, как принцип гласности, специальности, ипотечного старшинства, обязательности, достоверности. Всё это даёт основания причислить жилищный ипотечный кредит к классическому ипотечному кредиту, но не приравнивать однозначно эти два понятия.

Ипотека жилья находится в крайне неразвитом состоянии, несмотря на все усилия, предпринимаемые как федеральной властью, так и властью субъектов Федерации. Во многом это обусловлено экономической ситуацией в России в целом, отсутствием необходимых денежных средств у населения, а также неуверенностью людей в завтрашнем дне, ведь ипотечное кредитование – это прежде всего принятие на себя определённых обязательств на длительный период времени. Можно заметить, что ипотечный кредит, достаточно дорогой и обременительный для большинства населения, является недостаточно выгодным для банков и небанковских кредитных организаций. Несмотря на высокий процент по кредиту, здесь сказывается и отсутствие государственной поддержки и неразвитость страхования рисков.

Кроме того, сами нормы об ипотечном кредитовании содержат в себе большое количество подводных камней, препятствующих развитию ипотеки.

Основным препятствием здесь можно назвать невозможность выселения просрочившего должника и членов его семьи с занимаемой ими площади. Несмотря на то, что законодатель предусмотрел возможность обращения взыскания на такое имущество и порядок его реализации, однако в законодательстве отсутствуют чёткие нормы о непосредственном выселении бывшего заёмщика. Необходимо учитывать, что продать жилую площадь вместе с жильцами практически невозможно. Следовательно, невозможно получить удовлетворение своих финансовых требований к должнику. Обходя эту норму, кредиторы накладывают запрещения на регистрацию в заложенной квартире или доме членов семьи залогодателя либо иными способами ущемляют его законные права в отношении жилища. Представляется необходимым внесение соответствующих норм в ряд законодательных актов одновременно. Такие нормы должны быть внесены как в Федеральный закон «Об ипотеке», так и в Жилищный кодекс¹, они должны устанавливать, что реализация заложенного имущества является основанием для выселения залогодателя совместно проживающих с ним членов его семьи. Кроме того, должны быть приняты нормы устанавливающие порядок предоставления таким лицам жилой площади из фонда жилья для временного поселения граждан в порядке и на условиях, предусмотренных законодательством.

Необходимо разработать и принять нормы о сроках предоставления такого жилого помещения и дальнейшей возможности (либо невозможности) его выкупа.

2 Жилищный кодекс. Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

Внесение данных изменений в законодательство позволит более полно гарантировать интересы как кредитора, так и залогодателя. Для кредитора внесение таких норм позволит существенно уменьшить риск невозврата кредита, точнее риск невозможности получить удовлетворение своих требований из стоимости заложенного имущества. В конечном итоге это может способствовать снижению ставки за пользование кредитными средствами для заёмщика, так как кредитная ставка банка складывается с учётом таких рисков. Снижение процента за пользование кредитными средствами привлечёт большее число потенциальных заёмщиков, что положительно скажется на финансовом состоянии банков.

Однако реализация заложенного имущества и вопросы выселения просрочившего кредитора являются финальной стадией ипотеки. Препятствия же существуют уже в момент подписания ипотечного договора.

Одним из таковых препятствий является нотариальное удостоверение договора ипотеки. Представляется, что такое заверение не является оправданным с точки зрения практики, так как, помимо увеличения стоимости сделки для должника, не несёт в себе никаких позитивных моментов. Учитывая, что в настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации¹ не предусматривает обязательного нотариального удостоверения для договоров купли – продажи, мены, дарения недвижимости, просматривается отсутствие общего правила в вопросе необходимости обязательного нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом. Кроме того, в связи с тем, что сделка с недвижимым имуществом подлежит нотариальному заверению только по месту нахождения имущества, это препятствует заключению договора ипотеки в случае, если креди-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации.. М.: Проспект, 2011

тор – залогодержатель находится в другом регионе. На основании вышеизложенного, можно прийти к выводу о необходимости отмены нотариального удостоверения ипотеки и внесения изменений в соответствующие статьи Гражданского кодекса РФ.

Кроме того, с целью упорядочивания процесса государственной регистрации ипотеки необходимо внести изменения и дополнения в нормативные акты, регулирующие государственную регистрацию ипотеки. В настоящее время существуют противоречия между нормами Федерального закон «Об ипотеке»¹ и нормами Закона «О государственной регистрации»², а также подзаконными нормативными актами. В частности нет ясности по вопросам основания и сроков приостановления государственной регистрации, полномочий регистратора в отношении запросов необходимых документов и сведений от заявителя. Необходимо внести изменения, которые предусматривали для залогодателя возможность в случае приобретения жилого дома или квартиры за счёт кредита банка предоставить в залог иное недвижимое имущество.

Заёмщик, приобретающий недвижимое имущество за счёт кредита банка может иметь в собственности иное недвижимое имущество, либо обратиться к третьим лицам, с просьбой предоставить в залог недвижимое имущество вместо него.

В связи с тем, что залогодателем по договору ипотеки может являться третье лицо, не являющееся стороной кредитного или иного договора, в обеспечение которого установлена ипотека, в связи с чем должник, не являющийся собственником за-

1 Федеральный закон от 16.07.1998 N 102-ФЗ (ред. от 01.07.2011) "Об ипотеке" // СПС КонсультантПлюс.

2 Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ (ред. от 19.07.2011) "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним"// СПС КонсультантПлюс.

ложенного имущества, не может осуществлять контроль за его состоянием, соответствующими правами. Рассматривая основания такого изменения законодательства, необходимо учесть, что если имущество будет утрачено либо повреждено и ни одна из сторон договора ипотеки не предпримет мер для его сохранности, залогодержатель будет вправе потребовать досрочного исполнения кредитного договора и заёмщик будет вынужден его исполнить. У заёмщика есть только один способ защиты – замена утраченного либо повреждённого имущества на аналогичное или равное ему по стоимости. В случае если по халатности залогодателя имущество будет утрачено и должник не сможет предоставить иное равноценное имущество, он будет вынужден досрочно исполнить свои обязательства по конкретному договору.

Кроме того, должнику, не являющемуся залогодателем необходимо предоставить право истребовать заложенное имущество из чужого незаконного владения. Необходимость внесения данного изменения обусловлена также тем, что залогодателем по договору о залоге жилого помещения чаще всего являются физические лица, которые в период действия договора могут находиться за рубежом либо отсутствовать по иным причинам и таким образом не будут иметь возможности самостоятельно реализовать свои права, предоставленные им законодательством, а также не смогут уведомить о нарушении своих прав залогодержателя.

Заёмщик, являясь лицом, заинтересованным в сохранности заложенного имущества, мог бы осуществлять судебную защиту имущества, действуя без доверенности от имени и в интересах залогодателя. Внесение всех вышеуказанных изменений позволит сделать ипотеку более доступной для большинства граждан Российской Федерации.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Смирнова В.В.

к. ю. н., доцент, зав.кафедрой юриспруденции НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия», (г.Москва)

Законодательство нашего государства в разные периоды своего развития уделяло важное место уголовно-правовой охране жизни человека. История возникновения наказания за лишение жизни берет свое начало еще со времен Древнерусского государства. Впервые об убийстве как о преступлении упоминается в договорах великих князей Олега (911 г.) и Игоря (945г.). Говоря том, что убийство подлежит наказанию, в договорах отсутствует разграничение умышленного убийства от неосторожного.

Русская Правда, трактуя понятие преступления как непосредственный ущерб конкретному человеку, его личности или имуществу, знает лишь два рода преступлений – против личности и имущественные. К числу преступлений против личности относится убийство. Нормы об ответственности за убийство сохранились во всех редакциях Русской Правды, но в то же время в них еще не делается никаких отличий умышленного убийства от неосторожного.

В дальнейшем законодательство до XVII в. приоритетным направлением выбирает решение уголовно-процессуальных вопросов и вопросов ответственности за иные не связанные с преступлениями против жизни человека.

Огромное влияние на развитие российского уголовного законодательства оказало Соборное Уложение 1649 года. В нем получили развитие нормы, имеющие отношение к убийству. Специальная глава о преступлениях, наказуемых смертной казнью, большое внимание уделяла ответственности за убийство. В то же время были и ненаказуемые преступления против

жизни человека. Такими считались лишение жизни при защите своих личных интересов, а так же имущественных и неимущественных интересов своего господина. В Уложении впервые предпринята попытка разграничения умышленных и неосторожных преступлений.

В XVIII веке уголовное право сделало значительный шаг вперед. Это объяснялось как обострением классовых противоречий, свойственных абсолютизму, так и общему развитию правовой культуры. Особое значение в этой сфере имеет законодательство Петра I и, прежде всего, его Артикул воинский, отличающийся от прежнего законодательства суровостью наказания и широким применением смертной казни, в том числе и за убийство. Различаются умысел, неосторожность и случай. Однако терминология еще не устоялась: Артикул воинский часто путает неосторожные и случайные деяния. Ответственность наступала только за совершение умышленных или неосторожных преступных действий. Случайные деяния не влекли за собой уголовной ответственности.

1 января 1832 года был опубликован и в 1835 году вступил в силу Свод законов российской империи. Нормы уголовного права были систематизированы в кн. I т. XV Свода законов, а так же дается определение понятия убийства, это - «насильственная смерть, причиненная другому человеку нанесением ран, ушиба или отравления, почитается смертоубийством» (ст. 330). Что касалось убийства по неосторожности, здесь различались два вида: во-первых, когда лицо могло предвидеть противозаконные последствия, и, во-вторых, когда лицо совершило действия, не запрещенные законом, но должно было при осмотрительности или могло предвидеть такие последствия.

В 1845 году принимается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое упорядочило, конкретизировало и дополнило нормы, касающиеся системы преступлений против жизни. Убийства дифференцировались на простые, квалифи-

цированные, привилегированные и совершенные по неосторожности. Среди преступлений против жизни тяжкими признавались преднамеренные (заранее задуманные) и умышленные (без заранее обдуманного намерения) убийства. Уложение о наказаниях различает два рода случаев неосторожного убийства: 1) неосторожное причинение смерти деянием, само по себе не противозаконным (ст. 1468)4; 2) неосторожное причинение смерти деянием, которое само по себе запрещено законом.

В 1903 году был утвержден проект нового Уголовного уложения, главы и статьи которого вводились в действие постепенно, хотя в полном объеме введено не было. Полностью оно действовало в Латвии, Литве, Эстонии. На остальной территории России действовали две главы Особенной части и еще несколько десятков норм. Достаточно многочисленной была группа преступлений против жизни. Выделялось, также умышленное и неосторожное причинение смерти.

После революции впервые Уголовный кодекс РСФСР был принят в 1922 году. Система преступлений против жизни охватывала термином «убийство» как умышленное, так и неосторожное лишение жизни. В основе структуры кодекса лежало разграничение преступлений по объекту посягательства. Это относится и к преступлениям против жизни. Если объектом посягательства выступала только жизнь человека, то преступление признавалось убийством, в случаях, когда наряду с жизнью преступление посягало и на другой объект оно относилось в уголовном кодексе к соответствующим главам.

Систему преступлений против жизни закрепленную в УК РСФСР 1922 года воспроизвел УК РСФСР 1926 года. Его принятие было обусловлено необходимостью приведения уголовного законодательства РСФСР в соответствие с уголовным законодательством СССР. Новым было то, что были объединены в одну статью до этого времени два различных преступления – убийство по неосторожности и убийство, совершенное при пре-

вышении пределов необходимой обороны. Что касается статей включающих ответственность за лишение жизни, то к ним присоединились еще несколько.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года система преступлений против жизни подверглась существенному пересмотру. Систему преступлений против жизни по УК 1960 г. составляли умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах (ст.102), умышленное убийство, именуемое в теории как убийство без отягчающих и привилегированных обстоятельств (простое ст. 103), умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения (ст. 104), убийство при превышении пределов необходимой обороны (ст. 105), неосторожное убийство (ст.106) и доведение до самоубийства (ст. 107).

Данный Уголовный кодекс включал еще ряд статей, в которых причинение смерти устанавливалось в качестве квалифицирующего признака. Встала необходимость в дифференциации тех неосторожных действий, которые приводили к причинению смерти, поскольку неосторожные действия, причинившие смерть, неоднородны и по своей объективной характеристике, и по субъективной направленности.

Несмотря на многочисленные изменения и дополнения к РСФСР 1960 года перестал отвечать изменившимся социально-политическим и экономическим процессам в обществе. Поэтому 1 января 1997 вступил в законную силу новый Уголовный Кодекс Российской Федерации. Согласно данному нормативно-правовому акту на первом месте преступлений против личности стоит группа «Преступлений против жизни» (ст.105-110). Данное обстоятельство свидетельствует о повышенном внимании законодателя к охране жизни человека.

Из УК РФ следует, что преступления против жизни делятся на 3 вида:

1. убийство (ст.ст.105-108);
2. причинение смерти по неосторожности (ст.109);
3. доведение до самоубийства (ст.110).

Именно убийство образует основную группу преступлений против жизни.

Разделив таким образом преступления против жизни, законодатель впервые в отличие от прежних российских уголовных кодексов не относит причинение смерти по неосторожности к убийствам, а выделяет его в самостоятельное преступление против жизни.

В ст. 105 УК РФ впервые дается определение понятия убийства. Убийством признается только «умышленное причинение смерти другому человеку». Причинение смерти по неосторожности не относится к видам убийства (как было в УК 1960г.), а является отдельным самостоятельным преступлением, представляющим гораздо меньшую опасность для общественных отношений. Тем самым законодатель понятие неосторожное убийство заменил понятием причинением смерти по неосторожности. В УК РФ 1996 года неосторожное лишение жизни другого человека рассматривается, как самостоятельное преступление против личности и как квалифицирующий признак иных умышленных и неосторожных преступлений.

Основной состав причинения смерти по неосторожности предусматривается ст. 109 УК РФ. Но ст. 109 применяется в том случае, если нет специальной нормы включающей ответственность за неосторожное лишение человека жизни, а такие нормы есть в самых разных главах УК РФ. При совершении различных преступлений, целый ряд статей Особенной части УК РФ предусматривает ответственность за неосторожное причинение смерти.

По нашему мнению отождествление понятие понятия причинение смерти по неосторожности и неосторожное причинение смерти не тождественны. Причинение смерти по неосторожности значительно шире, чем неосторожное причинение смерти.

Таким образом, из вышеперечисленного можно сделать выводы о том, что, отечественное законодательство всегда

охраняло жизнь человека, начиная с Русской Правды и до современного времени. Тем самым законодатель признавал и признает огромную ценность человеческой жизни.

СТАНОВЛЕНИЕ ИНСТИТУТА ДОВЕРИТЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ (ТРАСТА)

Тычинин Р.В.

аспирант, МГИ им. Е.Р.Дашковой, (г. Москва)

Исторически первыми формами доверительного управления имуществом следует считать римскую *fiducia* (*fiducia* - букв. «доверие», от лат. *fides* - «вера»), германскую *Treuhand* («верная рука») и английские *use* и *in trust*.

Договор *fiducia* заключался в форме *mancipatio* или *in iure cessio* с самыми разнообразными целями. Гай выделял два вида фидуциарного соглашения: с другом и с кредитором – *fiducia cum amico* и *fiducia cum creditore*. В первом случае *fiducia* оформляла договоры поклажи, ссуды, поручения, во втором – служила установлению реальной гарантии обязательства. Структура контракта во всех случаях была одинакова. Лицо, получившее вещь (фидуциарий), становился своеобразным доверительным собственником и был обязан при определенных условиях вернуть вещь кредитору (фидуцианту).¹

Fiducia просуществовала в течение всего классического периода, но она имела большие неудобства: во-первых, она требовала соблюдения формальностей *mancipatio* и *in iure cessio*, во-вторых, она была тесно сопряжена с переходом права собственности на вещь. Причиной могла явиться несостоятельность ответчика, поэтому *actio fiducia* мог быть признан несо-

¹¹ Дождев Д.В. Римское частное право. Учебник для юр. Вузов. /Под общ ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., изм. И доп. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 784 с.; С. 563.

стоявшимся. Вследствие этого рядом с фидуциарными соглашениями существовали и неформальные договоры отдачи вещи во временное безвозмездное пользование (commodatum), на сохранение (despositum) и в обеспечение долга (pignus).

История доверительной собственности делится, по мнению исследователей, на два периода. Первый связан с ее существованием в форме use в период складывания буржуазных земельных отношений в недрах феодального права в XV-XVI вв. Второй период охватывает возникновение и развитие траста (trust) в буржуазном праве стран Общего права с XVII в.¹

Форма use являлась правовым институтом, сочетавшим: (а) имущественные права землевладельцев, связанные с феодальными земельными владениями, и (б) процессуальные права этих землевладельцев в суде Канцлера, разработанные судом Канцлера на основе инквизиционной судебной процедуры. Доверительная собственность в указанный период фактически способствовала внедрению в английское право таких универсальных юридических принципов, как принцип частной собственности на землю и принцип свободы договоров, и, как следствие, содействовала разрушению военно-ленной системы земельных держаний. После принятия Статута 1535 г. «О доверительной собственности» и последовавшей за этим инкорпорации use в Общее право разработанная судом Канцлера модель земельного права была практически полностью воспринята Общим правом и стала основой для последующего развития Общего права.²

Указанный Статут был направлен не против содержания и системы действующих в рамках доверительной собственности

1 Жданов А.А. Возникновение и эволюция доверительной собственности в Общем праве /А. А. Жданов. // Правоведение. - 2001. - № 6. - С. 189 – 198.

2 См.: Жданов А.А. Возникновение и развитие доверительной собственности в Англии и США. // Автореферат. канд. юрид. наук: 12.00.01 / Жданов А.А., СПб., 2003. - 28 с.

имущественных прав, а против возможности «раздвоения собственности», о чем свидетельствует представленный в парламент в 1535 г. разъяснительный документ под названием «Отрицательные последствия доверительной собственности». Основной идеей документа является критика use, порождающего нежелательное раздвоение собственности («usez make double lawe»). В результате исчезла возможность создавать альтернативную собственность в отрыве от титула собственности Общего права¹.

По мнению Р.Л. Нарышкиной, в период становления капитализма особую роль в развитии предпринимательства сыграл trust, который был способен оформить отношения лиц, вкладывающих средства в общее дело. Доверительным собственником становилось уже существующее юридическое лицо, а бенефициантами - учредители траста. Таким образом, происходило объединение имущества и его обособление для предпринимательских целей. «... На самом деле создавались юридические лица (corporations), не беспокоя ни короля, ни Парламент»².

Первые организации, принимавшие на себя доверенное управление теми или иными имуществами и ценностями появились в Англии на рубеже XIX-XX вв.

Первый закон, посвященный доверительной собственности (Trustee Act), был принят в Англии 1893 году.

По мнению известного английского правоведа Э.Дженкса, «доверительная собственность представляет собой добросовестно и добровольно принятое на себя обязательство, но которое закон принуждает выполнять, если оно уже принято, - а

1 Жданов А.А. Возникновение и эволюция доверительной собственности в Общем праве /А. А. Жданов. // Правоведение. - 2001. - № 6. - С. 189 – 198.

2 Нарышкина Р.Л. Доверительная собственность в гражданском праве Англии и США. - М., 1965. - 290 с.; С. 8.

именно - добросовестно владеть и управлять собственностью в интересах другого лица или других лиц»¹.

В настоящее время комплексом обязанностей доверенного лица, вытекающих из доверительного характера отношений, включающее в себя выражение доверия одним лицом и акт восприятия ответственности за это доверие другим лицом, является в англосаксонском праве правовое понятие *fiduciary duty*. Данное понятие основывается на перенесении доверия одним лицом на другое, которое, в свою очередь, акцептует это доверие и занимает подавляющую позицию по отношению к первому лицу².

Если анализировать правовую систему Соединенных Штатов Америки, то здесь трасты появились еще в начале XIX века и получили довольно широкое распространение к началу XX-го. В тот период трасты применялись для организации монополистических объединений промышленных предприятий (нефтяной трест Рокфеллера - Standard Oil Trust).

После принятия антитрестового законодательства в США: в 1890 г. «Закон Шермана», «Закона Клейтона» в 1914 г. и Закон о Федеральной торговой комиссии (Federal Trade Commission Act) 1914 г. ситуация стала меняться. В последующие годы в США был принят целый ряд антитрестовских законов.

Отечественная цивилистическая наука и правоприменительная практика также не оставались в стороне от формирования доверительных отношений с собственностью вообще и трастов (трестов), в частности. В советской литературе собственность со стороны ее экономической сущности определя-

1 Дженкс Э. Английское право. / Пер. с англ. М.: Юриздат. - М., 1947. – 378 с.; С. 318.

2 Зуев А.Е. Фидуциарные правоотношения. Международная практика и российское право: Вопросы модальности в праве /А. Е. Зуев. //Правоведение. -2003. - № 2 (247). - С. 156 – 169.

лась через такие категории, как производственные отношения, присвоение, владение, пользование и распоряжение¹.

В основе правовой политики советского государства, начиная с первых декретов Октябрьской революции, лежало уничтожение частной собственности в какой бы то ни было форме. Основы гражданского законодательства 1961 г., ГК РСФСР 1964 г., гражданские кодексы республик 1963-1964 гг. и Конституция СССР 1977 г. однозначно закрепляли ведущую роль и главенство государственной собственности. По мнению Л.В. Щенниковой², государство регулировало и планировало все, в том числе и развитие других форм собственности.

Характерными особенностями объединений дореволюционного периода (картелей, синдикатов, трестов) в России являлось то, что участие в них осуществлялось по инициативе предпринимателей, преследующих реализацию частных интересов в укреплении своего положения на рынке и извлечении максимально возможной прибыли; основой большинства предпринимательских союзов (объединений) выступал договор (картели, синдикаты), вместе с тем имели место и объединения, являющиеся юридическими лицами (тресты).

Причиной появления советских трестов послужила концентрация производства, особенно проявившаяся в первые годы НЭПа. В данном случае имел место не институт доверительного управления, а форма консолидированного треста, при которой входившие в трест отдельные предприятия были лишены юридической самостоятельности.

1 Самойлова М.В. Право личной собственности граждан СССР (понятие, осуществление, основные средства защиты). // Автореферат дисс...канд. юридич. наук. – Л.:ЛГУ, 1965, С.4.

2 Щенникова Л.В. Категория собственность в российском гражданском законодательстве и русской цивилистике. // Государство и право. - 1995. - № 3. - С.100.

В апреле 1923 года был издан специальный декрет ВЦИК и СНК «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)», где государственными трестами признавались государственные промышленные предприятия, которым государство предоставляет самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденного для каждого из них устава, и которые действовали на началах коммерческого расчета с целью извлечения прибыли. Государственные тресты несли ответственность по своим обязательствам лишь в пределах состоящего в их распоряжении имущества.

В данном Декрете было указано также, что предприятия получали широкую хозяйственную автономию: они имели право сами устанавливать цену на свою продукцию и свободно выступать на рынке в качестве самостоятельных меновых хозяйств. В тресты объединялись предприятия одной отрасли, наиболее крупные, удобно расположенные для объединения. Центральные тресты находились в ведении ВСНХ, местные - в ведении губернских и областных СНХ.¹

По сути картели, синдикаты, тресты, концерны были крупными хорошо структурированными холдингами. Таким образом, с экономической точки зрения государство представляло собой супермонополию - гигантский холдинг, основными ступенями которого становились народные комиссариаты (министерства) и собственно государственные предприятия². Образование объединений подчинялось в СССР целям государственного планового управления промышленностью и торговлей. Вхождение предприятий в объединения осуществлялось централизо-

1 См.: Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. - М.: Высш. шк., 1986.

2 Смирнов А.И. О перспективах «двойственной» собственности (траста) в России /А. И. Смирнов. //Правоведение. -2005. - № 2. - С. 34 – 61; С. 57.

ванно, по решению вышестоящих органов управления. В отличие от дореволюционного периода, образование объединений предприятий в СССР основывалось на конструкции юридического лица, хотя отдельные объединения (в частности, промышленные) статусом юридического лица не обладали¹.

Несмотря на существование траста (трестов), «ни в дореволюционной России, ни в советские годы отношения по доверительному управлению специально не регулировались правом и, следовательно, договор доверительного управления имуществом на практике не заключался»².

Применительно к современности Д.В. Дождев справедливо заметил: «Влияние англо-американского траста на частное право всего мира таково, что самые устойчивые к внешним воздействиям правовые системы, менее других расположенные что-либо менять в устоявшихся догматических основах цивилистики, все же должны определить для себя, в чем именно заключается несовместимость траста с принципами гражданского права и насколько существенными могут быть расхождения между традиционным трастом общего права и возможными функциональными субститутами, которые может предложить гражданско-правовая система без ущерба для целостности своего правопорядка»³.

Этот тезис в полной мере относится к формированию института доверительного управления в российском гражданском праве.

1 Спиридонова А.В. Объединения хозяйствующих субъектов: Гражданско-правовое и антимонопольное регулирование. // Автореферат дисс... канд. юрид. наук: 12.00.0. - Екатеринбург, 2007. - 21 с.; С.10.

2 Алябьев Д.Н. Договор доверительного управления имуществом в гражданском праве России: // Автореферат дис... канд. юр. наук. – Волгоград, 2000. – С. 14.

3 См.: Дождев Д.В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности. С. 251-286.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИЕМНОЙ СЕМЬИ КАК ОДНОЙ ИЗ ФОРМ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ НА ПРИМЕРЕ МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Фофанова Н.П.

к.ю.н., доцент, зав.кафедрой гражданско-правовых дисциплин НОУ ВПО «МУРМАНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ», (г. Мурманск)

Приемная семья, как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей, впервые была предусмотрена Семейным кодексом РФ [1]. Возникновение и развитие данного правового института явилась идея создания детских домов семейного типа.

Следует отметить, что для Мурманской области характерно ежегодное увеличение количества детей устраиваемых в приемные семьи. Например, количество детей, воспитывающихся в приемных семьях, в 2010 году составило 9% от общей численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а в 2009 год было – 8 %. В течение 2010 года в приемные семьи были приняты 64 ребенка, из них 2 ребенка-инвалида. Тогда как в 2009 год – 96 детей, из них 2 ребенка-инвалида. Наибольшее число приемных семей создано в г. Мурманске (106 детей), Кандалакшском районе (66 детей), в Ковдорском районе (50 детей), в г. Апатиты (44 ребенка), в Кольском районе (36 детей), в г. Оленегорске (31 детей), в ЗАТО Александровск (23 ребенка), в г. Кировске (19 детей), в Печенгском районе (16 детей) [5].

Конкретная процедура создания приемной семьи в настоящее время установлена Правилами создания приемной семьи и осуществления контроля за условиями жизни и воспитания ребенка (детей) в приемной семье, утвержденными Постановлением Правительства от 18 мая 2009 г. № 423 [2], включая также Правила заключения договора об осуществлении опеки или по-

печительства в отношении несовершеннолетнего подопечного, утвержденные тем же постановлением.

Приемная семья образуется на основе договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью. Договор о передаче заключается между органом опеки и попечительства и приемными родителями.

Порядок материального обеспечения приемной семьи регламентируется ст. 155 СК РФ.

Размер ежемесячных денежных средств на содержание каждого приемного ребенка в Мурманской области такой же, как размер денежных выплат опекуну. Так, ст. 2 Закона Мурманской области «О порядке и размере ежемесячной выплаты опекуну (попечителю), приемному родителю денежных средств на содержание ребенка» [3] в области размер ежемесячной выплаты, приемному родителю составляет на содержание одного ребенка в возрасте:

- от 0 до 3 лет – 5600 рублей;
- от 3 до 7 лет – 6500 рублей;
- от 7 до 18 лет – 7500 рублей.

Указанные денежные средства предназначены для оплаты расходов на питание, приобретение одежды, обуви, мягкого инвентаря, на хозяйственные, культурно-массовые и личные расходы, на проезд в общественном транспорте, на медикаменты. Явно уровень выплат не соответствует уровню цен в современных экономических условиях развития Российской Федерации.

Кроме того, приемному родителю один раз в год выплачиваются денежные средства на оздоровительные мероприятия ребенка в размере 9000 рублей. Реально, на данную выплату, вывезти ребенка на оздоровление на летний период из района Крайнего Севера практически невозможно.

Кроме того, в соответствии со ст. 2 Закона Мурманской области от 10 января 1999 г. № 126-01-ЗМО «О размере вознаграждения приемных родителей и льготах, предоставляемых

приемной семье» орган опеки и попечительства, заключивший договор с приемными родителями (единственным приемным родителем) о передаче ребенка (детей) на воспитание в приемную семью производит совокупную ежемесячную оплату труда приемных родителей в следующих размерах:

- за воспитание каждого приемного ребенка – 5000 рублей в месяц с начислением районных коэффициентов и процентных надбавок, установленных за работу в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях;
- за воспитание каждого приемного ребенка, не достигшего трехлетнего возраста, либо ребенка – инвалида, либо ребенка с ограниченными возможностями здоровья, подтвержденными заключением областной психолого-медико-педагогической комиссии, указанный размер оплаты труда увеличивается на пятьдесят процентов [4].

Приемные родители ведут учет расходов в письменной форме по приходу и расходу денежных средств, выделяемых на содержание ребенка. Сведения об израсходованных средствах представляются ежегодно в орган опеки и попечительства. Сэкономленные в течение года средства изъятию не подлежат.

Приемная семья, взявшая на воспитание не менее трех приемных детей и не имеющая необходимого жилого помещения, обеспечивается органами местного самоуправления на срок действия договоров о передаче детей на воспитание в приемную семью жилой площадью по существующим нормативам.

Органы местного самоуправления вправе в пределах своей компетенции самостоятельно при наличии средств расширять круг приемных семей, на которые распространяются указанные льготы, а также виды этих льгот.

Было бы целесообразно, на наш взгляд, предусмотреть федеральное финансирование приемных семей. Целесообразно установить гарантированный минимум оплаты труда прием-

ных родителей, для чего следовало бы внести изменения в п. 2 ст. 152 СК РФ, изложив его в следующей реакции:

«Размер оплаты труда приемных родителей и льготы, предоставляемые приемной семье в зависимости от количества принятых на воспитание детей, устанавливаются в порядке и размере, определенных Правительством РФ. Субъекты Российской Федерации вправе устанавливать дополнительный размер оплаты труда приемных родителей и дополнительные льготы приемным семьям за счет средств бюджетов субъектов Российской Федерации».

Орган опеки и попечительства вправе отказаться от исполнения договора о приемной семье, при возникновении в приемной семье неблагоприятных условий для содержания, воспитания и образования ребенка или детей.

Таким образом, приемной семьей признается семья, которая взяла на воспитание хотя бы одного ребенка, однако общее число детей в приемной семье, включая родных и усыновленных, не должно превышать, как правило, 8 человек и уровень их материального обеспечения со стороны государства нуждается в повышении.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации [Текст] : федер. закон : [принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : по состоянию на 4 мая 2011 г.] // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
2. Об отдельных вопросах осуществления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних граждан [Текст] : постановление Правительства Российской Федерации : [принято 18 мая 2009 г., № 423] // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 21. – Ст. 2572.
3. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [Текст] : закон Мурманской области : [принят Мурманской областной Думой 23 дек. 2004 г. : по сост. на 27 дек. 2010 г.] // Мурманский Вестник. – 2004. – 30 дек. – № 249.
4. О размере вознаграждения приемных родителей и льготах, предоставляемых приемной семье [Текст] : закон Мурманской

области : [принят Мурманской областной Думой 24 дек. 1998 г. : по сост. на 7 апр. 2010 г.] // Мурманский Вестник. – 1999. – 15 янв. – № 6.

5. Аналитическая записка о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Мурманской области в 2010 году [Электронный ресурс] // Официальный портал органов исполнительной власти Мурманской области. – Режим доступа: <http://edu.gov-murman.ru/monitoring/stat-31032011.shtml> (дата доступа 21.06.2011 г.).

ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: НОВЫЕ ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Хохлова Е. С.

аспирант НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия» (г. Москва)

Актуальность исследования состава похищения человека, предусмотренного ст. 126 УК РФ, обусловлена следующими основными факторами.

Во-первых, согласно Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. и Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью. Однако на практике права и свободы граждан нередко нарушаются. В связи с этим одной из важнейших задач Уголовного кодекса РФ признаются именно охрана человека, его прав, свобод и интересов от преступных посягательств, а также пресечение наиболее опасных из них и назначение соответствующего наказания.

Во-вторых, в настоящее время быстро развивается медицина, в том числе и трансплантология. Появляется все больше клиник по пересадке человеческих органов и тканей, как официальных так и нелегальных. В условиях постоянного спроса, высокой цены и нехватки доноров, можно с уверенностью

утверждать, что будет интенсивно расти количество похищений людей с целью изъятия у них органов и тканей. Я считаю уделить этой проблеме особое внимание.

В-третьих, в связи с участвовавшими в последние годы случаями терроризма и экстремизма в России, следует уделить внимание преступлениям являющимся сопутствующие террористической и экстремистской деятельности, а именно похищению человека.

Негативные процессы, происшедшие в последнее время в России, в сконцентрированном виде отражены в Концепции национальной безопасности РФ (в редакции Указа Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24), где отмечено, что организованная преступность уже диктует порядок функционирования целым отраслям экономики, а свои нормы социального поведения — отдельным местностям. Особенностью ее является активное использование методов уголовного терроризма, постоянно увеличивается количество захватов заложников, похищений людей, заказных убийств, в том числе способами, опасными для многих людей.

Похищение человека не новый вид противоправного поведения. В истории России и других государств похищение человека имело место и преследовалось по закону.

Сегодняшняя правовая ситуация, связанная с похищением человека, требует совершенствования уголовно-правовых, криминологических и других методов борьбы с этими преступлениями, которые обладают значительной общественной опасностью и высокой латентностью; борьба с ними представляет собой многоаспектную проблему, в частности уголовно-правовую. Анализ уголовных дел показывает, что факты похищения человека не всегда квалифицировались надлежащим образом - по ст. 126 УК РФ. Нередко такие действия квалифицировались как захват заложников, либо как незаконное лишение свободы, либо как самоуправство. Резкий рост числа этих

преступлений, их тяжести, наличие связи похищений людей с другими преступлениями — убийствами, вымогательствами, изнасилованиями, их латентность образуют криминологическую проблему. Пока еще наука уголовного права, уголовное законодательство и следственно-судебная практика не выработала подхода даже к уяснению самого понятия «похищение человека» и не определили достаточно четко охватываемый ими круг деяний. Исследованы лишь некоторые криминалистические, уголовно-правовые и криминологические аспекты похищений детей и взрослых людей.

Так же к числу дискуссионных вопросов относится толкование непосредственных объектов похищения человека, отдельных признаков его объективной стороны и квалифицирующих признаков, отсутствуют четкие правила разграничения данного деяния с другими преступлениями против свободы личности, в судебной и следственной практике достаточно часто допускаются ошибки в применении ст. 126 УК РФ. Для определения оптимальности описания похищения человека в ч. 1 ст. 126 УК РФ нужен сравнительно-правовой анализ норм, устанавливающих ответственность за похищение человека в российском и зарубежных уголовных кодексах.

Несмотря на то, что уголовно-правовым проблемам похищения человека посвящен ряд диссертаций, многие признаки состава этого преступления так и не получили единого толкования. Закон, в частности, не раскрывает понятие «похищение», которое ранее употреблялось применительно к преступлениям против собственности. Авторы же представляют объективную сторону состоящей из разного числа действий, либо, признавая триаду действий, расходятся в представлении о самих действиях. Даже одни и те же авторы придерживаются разной позиции по поводу того, является ли похищение человека насильственным преступлением либо оно может совершаться и без насилия. Существует несколько мнений о моменте оконча-

ния похищения, при этом используемые для его определения слова могут иметь разный смысл.

Целый ряд имеющихся в литературе правильных выводов нуждается в уточнении, в том числе и с учетом дополнений либо изменений, внесенных в Уголовный кодекс РФ в последние годы. До сих пор по-разному толкуют признак добровольности, указанный в примечании к ст. 126 УК РФ, а независимость освобождения от продолжительности незаконного удержания получает противоположные оценки - от негативной до одобрительной.

Таковы лишь некоторые доктринальные и правоприменительные проблемы, возникающие в рамках ст. 126 УК РФ.

НУЖЕН ЛИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПЕДАГОГ ИЛИ ПСИХОЛОГ?

Цветкова Е. В.

Соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета, (г. Владимир)

Педагог как участник допроса несовершеннолетнего впервые был законодательно закреплен УПК РСФСР 1960 года. Прошло уже 50 лет, но мы считаем, что до сих пор его участие на предварительном следствии не осуществляется в полной мере, а, наоборот, исходя из анализа практической работы, доставляет следователям проблемы в проведении следственных действий.

Актуальность вопроса заключается в том, чтобы при проведении следственного действия-допроса несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого учитывались цели и задачи самого следственного действия. Но при достижении эффективности производства следственного действия должны быть обеспечены и соблюдены права несо-

вершеннолетнего. Согласно ч. 3 ст. 425 УПК РФ в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно.

В соответствии с ч. 1 ст. 191 УПК РФ допрос потерпевшего или свидетеля в возрасте до четырнадцати лет, а по усмотрению следователя и допрос потерпевшего и свидетеля в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, проводятся с участием педагога.

Законодатель, провозгласив такую норму, не предусмотрел процедуры решения многих вопросов. Первый вопрос заключается в том, кто такой педагог или психолог; кого можно приглашать для участия в следственных действиях в их качестве: учителя общеобразовательной школы, педагога высшего учебного заведения, социального педагога, психолога образовательного учреждения или иной организации? Кроме того, следует ли учитывать их практический стаж и специализацию работы? Каков правовой статус педагога и психолога. В статье 5 УПК РФ, где указаны основные понятия, используемые в УПК РФ, понятие педагога и психолога отсутствует.

«Педагог. Тот, кто занимается преподавательской и воспитательной работой»¹. «Психолог. 1. Ученый, специалист по психологии. 2. Знаток человеческой психологии»².

Относительно правового статуса педагога мнения ученых разделились. В частности М.С. Строгович, полагал, что неправильно отождествлять педагога со специалистом, участие кото-

1 Толковый словарь современного русского языка / Под ред. В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. — М.: Эксмо, 2009. — С. 488.

2 Толковый словарь современного русского языка. — С. 630.

рого предусмотрено ст. 58 УПК РФ. Некоторые ученые вообще не разделяют педагога и психолога, рассматривая их как единую процессуальную фигуру¹.

По мнению Л.Л. Каневского, педагога необходимо признавать самостоятельным участником уголовного процесса, а психолога рассматривать как специалиста со всеми вытекающими отсюда последствиями. Причем, если речь идет о педагоге, то должен иметься в виду знакомый несовершеннолетнему педагог, в остальных случаях это должен быть специалист в области возрастной психологии и педагогики с соответствующим образованием и стажем практической работы².

В УПК РФ закреплено понятие «специалист», но приравнивать педагога и психолога к специалисту, по нашему мнению, не правильно. Ст. 58 УПК РФ гласит: «Специалист - это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном настоящим Кодексом, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию».

В связи с изложенным напрашивается вопрос, а какими специальными знаниями может поделиться педагог или психолог со следователем? Если это касается вопросов проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы,

1 См.: Тетюев С.В. Допрос несовершеннолетнего обвиняемого в стадии предварительного расследования (процессуальный аспект): дис. ... канд. юрид. наук. — Челябинск, 2006. — С. 106.

2 См.: Каневский Л.Л. Дискуссионные проблемы участия педагога и психолога в судопроизводстве по делам несовершеннолетних // Судебно-правовая реформа и пути повышения эффективности правоохранительной деятельности. — Уфа, 1993. — С. 60.

то вопросы следователь ставит, исходя из материалов уголовного дела, делая упор на характеризующий материал подростка, наработанный им в ходе допросов классного руководителя, родителей, соседей, друзей испытуемого. Для разъяснения вопроса следователю относительно особенностей развития, характера несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) и его психологических качеств помощь не требуется. Такую информацию можно получить самостоятельно при сборе характеризующего материала на подростка.

По мнению В.К. Комарова, при подготовке к допросу несовершеннолетних подросткового возраста надо учитывать, что у них могут быть авторитеты и среди руководителей внешкольных кружков, секций, которых можно пригласить для участия в допросе вместо педагога¹. При допросе несовершеннолетнего обвиняемого, по мнению В.В. Стребиж, имеет смысл пригласить педагога, который пользуется уважением допрашиваемого и может положительно воздействовать на него². С.А. Шейфер считает, что психолог приглашается, если особенности личности допрашиваемого затрудняют установление с ним психологического контакта³.

Л.Л. Каневский, кроме того, указывал, что основанием для участия педагога в допросе могут быть замкнутость подростка, данные о наличии у него психофизических аномалий, из-за ко-

1См.: Комаров В. К. Психологические и тактические особенности расследования преступлений несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1972. – С. 13.

2См.: Стребиж В.В. Применение экспертизы и других форм специальных познаний в советском судопроизводстве. – Свердловск, 1984. – С. 69 — 70.

3 См.: Шейфер С. А. Следственные действия. – М., 1981. – С. 86.

торых он трудно вступает в контакт и т. д.¹ Представляется необходимым приглашение знакомого педагога или незнакомого психолога. Его решение зависит от целого ряда обстоятельств. Здесь должны учитываться степень развития несовершеннолетнего, степень и характер преступления, по поводу которого он допрашивается, а также иные обстоятельства дела. Не редки случаи, когда вызов знакомого педагога для участия в допросе подростка не только не содействует результативности допроса, но оказывается вредным, поскольку допрашиваемый стесняется рассказать при нем об известных ему фактах.

В тех случаях, когда привлечение знакомого педагога к допросу несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого нецелесообразно, например, при совершении преступления с особым цинизмом и дерзостью, когда несовершеннолетнему будет стыдно встречаться со знакомым педагогом, следователь может пригласить специалиста в области подростковой и юношеской психологии. Такой специалист должен обладать знаниями не только педагогики, но и психологии. Он должен оказать помощь следователю в проведении допроса с учетом возрастных особенностей несовершеннолетнего, его психического развития, условий жизни и воспитания.

Следующая проблема заключается в том, где найти педагога или психолога для участия в следственном действии. Многие могут возразить данной позиции, ссылаясь на запланированность следственных действий. Выход из ситуации для многих видится в приглашении классного руководителя. Однако не всегда данное лицо свободно от занятий, а уход с уроков по вызову следователя может привести к их срыву. Например, следователи «не планируют совершение преступлений» по «дежур-

1 См.: Каневский Л.Л. Указ. соч. – С. 60.

ным суткам». Участие педагога или психолога видится проблематичным в вечернее или ночное время, когда необходимо проводить неотложные следственные действия для закрепления доказательств с их участием, а также в выходные и праздничные дни.

Данную проблему помогают решить инспекторы по делам несовершеннолетних, которые на личном контакте обеспечивают вызов педагога или психолога. В нашем случае получается, что классный руководитель, хорошо знающий подростка, не может прийти на допрос. Приглашается педагог или психолог, свободный от занятий, но не всегда знающий подростка. На наш взгляд, роль данного лица сводится к «формальному» присутствию на допросе, исполнению роли статиста или понятого, которая оканчивается подписью в протоколе допроса.

Приведем пример. 7.03.2011 около 12 ч. 30 мин. в дежурную часть отдела полиции г. Владимира обратилась гражданка М. Она пояснила, что несколько минут назад около ее дома несовершеннолетнего сына Диму незнакомый подросток ударил два раза кулаком по лицу и выхватил у него из рук сотовый телефон. Свидетелями данного факта были друзья Димы - Саша и Иван¹.

Следователем после сбора первоначального материала возбуждено уголовное дело № 1653 по признакам состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. По обстоятельствам дела в качестве законного представителя была допрошена мама Димы. Диме и его друзьям не исполнилось 14 лет, а согласно ст. 191 УПК РФ при их допросе участие педагога обязательно. Для «поиска» педагога в выходной день подключились практически все службы, и лишь через 4 часа пришел в кабинет следователя социальный педагог колледжа. Есте-

¹ См.: Архив уголовных дел суда Ленинского района г. Владимира.

ственно родители мальчиков, сам потерпевший и свидетели устали. Участники допрашивались лишь по обстоятельствам дела, педагог при этом не говорил, ни о чем не спрашивал подростков, не проявлял какой-либо заинтересованности. В ходе проведения следственных действий она задавала один вопрос, долго ли еще ей здесь находиться, т.к. она тратит свое личное время. После оформления необходимых процессуальных документов, педагог покинул здание ОВД. Спустя некоторое время был задержан подросток, у которого при себе находился похищенный сотовый телефон. Какова же была «радость» следователя, что подросток оказался старше 16 лет и участие педагога не потребуется.

В рассмотренной ситуации винить педагогов, психологов, социальных педагогов за их нежелание участвовать в следственных действиях нельзя.

В должностных инструкциях педагога¹ или психолога² не закреплена обязанность их участия в следственных действиях. Участие в следственных действиях или работа во внеурочное время или в праздничные дни не являются служебными (трудовыми) обязанностями для педагога или психолога. За их участие в следственных действиях не предусмотрены процессуальные издержки, регламентированные ч. 2 ст. 131 УПК РФ. Исходя из смысла той же статьи, об участии в следственных действиях педагога или психолога не упоминается, так как указанные лица не являются участниками уголовного судопроизводства. Поэтому их отказы естественны.

¹ Должностная инструкция учителя общеобразовательной средней школы № 15 г. Владимира.

² Должностная инструкция педагога-психолога общеобразовательной средней школы № 2 г. Владимира.

Отдельные авторы¹ в качестве положительного примера приводят создание фондов или организаций по защите прав несовершеннолетних, создаваемых в муниципальных образованиях. В их состав входят педагоги, психологи, которые в любое время могут оказать помощь несовершеннолетнему. Но и в данном случае проблема остается не разрешенной. Психолог о несовершеннолетнем за несколько минут беседы с ним не может дать полную психологическую характеристику следователю об этом подростке. Он не сможет помочь потерпевшему, свидетелю, подозреваемому или обвиняемому, общаясь с ним всего несколько минут.

Разговаривая с психологами, специализирующимися на работе с трудными подростками общественной организации «НАН» при наркологическом диспансере Владимирской области, приходим к выводу, что для установления контакта с подростком, дачи его полной характеристики специалисту требуется общение с подростком не один день. При этом информацию собирают как при личной беседе с ним, его родителями, так и из различных тестов, выполненных подростком не за одну встречу.

Рассмотренные выше обстоятельства позволяют сделать вывод, что участие педагогов или психологов в допросе несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых в том виде, в котором оно предусмотрено УПК РФ не целесообразно и являются недостатком законодателя. Считаем, что необходимо «убрать» из текста статей обязательность участие педагога или психолога и позволить следователю самому решать, когда необходимо приглашать педагога или психолога для проведения допросов несовершеннолетних в за-

¹ См.: Воронкова Е.И.. Педагог на допросе несовершеннолетнего // Отчет по проекту «Педагог на допросе несовершеннолетнего». – М., 1999. – С. 1-4.

висимости от следственной ситуации. В ст. 5 УПК РФ закрепить понятие педагога и психолога. Дополнить ч. 2 ст.131 УПК РФ, предусмотрев процессуальные издержки педагогу и психологу за их участие в следственных действиях.

НЕПРАВОМЕРНЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Чучелов Е.Н.

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Владимирского государственного университета, (г. Владимир)

Часть 1 ст. 195 Уголовного кодекса РФ (далее - УК) предусматривает ответственность за неправомерные действия при банкротстве, раскрывая содержание этого понятия посредством перечисления конкретных незаконных действий (актов бездействия): сокрытия имущества, сведений об имуществе и т.д. Эти действия (бездействие) преступны, если совершены при наличии признаков банкротства и причинили крупный ущерб.

Данное преступление имеет сходство с предусматривавшимся ст. 1166 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, определявшей злостное банкротство таким образом: "...Когда кто, впавши в неоплатные долги, с умыслом, для избежания платежа оных, переукрепил свое имение или передал оное безденежно в другие руки, или же посредством подставных ложных заимодавцев или иным способом скрыл действительное свое имение или часть оногo, во вред неудовлетворенных кредиторов". Сущностное совпадение в запрещаемых действиях позволяет видеть в ч. 1 ст. 195 УК современное изложение состава "злостного банкротства".

Анализируя содержание диспозиции ч. 1 ст. 195 УК, можно сделать вывод, что структурно объективная сторона "злостного" банкротства включает в себя: 1) внешний акт поведения - дея-

ние; 2) общественно-опасные последствия; 3) причинную связь между ними; 4) обстановку совершения преступления.

В свою очередь, при изучении содержания объективных сторон преступлений, предусмотренных ч. ч. 1 - 3 ст. 195 УК, обращает на себя внимание неудачное определение законодателем как неправомерных действий при банкротстве. Подобное наименование ошибочно позволяет утверждать, что ст. 195 УК предусматривает ответственность лишь за активные формы поведения (действия), отвергая возможность бездействия. Это не соответствует содержанию объективных сторон преступлений, предусмотренных ч. ч. 1, 3 ст. 195 УК. Данная законодательная неточность порождает ненужные споры о форме деяния, в связи с чем представляется более удачной иная формулировка, в частности "неправомерные деяния при банкротстве", предполагающая активную и пассивную формы поведения.

Предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК преступление выражается в любом из следующих альтернативных деяний: 1) сокрытие имущества, имущественных прав или имущественных обязанностей, сведений об имуществе, о его размере, местонахождении либо иной информации об имуществе, имущественных правах или имущественных обязанностях, а равно бухгалтерских и иных учетных документов; 2) передача имущества во владение иным лицам; 3) отчуждение имущества; 4) уничтожение имущества, бухгалтерских и иных учетных документов; 5) фальсификация указанных документов.

Соккрытие может быть совершено в отношении всех предметов преступления, перечисленных в ч. 1 ст. 195 УК. Совершить данное преступление путем бездействия возможно в тех случаях, когда соответствующий субъект не исполняет своих обязанностей, возлагаемых на него нормами конкурсного процесса. Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" содержит множество норм, обязывающих органы управления должника представить сведения о размере задолженно-

сти, об имеющемся у должника имуществе, в том числе о денежных средствах и о дебиторской задолженности, документы своей бухгалтерской отчетности (п. п. 2, 3 ст. 37, п. 5 ст. 42, ст. 47, п. 2 ст. 66 и др.). Невыполнение данных обязанностей является бездействием, которое затрудняет определение действительного имущественного положения должника и включение имущества в конкурсную массу. Таким образом, непредставление имущества (информации о нем) и соответствующих документов, когда они в соответствии с названным Законом должны быть представлены, следует рассматривать как их сокрытие.

Что касается сокрытия имущественных прав и обязанностей, то представляется верной позиция авторов, указывающих на практическую невозможность совершения сокрытия по отношению к имущественным обязательствам, поскольку они представляют собой абстрактные юридические конструкции, идеальные модели взаимосвязей хозяйствующих субъектов. Заключенный между сторонами договор сам по себе не материализует имущественные права и обязанности, а лишь является источником сведений о содержании имущественного обязательства. Поэтому сокрытие договоров следует рассматривать как сокрытие информации об имущественных обязательствах, а не сокрытие самих имущественных прав и обязанностей.

Другим видом неправомерных действий при банкротстве является передача имущества во владение иным лицам, под которой следует понимать его временное предоставление другим лицам, в том числе на основании различных договоров (аренды, залога, доверительного управления и т.д.). При этом право собственности на переданное имущество сохраняется за самим должником. Отметим, что передача имущества во владение иным лицам зачастую является промежуточным действием, позволяющим затруднить обнаружение имущества, контроль над ним или его истребование, что в итоге создает

благодатную почву для последующего вывода активов должника. Изложенное позволяет поставить под сомнение целесообразность самостоятельного выделения данного действия в рамках ч. 1 ст. 195 УК.

Согласно ч. 1 ст. 195 УК, передача во владение иным лицам, а равно отчуждение могут быть совершены лишь в отношении имущества. Дифференцируя категории "имущество" и "имущественные права", законодатель становится заложником такого подхода. Указание в диспозиции рассматриваемой статьи УК на то, что эти действия могут быть совершены лишь в отношении имущества, закономерно порождает вопрос о возможности их совершения в отношении имущественных прав.

На современном этапе развития кредитных отношений имущественные права занимают значительную часть активов хозяйствующих субъектов. Особенно значимы и, соответственно, желанны для недобросовестных лиц права требования в отношении платежеспособных должников (ликвидные имущественные права). По своей доступности и ценности они мало чем отличаются от наличного имущества.

Уничтожение имущества, бухгалтерских и иных учетных документов означает приведение названных предметов в полную непригодность, что лишает возможности их использования для целей конкурсного процесса. При уничтожении имущества утрачиваются его качественные и стоимостные характеристики. По этой причине оно выбывает из состава возможной конкурсной массы. Что касается бухгалтерских и иных учетных документов, то их уничтожение может повлечь невосполнимую потерю содержащихся в них сведений об имущественном положении должника. Это делает невозможным его достоверную оценку.

Фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов состоит в искажении их содержания, которое может произойти как в результате различных способов их подделки (подчистка,

травление, исправление и т.д.), так и путем составления новых фиктивных, заведомо не соответствующих действительности документов. В итоге происходит искажение действительного имущественного состояния должника (как правило, объемы имеющегося имущества значительно занижаются), что чревато потерями для формируемой конкурсной массы и снижением уровня удовлетворения требований кредиторов.

Характеристика содержания предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК деяний будет неполной, если мы оставим без внимания вопрос о том, что именно определяет соответствующие деяния как подпадающие под действие этой уголовно-правовой нормы.

Фальсификация соответствующих документов изначально (вне контекста ч. 1 ст. 195 УК) имеет криминальный характер, поскольку в ст. 327 УК прямо запрещены подобные действия. Сложнее обстоит вопрос в отношении других форм поведения, составляющих содержание "злостного" банкротства. Дело в том, что законодательство о несостоятельности в ряде случаев не запрещает совершение некоторых из предусмотренных ч. 1 ст. 195 УК деяний. Более того, при соблюдении определенных условий они могут быть правомерными. Так, в силу ст. ст. 64, 82 Закона о несостоятельности руководитель должника в ходе наблюдения финансового оздоровления имеет право отчуждать, передавать во владение иным лицам принадлежащее должнику имущество при соблюдении предусмотренных законом условий (с согласия соответственно временного или административного управляющих, собрания (комитета) кредиторов). С формальной точки зрения о неправомерности таких действий можно говорить лишь в случае, если они расходятся с нормами законодательства о несостоятельности.

Однако подобные формальные критерии определения неправомерности соответствующих деяний являются недостаточными для целей ч. 1 ст. 195 УК, так как не всегда позволяют их отграничить от некриминальных, а равно деяний, образующих

признаки других составов преступлений. В практической деятельности возможны ситуации, когда грамотный специалист своими действиями придаст видимую законную форму, но при этом надломленное финансовыми проблемами предприятие останется без последних активов. Например, на практике часто встречаются случаи, когда руководитель должника успевает совершить указанные в ч. 1 ст. 195 УК деяния до возбуждения процедур банкротства, но при фактическом наличии его признаков. Отчуждение имущества должника может также иметь место с формального согласия арбитражного управляющего, который ненадлежащим образом исполняет свои обязанности, лично заинтересован в соответствующих деяниях или попросту состоит в преступном сговоре с руководителем должника.

Представляется, что криминальная неправомерность предусмотренных в ч. 1 ст. 195 УК деяний должна определяться двумя критериями: во-первых, объективным - обстановкой совершения этих деяний, т.е. наличием признаков банкротства, а также их негативных последствий в виде причинения крупного ущерба; во-вторых, субъективным, т.е. целевой направленностью такого поведения, в основу которого заложено намерение причинить ущерб.

Именно наличие признаков банкротства как обстановка совершения соответствующих деяний позволяет дальнейшее обсуждение вопроса о наличии состава "злостного" банкротства, а их отсутствие свидетельствует о некриминальном характере соответствующего поведения или же о наличии признаков другого преступления. В повседневной предпринимательской деятельности хозяйствующие субъекты действуют в соответствии с принципом свободы договора. Иными словами, они самостоятельно решают, какие действия им совершать в отношении принадлежащего им имущества (продавать, менять, дарить и т.д.), а равно на каких условиях. Появление же признаков банкротства связано с необходимостью соблюдения публичного ин-

тереса, который присущ отношениям несостоятельности, что требует большей осмотрительности в выборе форм поведения. Фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов в отсутствие признаков банкротства может свидетельствовать лишь о наличии признаков налоговых преступлений или преступлений против порядка управления.

Законодательство о несостоятельности предусматривает в отношении всех должников общий признак банкротства - неспособность удовлетворения должником денежных обязательств и (или) исполнения обязанности по уплате обязательных платежей. Для определения такой "неспособности" традиционно используются два принципа: 1) принцип неоплатности, суть которого в том, что должник может быть признан банкротом лишь в случае, если общая сумма его долгов превышает стоимость его имущества; 2) принцип неплатежеспособности, сущность которого заключается в презумпции: "если должник длительное время не расплачивается с кредиторами по обязательствам и не вносит обязательные платежи в бюджет, предполагается, что он не в состоянии это сделать".

Согласно п. 2 ст. 3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. Пункт 1 этой же статьи устанавливает дополнительное требование в отношении должника-гражданина - сумма его обязательств должна превышать стоимость принадлежащего ему имущества, которое не применяется в отношении индивидуальных предпринимателей и крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ). Таким образом, по общему правилу в основу определения признаков банкротства для юридических лиц, ин-

дивидуальных предпринимателей и КФХ законодателем положен принцип неплатежеспособности. В этом случае необходимо будет установить, что соответствующие деяния были совершены субъектом в ситуации более чем трехмесячного неисполнения должником своих обязательств перед кредиторами, хотя срок их исполнения наступил и они должны были быть исполнены. При этом не менее важны причины такого неисполнения, которые должны быть обусловлены неспособностью удовлетворения требований кредиторов. В том же случае, когда неисполнение обусловлено не затруднительным финансовым положением должника, а, например, его нежеланием, то в таком случае нельзя говорить о наличии признаков банкротства. Такие деяния руководителей при наличии к тому оснований могут быть квалифицированы по ст. 177 УК. Одновременно следует учитывать, что, если должник получает доход, позволяющий своевременно расплачиваться с кредиторами, но стоимость его чистых активов имеет отрицательное значение, признаки банкротства также отсутствуют.

При определении признаков банкротства в соответствии с принципом неоплатности потребуются дополнительно установить, что неправомерные деяния были совершены, когда общая сумма требований к должнику превышала стоимость его имущества. Отметим, что подобного подхода придерживаются следственные органы, так как в каждом изученном нами уголовном деле (независимо от категории должника) содержалось количественное сравнение его активов и пассивов, на основании чего делался вывод о неспособности погашения должником долгов на момент соответствующего деяния, что нельзя признать правильным.

Таким образом, признаки банкротства могут иметь место до подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом. Их наличие предполагается и при возбужденном производстве по делу о банкротстве. Принятие арбитражным

судом решения о признании должника банкротом свидетельствует о юридическом оформлении неспособности должника удовлетворить требования кредиторов. Восстановление платежеспособности должника в ходе процедур, применяемых в деле о банкротстве, на наш взгляд, не исключает данного состава преступления, если будет установлено, что указанные в ч. 1 ст. 195 УК деяния были совершены при имевшихся на тот момент признаках банкротства и их результатом явилось причинение крупного ущерба.

Говоря об ущербе в рамках ч. 1 ст. 195 УК, его "следует связывать не с появлением негативных изменений у третьих лиц, а с уменьшением собственных активов должника", поскольку такое уменьшение, в сущности, означает ущемление имущественных интересов (как кредиторов, так и должника как хозяйствующего субъекта). Поэтому ждать окончания конкурсного процесса для установления размера непогашенной кредиторской задолженности, для применения ст. 195 УК не требуется. Согласно примечанию к ст. 169 УК, крупным признается ущерб в сумме, превышающей 250000 руб.

Субъективный признак неправомерности перечисленных в ч. 1 ст. 195 УК деяний вытекает из криминальной сущности "злостного" банкротства. Как справедливо заметил И.Я. Фойницкий, одним из центральных пунктов злостного (корыстного) банкротства является "намерение извлечь имущественную выгоду неплатежом долгов, во вред кредиторов".

Содержание института несостоятельности состоит в том, что должник, который не может выполнить свои обязательства, обязан предоставить свое имущество, которое реализуется, а вырученные деньги направляются на погашение долга. После этого должник считается свободным от долга, даже если переданные кредиторам деньги окажутся меньше суммы самого долга. В конкурсном процессе заложена закономерность: чем больше у должника имущества, тем выше уровень удовлетво-

рения кредиторов, и наоборот. Нанося ущерб имущественной массе должника, в итоге страдают кредиторы. Возможность списания долга при его неполном погашении порождает желание "сделать недоступной имущественную массу для участников конкурсного процесса" и сохранить свою собственность как можно в большем объеме, что составляет суть "злостного" банкротства.

Подобный злонамеренный характер деяний - главное свидетельство неправомерности того или иного поведения при наличии признаков банкротства. И.Я. Фойницкий отмечал: "...Корыстное банкротство предполагает... определенную цель деятельности... извлечь имущественную выгоду путем... сокрытия своего имущества, избежать платежа долгов этим путем, что в самом себе включает имущественный вред для кредиторов". Статья 1166 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных прямо указывала, что соответствующие действия совершались "во вред неудовлетворенных кредиторов". В ст. 45 Закона "О несостоятельности (банкротстве) предприятий", с которой связывается зарождение состава "злостного банкротства" в современной России, неправомерными признавались действия, наносящие ущерб интересам всех или части кредиторов. Указанием на последствия в виде крупного ущерба эта же идея, с нашей точки зрения, проводится и в ч. 1 ст. 195 УК, хотя не столь очевидно, что следует признать редакционным недостатком. Именно с ущербом законодатель связал криминальный характер соответствующих деяний, однако по непонятным причинам упустил из виду субъективную составляющую криминальности "злостного" банкротства - намерение (цель) причинить ущерб. Это породило в литературе мнения о возможности совершения данного преступления с косвенным умыслом и даже по неосторожности.

К неправомерным (направленным на причинение ущерба) деяниям можно отнести совершение руководителем в непро-

стой для предприятия экономической ситуации безвозмездных (фиктивно возмездных), а равно явно неэквивалентных сделок в отношении имущества должника, совершение таких сделок с заинтересованными лицами, сокрытие ликвидного имущества от конкурсного процесса и т.п. Как правило, данное поведение сопровождается прямым или скрытым нарушением законодательства о несостоятельности.

Выявленные факты таких нарушений могут подтверждать выводы правоохранительных органов о злостном характере соответствующих деяний и служить дополнительным обоснованием ответственности. В то же время формальное неустановление таких нарушений при фактической направленности деяний на обеспечение недоступности имущественной массы должника для участников конкурсного процесса, с нашей точки зрения, не может служить достаточным основанием для оправдания такого поведения.

ОКАЗАНИЕ АДВОКАТОМ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

Шевчук А.Н.

*кандидат юридических наук, профессор Военный университет,
(г. Москва)*

Конституционное положение о равенстве всех перед законом и судом непременно должно реализовываться в отраслевом законодательстве. Именно в нем нормам Конституции РФ придается реальное содержание с учетом характерных методов регулирования правоотношений и, что крайне важно, устанавливается механизм их реализации. Без этого большинство положений Основного Закона оставались бы декларативными.

Особую остроту вопросы равенства имеют применительно к уголовному судопроизводству, где существенным образом за-

трагируются права и охраняемые законом интересы физических лиц. Обеспечивает ли уголовно-процессуальное равенство потерпевшего и обвиняемого? Рассмотрим данный вопрос на примере обеспечения названных участников уголовного процесса квалифицированной юридической помощью, в том числе бесплатной.

Право на квалифицированную юридическую помощь относится к числу конституционных и международно-правовых, оно призвано служить обеспечению равных возможностей сторон при производстве по уголовным делам. Частью 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации установлено: «каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно»[1]. Данное право закреплено и во многих международных правовых актах: Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года; Пакт о правах человека, принятый 16 декабря 1966 года Генеральной Ассамблеей ООН; Конвенция о защите прав человека и основных свобод, принятая 4 ноября 1950 года. Эти положения также были закреплены в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года, принятой в Российской Федерации.

В Основных Положениях о роли адвокатов (принятых VIII Конгрессом ООН по предупреждению преступлений в августе 1990 г. в Нью-Йорке) говорится о том, что «адекватное обеспечение прав человека и основных свобод, на которые все люди имеют право, предоставляется им в экономической, социальной, культурной, гражданской и политической жизни и требует, чтобы все люди имели эффективную возможность пользоваться юридической помощью, осуществляемой независимой юридической профессией» [2].

В далеком прошлом остались времена, когда оказание юридической помощи не являлось ремеслом, а почетным занятием избранных.

«С самых ранних времен и в каждой стране, где была известна адвокатура, было в обычае считать деятельность адвокатов безвозмездной, а вознаграждение уплачивалось клиентом не из законного обязательства, а только из долга признательности (нравственного долга). Едва ли можно сомневаться, что это воззрение вызвано и издерживается ревнивым опасением, чтобы профессия адвоката не выродилась в низкое и продажное ремесло (Форсит)». Еще в Древней Греции большинство философских изысканий в той или иной мере затрагивало проблемные вопросы отношений между человеком и государством. Мыслители стремились познать реальность во всей ее полноте, объяснить необходимость существования законов природы и общества. Провозглашая верховенство законов в государственной жизни, Платон писал: "Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон владыка над правителями, а они - его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, которые только могут даровать государствам боги"[3; с. 411].

В Древнем Риме, свидетельствуют историки, адвокату платили почестями, а не деньгами. «*Vetitum quipped erat lege Cincia munerali, ne quis, ob causam orandam, pecuniam donumve acciperet* – было запрещено законом Цициния, чтобы кто-либо принимал за защиту деньги или подарки» [4; с. 10]. Это объяснялось почетным характером профессии, а также тем, что адвокаты принадлежали в те годы к знаменитейшим и богатейшим семействам. В Афинах ежегодно избирались десять адвокатов для защиты бедных против богатых в гражданских и уго-

ловных делах; также было и в Риме. Причем такого рода бескорыстие диктовало, чтобы адвокат «всегда довольствовался скромным гонораром, чтобы в случае несостоятельности клиента он вел дело безвозмездно с таким же рвением и усердием, как дело самого богатого человека» [4; с.10-11].

Согласно норм Уголовно-процессуального кодекса РФ (ст.ст. 16, 50 УПК РФ) подозреваемый и обвиняемый обеспечивается услугами защитника, в том числе бесплатно в случаях, предусмотренных законом. Согласно ст. 51 УПК РФ участие защитника обязательно, если обвиняемый (подозреваемый) не отказался от защитника. Следовательно, если подозреваемый или обвиняемый не отказался от услуг защитника и по своей инициативе не заключил соглашение с адвокатом на оказание соответствующих услуг, следователь, дознаватель, суд обязаны назначить защитника из числа профессиональных юристов - адвокатов. Причем за счет государства и независимо от имущественной состоятельности привлекаемого к ответственности лица. В справедливости и гуманности данных норм нет сомнений.

Обеспечивается ли на таких же условиях право на получение квалифицированной юридической помощи потерпевшему? Потребность в этом, на первый взгляд, очевидна – потерпевший пострадал от преступления, поэтому ему необходимо создание надлежащих условий по участию в судопроизводстве, чтобы он не испытывал затруднений в реализации своих прав и защите законных интересов. Без качественной юридической помощи это невозможно.

К сожалению, современное общество не может в одночасье избавиться от очевидных перекосов советского периода в уголовном судопроизводстве. Как и прежде, в настоящее время УПК РФ развивает прежнюю тенденцию – создание максималь-

ных гарантий прав подозреваемого (обвиняемого), игнорируя по сути своей интересы потерпевшей стороны. Так, потерпевший может привлечь на свою сторону квалифицированного юриста только за счет собственных средств. А если их недостаточно или они отсутствуют, он остается без обеспечения квалифицированной юридической помощью. И это несмотря на то, что в последнее время государством предпринимаются определенные шаги по обеспечению малоимущих граждан квалифицированной юридической помощью. Об этом свидетельствуют Постановление Правительства Российской Федерации № 400 от 4 июля 2003 г. [7] (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 28 сентября 2007 года № 625) [8]; Постановление Правительства РФ от 22 августа 2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам» [9] (в ред. Постановления Правительства РФ от 13.11.2006 N 676); Федеральный закон № 324-ФЗ от 21 января 2011 г. «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [10]. Но первым актом устанавливаются размер оплаты труда адвоката-защитника подозреваемого или обвиняемого за государственный счет, в других же отношениях, связанные с оказанием юридической помощи в уголовном судопроизводстве, не регулируются вовсе. Следовательно, правовые гарантии права потерпевшего на получение квалифицированной юридической помощи, особенно бесплатной, остаются на прежнем уровне, обеспечивающем приоритет лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Те, кто утверждают о равенстве прав подозреваемого (обвиняемого) и потерпевшего в обеспечении квалифицированной юридической помощью, обращаются к полномочиям прокурора, выступающего на стороне обвинения (как и потерпевший) и якобы призванного обеспечивать реализацию прав потерпев-

шего. Во-первых, у прокурора функции несколько отличные от функций и интересов потерпевшего – прокурор осуществляет уголовное преследование и надзор за предварительным расследованием. То есть в ходе предварительного расследования он может только обращать внимание органов следствия (дознания) на недочеты в обеспечении прав потерпевшего, но никак лично, в оперативном порядке не может отстаивать права потерпевшего. Во-вторых, у прокурора нет обязанности обеспечивать права потерпевшего. Закон не обязывает его оказывать потерпевшему помощь в подготовке заявлений, жалоб, в их подаче в государственные и иные структуры. В-третьих, прокурор в суде поддерживает государственное обвинение. Его позиция может не совпадать с позицией потерпевшего по квалификации преступления, по объему обвинения, по характеру и степени тяжести вреда, причиненного здоровью и объему причиненного имущественного вреда. Прокурор вправе отказаться от обвинения, тогда как противоположное мнение может сформироваться о виновности подсудимого у потерпевшего. Автор настоящей статьи поддерживал обвинение в отношении четырех подсудимых, которые избили потерпевшего, причинив ему незначительный вред здоровью. Пытаясь скрыться от обидчиков, потерпевший выпрыгнул из окна пятого этажа жилого здания, в результате чего наступила его смерть. Данные обстоятельства подтверждались материалами уголовного дела. Потерпевшая же (мать погибшего) утверждала, что ее сын был убит, а затем выброшен злоумышленниками. Могут ли в такой ситуации между потерпевшим и прокурором сложиться доверительные отношения? Сможет ли потерпевшая, позицию которой можно понять, но никак не принять, утверждать, что защиты прокурора было достаточно для отстаивания ее интересов? Однозначно нет, т.к. налицо конфликт между участниками процесса со стороны обвинения.

В решениях Европейского Суда по правам человека проблема обеспечения надлежащей юридической помощью излагалась неоднократно. Так, по делу Бертуцци против Франции *Bertuzzi - France* (N 36378/97) в постановлении ЕСПЧ указано, что в случае, если заявитель взялся бы самостоятельно вести дело против профессионального юриста без юридической помощи, не обеспечивалось бы соблюдение права заявителя на доступ к правосудию в суде в условиях, обеспечивающих равные процессуальные возможности обеих сторон, что является неотъемлемым признаком справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, в Российской Федерации назрела острая потребность в предоставлении потерпевшему равных с подозреваемым (обвиняемым) гарантий конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. Официальный текст. – М.: Изд-во Эксмо, 2011.
2. ОСПС «Законодательство России». 2002, № 8 (60).
3. Платон. Законы, 715 d. Цит. по кн.: Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 1997. С. 411.
4. Тацит, Книга 11.
5. Молло М. Правила адвокатской профессии во Франции. М., 1984.
6. См: Российская газета, 2003, 10 июля, № 134.
7. Собрание законодательства Российской Федерации № 35, 2007 г.
8. Постановление Правительства РФ от 22 августа 2005 г. № 534 «О проведении эксперимента по созданию государственной системы оказания бесплатной юридической помощи малоимущим гражданам». Консультант плюс. Законодательство России. М.: prof.consultant.ru, 2007. Режим доступа: World Wide Web. URL: <http://www.prof.consultant.ru>.
9. Собрание законодательства РФ. – 2011. - № 48. – Ст. 6725.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Выпуск 28

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

*Материалы международной научно-практической конференции
«Модернизация экономики и общества
в России с XXI веке»*

*16 февраля 2012 года
Москва, НОУ ВПО «СФГА»*

Верстка: Д.В. Семенов
Составитель: В.В. Смирнова

Подписано в печать 28.09.2012 г. Заказ № 138.
Формат 60х 90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Arial.
Печ. л. – 11,75. Тираж 300 экз.

НОУ ВПО «СФГА»
109383, г. Москва, ул. Шоссейная, д. 90, стр. 17
тел. (495) 741-56-84
e-mail: info@sfga.ru

ООО «Вариант»
115093, Москва, ул.Б.Серпуховская, д. 44, оф.19
e-mail: a1605@mail.ru

Отпечатано в ООО «Вариант»
115093, Москва, ул.Б.Серпуховская, д. 44, оф.19